Александр Рудазов
Арифмоман.
В небесах
Весь расчет на ваш счет!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

День Костяного Тигра 1514 года по календарю Парифата. По земному… вероятно, 9 декабря 2016 года. Не уверен точно. Нахожусь в небе другой планеты… возможно, параллельного мира. Этот вопрос еще не прояснен окончательно.

12 августа сего года я, Исидор Яковлевич Эйхгорн, 1973 года рождения, совершил открытие, обнаружив туннель в пространстве. То явление, что в быту именуют «червоточиной» или «кротовиной». Сочтя своим долгом исследовать находку более близко, я последовал внутрь и обнаружил на другой стороне совершенно новый мир. В чем-то похожий и даже идентичный нашему, а в чем-то – абсолютно другой.

Среди самых серьезных отличий стоит назвать необычные, порой даже аномальные образчики флоры и фауны, а также уникальные вещества. А кроме того – явление, которое туземцы именуют «магией». Во многом это действительно похоже на волшебство из сказок, однако я уверен, что со временем смогу найти рациональное объяснение.

- Александр Рудазов
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49
  - Глава 50
  - Глава 51
  - Глава 52

- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59

Александр Рудазов
Арифмоман. В небесах

Внимание! Данное произведение содержит сцены курения. Помните, что курение опасно для вашего здоровья.

Глава 31

Какой же великолепный вид открывается с высоты птичьего полета! Эйхгорн не раз прыгал с парашютом, летал на вертолете и параплане, но все равно не уставал восхищаться этой панорамой. Под тобой словно простирается огромная карта – и такая точная и красочная, каких ни за что не начертить человеку.

Деревни, леса, поля, реки… Весь Парибул как на ладони. Все то, что Эйхгорн до этого исколесил, пересчитал и занес в реестр, теперь лежало по обе стороны крыльев. Позади остался городок Альбруин – и Эйхгорн понятия не имел, увидит ли его еще когда-нибудь.

Как жаль, что он в этом небе далеко не первый. Было бы приятно чувствовать себя пионером авиации. Увы, ковролетчики опередили Эйхгорна давным-давно… а возможно, и не только они. Наверняка у волшебников тоже есть какие-то летательные средства.

Здесь, в небе, окончательно подтвердилось, что это другая планета. Во-первых, горизонт действительно намного дальше – тут уже не спишешь на обман зрения и преломление солнечных лучей. Во-вторых, температура понижается гораздо медленнее. Эйхгорн поднялся уже по крайней мере на километр, но холоднее почти не стало. Разница от силы в пару градусов – а должно быть шесть-семь.

Видимо, тропосфера здесь в разы толще, чем на Земле. Жаль, нет барометра, чтобы это проверить. По личным ощущениям атмосферное давление если и отличается, то незначительно.

Движок пока что работал стабильно. Правда, спустя час полета у него обнаружился недостаток – жаркамень сильно нагревал металл. В маленьком, почти игрушечном самолетике это ощущалось очень хорошо, и Эйхгорн порадовался, что сделал сиденье и приборы деревянными, а кабину – открытой. В ней ощутимо пахло касторкой – похоже, масло тоже перегревалось.

Если не считать компаса, астролябии и бумажной карты, у Эйхгорна не было никаких средств навигации. Скорость и высота определялись на глазок. Однако по приблизительным оценкам «Переперделка» развивала шестьдесят-семьдесят километров в час. Парибульскую границу она пересекла уже через полчаса, до Ибудуна должна была добраться к вечеру.

Пока что внизу продолжались Маленькие Королевства. Судя по карте, Эйхгорну предстояло пролететь над Лимоей, Бередилом и Епаром – а уже за ним начинался великий халифат Нбойлех.

Великий халифат. В бессчетный уже раз Эйхгорн задумался

об этой лингвистической аномалии. Совершенно ясно, что в этом мире нет и не может быть халифатов, равно как и халифов – ведь здесь же не было Магомета, так что нет и ислама. Очевидно, что государственная система Нбойлеха называется как-то иначе – но Эйхгорн упорно слышит и читает «халифат».

Если вдуматься, с королевствами и королями то же самое. Слово «король» произошло от имени собственного – Карл Великий. Английское «king» и немецкое «könig» – от скандинавских конунгов. На другой планете правители и государства должны называться иначе. Но мозг Эйхгорна воспринимает именно «короля», даже не слыша, как это произносится на местном языке.

Этому обязано быть какое-то объяснение.

Но сейчас Эйхгорну было не до этого. Он не просто летел на север – он также и заново измерял эту планету. Еще в Альбруине он измерил полуденную высоту местного солнца – и теперь, когда снова приближался полдень, делал это повторно.

Конечно, узнать таким образом хоть сколько-нибудь точные числа невозможно, но это Эйхгорну сейчас и не требовалось. Он просто хотел выяснить их порядок. Удостовериться, что диаметр этой планеты действительно вчетверо больше земного. Что он не слишком сильно ошибся, когда измерял его по формуле дальности горизонта.

И он в этом удостоверился. Если перевести местное время в земное, Эйхгорн стартовал в 07:54 – соответственно, полдень наступил через четыре часа и шесть минут. Даже если принять скорость «Переперделки» за самую минимальную, он пролетел не менее двухсот километров и двигался точно на север. На Земле высота солнца сместилась бы как минимум на два градуса – здесь же нет и половины.

Значит, в отношении радиуса этой планеты Эйхгорн не ошибся. Ее объем и в самом деле примерно равен объему Нептуна. А поскольку сила тяжести почти не отличается, ее масса больше земной всего в шестнадцать раз. Но как это можно объяснить?

Объяснение первое – Эйхгорн все равно где-то серьезно напортачил в измерениях или вычислениях. Однако это вряд ли. Конечно, все полученные им данные довольно приблизительны, но допустить грубую ошибку он точно не мог.

Объяснение второе – здешние физические законы отличаются от земных, поэтому привычные формулы не работают. Однако это вряд ли. Пока что Эйхгорн не заметил никаких принципиальных отличий – все вокруг работает так же или почти так же, как на Земле. Применив бритву Оккама, можно отвергнуть это

объяснение, как не имеющее предпосылок.

Наконец, объяснение третье – эта планета действительно очень «легковесна». Возможно, она состоит из очень легких пород. Или в ее недрах имеются значительные пустоты. Когда-то учеными выдвигалась гипотеза «полой Земли»… не окажется ли эта гипотеза справедливой для Парифата?

Вот только как это проверить?

Пейзаж внизу понемногу менялся. Бесконечная зелень лесов и лугов превратилась в пожухлую желтизну, усеянную синими крапинками. Видимо, сейчас как раз цвели какие-то местные растения.

Всхолмленная равнина тянулась около четверти часа, а потом окончательно исчезли все цвета, кроме желтого. Начались барханные пески – куда ни посмотри, были только они.

Эйхгорн сверился с картой, сверился с компасом, глотнул кофе из термоса и повернул самолет левее. Его цель, город Ибудун, располагалась на берегу Бархатного моря, в юго-западной части страны. Там лежат цветущие земли с очень мягким климатом, но только вдоль береговой полосы. Всего полусотней километров восточнее начинается бескрайняя пустыня – над ней Эйхгорн сейчас и летит.

Из всех парибульских знакомых Эйхгорна в этих краях бывал только коннетабль – с миротворческой миссией. Двадцать лет назад здесь орудовала на редкость крупная разбойничья шайка… даже не шайка, а целое войско – более двух тысяч человек. Эти бедуины, или кем они там были, постоянно делали набеги на Маленькие Королевства, грабили и сжигали целые деревни, а то и города, после чего растворялись на просторах Нбойлеха.

Сам Нбойлех с этой проблемой разбираться не спешил. То ли разбойники засылали халифу бакшиш, то ли вообще действовали по прямой его указке – власти никак не реагировали на происходящее. И когда стало совсем уж невмоготу, одиннадцать Маленьких Королевств, в том числе и Парибул, отправили в пустыню объединенную армию из пяти тысяч бойцов. Возглавлял ее принц Хоммер, а нынешний коннетабль состоял при нем в ординарцах.

Историю эту он рассказывал часто и с удовольствием. По его словам, они почти четыре луны провели в пустыне, питаясь чем попало. Пережили две страшных песчаных бури, убили гигантскую многоножку, а в конце концов расправились с проклятыми бедуинами. Голову их главаря потом насадили на пику и перевозили из королевства в королевство, пока та совсем не сгнила.

Если же не считать бедуинов, эти места никогда не были

густо населены. Большая часть нбойлехцев проживает на морских берегах – их государство расположено на огромном полуострове. Кое-где пустыню пересекают караванные тропы, но их всего ничего. Обычно грузы и людей перевозят водой – это проще и быстрее, чем тащиться по бесплодным дюнам.

Само собой, в пустыне Эйхгорн приземляться не собирался. Да и вообще не был уверен, что сумеет приземлиться так же успешно, как взлетел. Он ведь не профессиональный пилот. Да, он посещал летные курсы и имеет любительскую лицензию, но его суммарный налет отличается прискорбной краткостью, а посадка всегда была слабым местом.

И это на земных машинах, с современным оборудованием и великолепной системой навигации.

Но именно на такой случай Эйхгорн и сделал себе парашют. На его счету уже одиннадцать прыжков, и он был полностью уверен, что сумеет совершить двенадцатый.

Однако этого все же хотелось бы избежать. Эйхгорн не для того вложил столько времени, сил и средств в свою «Переперделку», чтобы убить ее в первом же полете. Он рассчитывал еще не раз подняться на ней в воздух.

По мере того, как солнце клонилось к закату, погода все больше портилась. Ясное небо сменилось пасмурным, а потом вовсе покрылось тучами. Нечасто увидишь в пустыне подобное.

За воем пропеллера и хлопками двигателя Эйхгорн не сразу расслышал другие звуки. Громовые раскаты. Обернувшись, он неприязненно посмотрел на восток – там уже стояла водяная стена и сверкали молнии. Судя по ландшафту под крылом, дождь в этой местности гостил редко – но вот надо же было ему зарядить именно сегодня!

Очередная молния. Раз… два… три… четыре… гром! Пауза чуть длиннее четырех секунд – значит, до грозы около полутора километров. Возможно, если повернуть на запад, Эйхгорн сумеет опередить непогоду. Если нет – придется садиться в пустыне. Полеты в грозу на толком не испытанном прототипе – не самое мудрое поведение.

Увы, ветер тоже крепчал. Если до этого «Переперделка» скользила по воздуху, как бывалый конькобежец, то теперь ее стало потряхивать. Эйхгорн снял колпак волшебника и натянул панаму, закрепив ее под подбородком.

Жаль, нет летных очков. Эйхгорн подумывал заказать такие стеклодуву, но их было бы слишком неудобно надевать поверх обычных. Дома у Эйхгорна были и защитные очки с диоптриями, и даже подводная маска… но дом остался на Земле.

Уже через двадцать минут стало очевидно, что уйти от грозы

не получится. Ветер из крепкого стал очень крепким, «Переперделку» колыхало, как парусник в шторм. В двигателе появились какие-то новые шумы.

Эйхгорн попытался сделать аудиозаметку, чтобы описать происходящее, но не услышал собственного голоса. Гром гремел уже совсем близко. Промежутки между раскатами и вспышками сократились до двух секунд – гроза стремительно нагоняла крохотный самолетик.

И через несколько минут она его нагнала. До вечера было еще далеко, но вокруг воцарилась тьма египетская. Тучи полностью заволокли небо, и лишь вспышки молний освещали дорогу. Вот очередная шарахнула так близко, что Эйхгорна едва не ослепило. Он проверил лямки парашюта на спине и вытащил из грузоотсека мешки с припасами.

Эйхгорн однажды встречался с человеком, который утверждал, что в него трижды попадала молния. Врал, скорее всего. По статистике, шанс на протяжении человеческой жизни оказаться жертвой молнии – один из трех тысяч. Нетрудно подсчитать, что шанс того, что с тобой это произойдет трижды – один из двадцати семи миллиардов. На Земле просто нет столько людей.

С другой стороны, шансы повышаются, если жить или работать там, где часты грозы. Был же на свете такой человек, как Рой Салливан, который явно чем-то прогневил Зевса – ибо молния в него попадала аж семь раз. Даже не поймешь, считать ли его из-за этого неудачником или же все-таки везучим – ведь все семь раз он выжил.

Но Эйхгорн испытывать судьбу не собирался. В пустыне практически нет возвышенностей. Вероятность того, что одна из молний изберет целью его самолет, не равна ста процентам, но неуютно к этому близка. Будет жалко расставаться с собранной своими руками машиной, но жизнь дороже.

Внизу не видно ни зги. Вокруг хлещет дождь. Подхваченный ветром самолет несется вперед по воле стихии. В кабине уже плещется вода – ногам холодно и мокро. Остальным частям тела тоже. У Эйхгорна имелась теплая куртка с капюшоном, но достать ее сейчас из рюкзака и переодеться нет никакой возможности.

Да и не до этого сейчас. Гораздо важнее – что там с силовой установкой? Жаркамню-то влажность не помеха – проверено экспериментальным путем. Воду он кипятит гораздо лучше обычных раскаленных камней – паровая машина вышла бы на загляденье.

Но вот остальные части термодвигателя… в них Эйхгорн был не так уверен. Он собирался лететь в безоблачный день, над

пустыней, в которой дождь выпадает хорошо если раз в полгода. Пока что движок работает нормально, но хлопает и кашляет заметно иначе – и эти новые звуки Эйхгорну совсем не по душе.

Хотя их все равно почти не слышно из-за грозы.

Эйхгорн заложил вираж, тщетно пытаясь разглядеть землю сквозь покрытые каплями очки. Конечно, там должна быть все та же пустыня, но всегда есть шанс, что именно сейчас Эйхгорн пролетает над каким-нибудь провалом, воронкой или вообще зыбучими песками.

До этого Эйхгорн даже не пытался проделывать на «Переперделка» хоть какие-то фигуры пилотажа. И та, как выяснилось, относится к ним очень неодобрительно. Неопытного летчика вдавило в сиденье, а мир вокруг словно накренился – хотя на самом деле, конечно, накренился самолет.

Зато при очередной вспышке молнии Эйхгорн увидел землю. Ровная песчаная гладь, похожая на пляж во время дождя. А впереди несколько пятнышек… шатер?.. лошади?.. Разбитые очки давали не самый лучший обзор.

Но главное – никаких препятствий. Возможно, у Эйхгорна еще есть шанс приземлиться, сохранив самолет…

Вспышка!

Эйхгорна аж подбросило на сиденье. На сей раз молния попала в самолет – по счастью, хвостовую его часть. Кроме того, она не разрядилась тут же, а прошла насквозь, закончив путь где-то среди барханов.

Современной земной машине это не причинило бы вреда – они и так регулярно ловят молнии, – но склепанная из чего попало «Переперделка» стала стремительно терять высоту. Пропеллер чахло заверещал, двигатель явно получил сильные повреждения. И хорошо еще, что в хвосте не было деревянных частей – иначе бы он уже пылал.

Удара током Эйхгорн избежал, кабина была вполне сносно изолирована. Но надежды благополучно приземлиться пришлось отбросить. Он проверил лямки парашюта, покрепче ухватил мешок с провизией и выпрыгнул за борт.

Су-Дух Амедзи лежал ниц. Два его коня тоже лежали. Неразумно поднимать голову, когда в небесах воюют боги… или празднуют. Громовержец Космодан не так часто заглядывает в эти края, и раз уж заглянул – лучше не привлекать его внимание.

Страшны его белые молнии, безжалостны. В прошлом году двоюродного брата Су-Духа застала в дороге гроза, и этот дурак спрятался под деревом. Не знал, наверное, что Громовержцу не любы деревья, и в гневе он частенько разит их молниями.

Нет, надо лежать и не подниматься. Прижав лицо к мокрому песку, Су-Дух горячо молился всем богам. Молился, чтобы те не убивали Су-Духа, дали еще немного пожить. Он ведь так молод, он даже не успел еще жениться и обзавестись потомством.

Кстати, о женитьбе. Если эта гроза праздничная, если боги сейчас что-то отмечают, они должны быть добры и милостивы. Су-Дух еще немного помолился, чтобы его не убивали, а потом стал молиться, чтобы боги послали ему невесту.

– Пусть будет красивая, – бормотал он. – Красивая, как дочка старшего караванщика, только не такая злая. Боги, пусть моя невеста будет доброй! Пусть наливает мне вино каждый раз, когда попрошу! Пусть чешет мне пятки по вечерам и хорошо расчесывает коням гриву! Пусть паре звезд будут подобны ее очи, паре кораллов – губы, и паре дынь…

Кони вдруг заржали. Су-Дух прервал молитву и рискнул приподнять лицо. Его глаза округлились – с неба спускался человек.

Был он лыс, худ и небрит, облачен в мокрый балахон и держал два туго набитых мешка. Над ним простиралось нечто огромное и круглое…

– Боги, вы ошиблись! – воскликнул Су-Дух, возмущенно глядя в небо. – Я просил невесту! Не-вес-ту! Я что, невнятно говорил?!

Эйхгорн тем временем благополучно приземлился и принялся складывать парашют. Хотя немного подумав – вынул его совсем и оставил лежать на песке. Самолет потерян, нового у Эйхгорна в ближайшие месяцы точно не будет, так что незачем таскать лишнюю тяжесть. Лучше упаковать в рюкзак одежду и провизию.

Этим Эйхгорн и занялся. Пока он перекладывал вещи, дождь начал стихать. Гроза пронеслась мимо, оставив залитый водой песок и несколько трубок фульгурита в местах попадания молний.

Из очков вывалилась правая линза. Лейкопластырь размок, и та перестала держаться в оправе. Эйхгорн окинул ее снулым взглядом, сунул в карман и взвалил на плечи рюкзак.

Только теперь он обратил внимание на туземца. Какой-то бедуин, похоже. На Эйхгорна тот смотрел с суеверным страхом – наверное, не каждый день тут с неба падают люди.

– Эй, дружище, в какой стороне Ибудун? – спросил Эйхгорн.

– Туда, туда, в ту сторону! – торопливо замахал рукой бедуин.

Эйхгорн кивнул и молча двинулся в указанном направлении.

Бедуин облегченно выдохнул.

Глава 32

Солнце клонилось к закату. Эйхгорн продолжал перебирать ногами. Его лица не покидало безразличное выражение.

Сухой и жилистый, как старая бастурма, Эйхгорн никогда не отличался физической силой. Зато он обладал выносливостью верблюда и точно так же мог часами размеренно шагать по пустыне.

Теперь он воочию убедился, как много значат для Парибула холодные ветра с юго-востока. Всего пятьсот километров к северу – а как разительно переменился климат! Вместо лиственных лесов – раскаленные пески, вместо приятного тепла – духота и жарища. Словно перенесся с Кипра в Аравию.

Пустыни всегда раздражали Эйхгорна. В них слишком много песка. А песок состоит из отдельных песчинок. Очень-очень много отдельных песчинок, которые Эйхгорну подсознательно хотелось пересчитать. Он прекрасно понимал, что это не в человеческих силах (хотя Архимед предпринял неплохую попытку), но ему все равно хотелось.

Левая половина мира представала перед Эйхгорном четкой и ясной. Правая расплывалась в мутном тумане. Временами он подносил к глазу вывалившуюся линзу, убеждался, что пейзаж меняется не слишком сильно, и продолжал отмерять шаги.

Его мучил зной. Ноги утопали в раскаленном песке, воздух был прогрет градусов до сорока, а голову нещадно пекло солнце. Пока Эйхгорн спускался на парашюте, панаму унесло порывом ветра, так что он надел кепку, а под нее еще и колпак волшебника. Хотелось раздеться полностью, но Эйхгорн прекрасно знал, насколько это страшная ошибка.

Через каждые четверть часа Эйхгорн делал глоток воды. Та сильно нагрелась, но жажду утоляла. Сухой воздух нещадно скреб горло, но судя по размеренному пульсу, обезвоживание Эйхгорну пока не грозило.

После заката Эйхгорн продолжал идти. Сделал небольшой привал, чтобы поесть, а потом снова двинулся вперед. Он решил потерпеть со сном до утра – ночью идти по пустыне куда комфортнее. Можно не опасаться солнечного удара, вода расходуется медленнее…

По мере того, как на небе высыпали звезды, становилось все прохладнее. Сорокаградусная жара сменилась комнатной температурой, а потом упала еще ниже. Эйхгорн даже надел куртку.

Ветер тоже стих. Еще бы куда-нибудь убрать песок – и было

бы совсем замечательно.

Но он никуда исчезать не собирался. Пролившийся днем дождь давно поглотили барханы, и ноги увязали по самые щиколотки.

Периодически Эйхгорн сверялся с компасом. Ориентироваться в пустыне даже труднее, чем в лесу. Дюны обманчивы, они изгибаются так причудливо, что можно часами незаметно для себя бродить по кругу.

Когда стало светать, Эйхгорн поужинал сушеным мясом с картошкой, допил кофе и принялся устраиваться на ночлег. За неимением в пределах видимости скал или хотя бы крупных камней, способных укрыть от солнца, он сделал импровизированный навес из запасной одежды. В качестве стойки использовал рулетку – та могла намертво фиксироваться в любом положении, превращаясь в достаточно прочную стальную полосу.

Сейчас бы очень пригодился брошенный парашют, но… теперь уже поздно.

Проснулся Эйхгорн во втором полуденном часу. Зевнул, почесался и без аппетита сжевал кусок суджука, запив его теплой водой. Рюкзак потихоньку легчал.

Лежа в тени собственного балахона, Эйхгорн выждал еще пару часов. Когда солнце слегка опустилось, и самый лютый зной спал, он упаковал пожитки и вновь зашагал на запад.

Сегодня дождем и не пахло. От горизонта до горизонта ни облачка. Ветра тоже нет – жарко, душно.

Заблудиться Эйхгорн не боялся. Нбойлех – полуостров, вытянутый к северу. Если все время идти на запад, рано или поздно выйдешь к берегу моря – а там люди, города, цивилизация. Оттуда уже будет нетрудно найти путь в Ибудун.

Вот только неизвестно, как долго еще идти. Эйхгорн не имел представления, где именно его застала гроза – предполагал лишь, что где-то в центральной области. На карте не было ни масштаба, ни координатной сетки, но если сравнивать с размерами того же Парибула, ширина южной части пустыни – около четырехсот километров. Возможно, и все пятьсот – средневековые картографы редко славятся точностью.

Как бы там ни было, путь впереди еще неблизкий.

Шагать по барханам было непросто, скорость Эйхгорн развивал невысокую. Постоянно случалось то подниматься, то спускаться, причем на спуске приходилось даже тяжелее – песок то и дело норовил осыпаться.

И воду нужно беречь. Провизию можно не экономить – ее Эйхгорн прихватил с запасом, – а вот с водой гораздо хуже. Он ведь рассчитывал добраться до Ибудуна за один день – кто же мог

знать, что вмешается форс-мажор с громом и молниями?

Нормальное суточное потребление воды для взрослого человека – полтора литра. Но это при комнатной температуре. В жару возрастает потоотделение, и потребление воды повышается до двух литров, а в сильную жару – до трех. Часть жидкости, конечно, можно получать с пищей, но вся провизия Эйхгорна высушена до полного обезвоживания.

Примерно половину своего запаса Эйхгорн уже потребил. Кофе тоже закончился. Осталось два с половиной литра воды и все еще не раскупоренный сидр. Напиток это слабоалкогольный, крепость даже ниже, чем у пива, так что можно его тоже принять за воду.

Но даже так – запасов хватит в лучшем случае еще на два дня. Если сократить порции – на три. Потом Эйхгорн начнет страдать от жажды.

Правда, у него имелся дополнительный козырь. Агатовый амулет, найденный в башне волшебника. Эйхгорн неоднократно экспериментировал с ним, и убедился, что он способен давать… ощущение воды. Все еще неизвестно, насколько эта вода реальна, утоляет ли она жажду или просто обманывает чувства, но Эйхгорн от души надеялся, что первое.

Должно же это пресловутое волшебство приносить пользу?

Спустя сутки у Эйхгорна остался только литр воды и сидр. Он старался экономить, но стало еще жарче, потоотделение возросло, организм быстро расходовал жидкость, а как следствие – слабел. Эйхгорн не мог позволить себе ослабеть, поскольку вместе с этим снижалась и скорость передвижения. Лучше продолжать двигаться быстро, насколько это возможно.

Еще день спустя вода закончилась полностью, и Эйхгорн откупорил сидр. Тот очень сильно нагрелся, но на вкус оказался неплох.

Хотя градусов в нем было даже меньше, чем Эйхгорн думал – всего два, от силы два с половиной.

За трое суток в пустыне Эйхгорн не встретил никаких признаков цивилизации. Временами под песком что-то шуршало – тушканчики, агамы, сколопендры? В небе иногда появлялись птицы, неприятно похожие на стервятников, но Эйхгорн пока что не вызывал у них интереса. Вдали несколько раз виднелись какие-то четвероногие – из-за сломанных очков Эйхгорн не мог толком их рассмотреть.

Но ни единого человека. Только тот бедуин, рядом с которым Эйхгорн приземлился. Наверное, где-то рядом с тем местом был их лагерь, оазис или хотя бы караванная тропа – но в тот момент Эйхгорна это не волновало. Ему казалось, что раз уж он,

выпрыгнув в совершенно случайной точке, свалился едва не на голову какому-то типу, значит, здесь уже более-менее оживленные места.

Кто же мог знать, что теория вероятности так зло над ним подшутила?

Признаки цивилизации Эйхгорн увидел на четвертый день. Правда, не людей, а всего лишь строение – и явно давно заброшенное.

Пирамида. То была самая настоящая пирамида, очень похожая на египетскую. Стояла себе посреди дюн, частично занесенная песком, но спокойная и невозмутимая. Ей не было дела до двуногой букашки, что ползла мимо, посасывая кусочек агата.

Увидь Эйхгорн такое раньше – решил бы, что попал в Древний Египет. Но теперь он совершенно точно знает, что находится не на Земле, а значит… значит, парифатцы тоже строят пирамиды. Или строили раньше. Собственно, ничего особо удивительного – не так уж много существует простых геометрических фигур.

Интересно только, для чего эта пирамида предназначена. Тоже для захоронения каких-нибудь фараонов? Или все-таки для чего-то еще?

Пожалуй, в другое время Эйхгорн непременно задержался бы здесь на денек, изучил интересную находку детально, попытался проникнуть внутрь. Но сейчас он изнывал от жары, у него кончилась вода, и он спешил добраться до людей. Невооруженным глазом видно, что в этой пирамиде никто не живет.

Еще день спустя агатовый талисман почти перестал помогать. Эйхгорн все сильнее уверялся, что тот не утоляет жажду по-настоящему, а лишь приглушает ее. И то сказать – откуда в крохотном камушке взяться настоящей воде? Просто иллюзия, обман чувств.

К вечеру Эйхгорн начал отмечать у себя признаки обезвоживания. Все сильнее хотелось пить, моча потемнела, двигаться становилось все труднее.

Но Эйхгорн продолжал терпеливо перебирать ногами. Он сну́ло смотрел на далекий горизонт, на дрожащий над ним воздух и немелодично напевал себе под нос:

– Коварная пустыня напрасно ждет поживы, кто трус – тот не мужчина, вперед, пока мы живы…

Следующий день встретил Эйхгорна песчаной бурей. Как обычно, он лег спать под утро, проснулся в обед – и увидел впереди плотную серо-желтую стену. Ветер с каждой минутой

усиливался, неся с собой настоящий шквал мелкого песка.

Эйхгорн закутал поплотнее лицо, накрылся всей одеждой, что у него была, и лег ничком на наветренной стороне дюны. В таком положении он находился около двух часов – медленно дыша и стараясь не шевелиться.

Когда буря наконец стихла, Эйхгорн выпрямился и не узнал пейзаж. Рисунок барханов полностью переменился. Одни ветер полностью разгладил, другие, напротив, насыпал. Прямо перед Эйхгорном вырос на редкость громадный – семьдесят, а то и восемьдесят метров в высоту.

Несколько мучительных минут Эйхгорн переводил взгляд, решая, обходить ли бархан слева или справа. Он стоял точно посередине. Оба варианта отнимут равное количество времени и усилий.

Выбирать из двух одинаковых вариантов – невыносимая пытка.

В конце концов Эйхгорн стиснул челюсти, поправил рюкзак и полез напрямую.

– Бомбар терпел и нам велел… – зло бормотал он, увязая в рыхлом песке.

Добравшись до вершины, Эйхгорн обвел все вокруг пристальным взглядом. Он отчаянно нуждался в воде. Искал любые признаки родника – пятна растительности или роящихся мошек. Возможно, какие-нибудь знаки, указатели. Следы животных могли бы о многом рассказать.

Впрочем, высматривать все это следовало до начала бури. Теперь если что и было – занесено песком.

Упорно шагая дальше, Эйхгорн размышлял, не смастерить ли ему солнечный конденсатор. У него было немного целлофана, и он мог сделать емкость, отрезав верхушку у пластиковой бутылки. Если положить ее в ямку и накрыть пленкой, влага под лучами солнца будет испаряться из песка, конденсироваться на пленке и стекать в емкость. Таким образом можно добыть воду даже в самой сухой пустыне.

Только вот процесс это очень долгий. За сутки один солнечный конденсатор производит полтора литра воды, не больше. Можно повысить производительность, сделав два или три таких, но Эйхгорну не из чего их делать. Основная проблема в целлофане – его очень мало. Конечно, годится любая прозрачная, не пропускающая воду пленка… но кроме целлофана ничего подходящего нет.

Поразмыслив, Эйхгорн решил сделать один солнечный конденсатор перед тем, как лечь спать. Жалкие пол-литра воды его не спасут, но хотя бы дадут лишнее время. Каждый

дополнительный час может оказаться тем самым часом, который приведет к колодцу, каравану, оазису или вообще краю пустыни.

Но видимо, сегодня Кто-То-Там решил проявить снисходительность. До солнечного конденсатора дело не дошло. Солнце еще не успело зайти, когда Эйхгорн заметил к северо-западу зеленое пятнышко.

Сначала он решил, что это мираж. Но все равно пошел прямо к нему – направление изменилось некритично, зато шанс на спасение возрос значительно. И спустя еще два часа подъемов и спусков по барханам стало очевидно, что миражом тут и не пахнет.

Впереди в самом деле оазис.

До кромки зелени оставалось больше километра, но воздух уже заметно посвежел. К тому же на землю опустилась ночь, принесла с собой прохладу, и Эйхгорн ускорил шаг.

Оазис. Остров жизни в море песка. Довольно-таки крупный – полтора, а то и два километра в ширину. Определить длину пока что затруднительно, так что площадь остается неизвестной.

Но главное – там есть растительность. Значит, есть вода. А возможно, и пища.

Конечно, пищи у Эйхгорна пока что вдоволь, но он не отказался бы от свежих фруктов. Да и от чего угодно другого.

А главное – ему до смерти хотелось пить.

Озеро. Вот что привлекло внимание Эйхгорна, как только он ступил на траву. Впереди маячила лазурная гладь – и не было большей услады для глаз жаждущего.

Рухнув на колени, Эйхгорн сбросил рюкзак и первым делом плюнул в озеро. Слюна быстро растворилась – уже хорошо. В грязной воде она нередко застаивается.

Неприятных запахов тоже не ощущалось. Прозрачность не идеальная, но вполне допустимая. Конечно, Эйхгорн предпочел бы сделать лабораторный анализ или хотя бы вскипятить воду, но… а, какого черта! Он просто зачерпнул полный колпак термоса и принялся жадно пить. Теплая и не очень вкусная, сейчас эта жидкость была ему слаще любого нектара.

Напившись, Эйхгорн заполнил все емкости, уселся на корточки и принялся осматриваться. Озеро оказалось довольно большим – семьсот, а то и восемьсот метров в диаметре. Питается, по всей видимости, из подземного источника. Вероятно, когда-то он пробился на поверхность и создал водоем, а уже вокруг него сформировался оазис.

Некоторое время Эйхгорн еще просто лежал на берегу, раскинув руки. Он заслужил небольшой отдых.

Пятнадцать минут. Пятнадцать минут он позволил себе

бездельничать под сенью струй. Потом Эйхгорн поднялся, схоронил рюкзак у приметного камня, и двинулся изучать этот уголок зелени, взяв с собой только термос. Возможно, здесь живут люди или опасные животные – и это надо выяснить.

Оказалось, что как минимум люди здесь действительно живут. Довольно скоро Эйхгорн наткнулся на небольшую делянку, засеянную ячменем. Колосья уже налились зернами – не сегодня завтра пора собирать урожай.

Неподалеку имелось и жилье – скромная хижина из четырех древесных стволов и переплетенных меж ними листьев. Листья, растущие на одном из местных деревьев, отличались небывалыми размерами – прямо зеленые опахала.

В хижине никого не было. Эйхгорн не стал заходить внутрь – просто постоял на пороге, разглядывая внутреннее убранство. Там лежала циновка, плетеная корзина, кое-какая посуда и инструменты. В дальнем конце стояло нечто вроде алтаря.

Судя по обстановке, здесь живет всего один человек. Пол чистый, пыли на вещах нет – ушел недавно. Возможно, находится где-то поблизости.

Кроме хижины и ячменной делянки в оазисе нашлись и другие деяния людских рук. На одном из берегов озера были деревянные мостки, в зарослях Эйхгорн заметил расставленные силки, а в укромном месте неподалеку – нечто вроде погреба. Хранились там в основном плоды какого-то дерева.

А через некоторое время обнаружился и сам хозяин. Эйхгорн услышал приглушенный, уже совсем слабый крик – и идя на него, оказался перед глубокой ямой, вымощенной изнутри камнем. Похоже на пересохший колодец.

На дне ямы сидел человек. Усталый, одетый в рубаху и шаровары феллах. При виде Эйхгорна он испустил радостный вопль и быстро-быстро залопотал.

Сначала Эйхгорн решил, что слышит какой-то другой язык. Но нет, это оказался все тот же парифатский – именно на нем говорят в Парибуле, Кинелии и всех остальных Маленьких Королевствах. На нем же говорят и в Нбойлехе, а также в куче других стран. В этом мире парифатский куда более распространен, чем английский на Земле – сложно сыскать человека, который не мог бы на нем изъясниться.

Просто человек в яме, как совсем недавно Эйхгорн, страдал от жажды. У него так пересохло во рту, что речь стала неразборчивой.

Недолго думая, Эйхгорн кинул в яму термос. К чести сидящего там, он мгновенно догадался, что это такое и как его открыть – и уж до чего его это обрадовало!

Через несколько минут Эйхгорн знал всю историю. Оказалось, что этот феллах (звали его Ак-Джо Матсхариди) – нечто вроде пустынника. Отшельничает тут в оазисе, вдалеке от людей. До ближайшего поселения больше дня пути, караваны ходят редко, так что обычно ему никто не мешает.

Но вот позавчера в его оазис забрел ужасный Ах-Мес-Соо-Тка-Ди – настоящий бич этих мест. Зная, что добра от этого разбойника не жди, Ак-Джо бросился бежать, не разбирая пути… и провалился в сухой колодец.

– А зачем здесь вообще колодец? – осведомился Эйхгорн. – Озеро же рядом.

– Озеро всегда на своем месте, – согласился Ак-Джо. – Но что если оно пересохнет? Где брать воду?

– Так в колодце же все равно нет воды.

– Конечно, нет. Она же вся в озере.

Эйхгорн посмотрел на этого идиота снулым взглядом, но в дальнейший спор встревать не стал. Просто спросил, есть ли у отшельника лестница или хотя бы веревка.

– Нету, – развел руками тот. – Силки разве что.

– Видел я твои силки. Слишком короткие.

– А мне других и не нужно, – ответил Ак-Джо. – Я же мясо не ем. Всякий зверь тоже любит жизнь – кто я, чтобы ее отнимать?

Теперь Эйхгорн заподозрил, что перед ним сумасшедший. Не потому, что он вегетарианец и гринписовец, а потому, что при всем этом он таки расставляет силки.

Хотя, может, они нужны не для охоты? Может быть… Эйхгорн крепко задумался, пытаясь придумать силкам альтернативное применение.

– Друг, помоги же мне, прошу тебя! – напомнил о себе Ак-Джо.

Эйхгорн решил спросить о силках потом. Он трижды обошел вокруг колодца, ища способ вытащить из него человека.

Веревки нет. Плести ее долго. Лестницы тоже нет – и делать ее тоже долго. Нету и подходящих жердей или достаточно длинных веток. Дерево ножом не срубить, а топора или пилы у Эйхгорна нет…

В конце концов Эйхгорн прибег к старому проверенному способу. Колодец находился на самой границе оазиса, буквально в паре шагов от песчаной дюны. Эйхгорн сходил в хижину феллаха за корзиной, наполнил ее песком и молча опорожнил в колодец.

– Друг, что ты делаешь?! – испуганно возопил Ак-Джо. – Чем я обидел тебя, что ты закапываешь меня заживо?!

– Не тупи, – ровным голосом ответил Эйхгорн. – Просто

утрамбовывай песок.

К чести феллаха, он быстро понял замысел. Корзину за корзиной Эйхгорн опорожнял в колодец, тот становился все мельче, и вот уже совсем скоро грязный и чихающий феллах вылез наружу.

И в этот момент Эйхгорн нашел альтернативное решение проблемы. Можно же сделать веревку, просто связав рукавами и штанинами предметы одежды! Того, что есть у Эйхгорна, вполне хватит… только теперь уже не нужно.

– Где мой термос? – недовольно спросил Эйхгорн.

– Терма… а, твой железный кувшин? Прости, друг, кажется, он остался там, внизу… – развел руками Ак-Джо.

Эйхгорн некоторое время смотрел в колодец. Лишаться термоса не хотелось. В отличие от всяких там айподов, это реально полезный предмет. Где он тут найдет другую емкость с такими свойствами?

Хотя можно изобрести что-то подобное самому. Использовать тот же жаркамень, например. Просто сделать кувшин с двойным дном, замуровать туда такой камешек… хотя нет, они же со временем тают. Причем самые маленькие – очень быстро. Значит, дно придется делать отвинчивающимся и жаркамни периодически менять…

Эйхгорн решил обдумать эту идею как-нибудь на досуге, а пока все-таки вернуть свой старый термос. В данный момент это проще, чем изобретать новый.

Более-менее отряхнувшись от песка, спасенный полез обнимать своего спасителя. Эйхгорн брезгливо отстранился и попросил лопату или мотыгу.

– Зачем?.. а, откопать твой железный кувшин? – догадался Ак-Джо. – Не трудись, друг, я сам его тебе откопаю! Я твой навеки должник – в этой жизни и в двух следующих!

Эйхгорн бросил на феллаха снулый взгляд. Выходит, он не севигист – у тех другая система загробной жизни. Наверное, местный аналог буддиста. Причем расчетливый – должником себя соглашается считать только в трех жизнях, а не во всех, сколько их еще предвидится.

– Не знаю, кто ты и как здесь очутился, но мне ты спас жизнь, – продолжал Ак-Джо. – Теперь мой дом – твой дом, все мое – твое. Останься в благодарность погостить хоть на несколько дней – а я за это время откопаю твой кувшин.

Эйхгорн на секунду задумался, потом кивнул. Отдохнуть денек-другой в цветущем оазисе будет и впрямь неплохо.

Глава 33

Сидя в яме, Ак-Джо изрядно проголодался. Но долг гостеприимства требовал вначале накормить гостя – и он не вкусил ни крошки, пока не приготовил трапезу для Эйхгорна.

Впрочем, поделиться нищий феллах мог немногим. Две ячменных лепешки, немного орехов и фиников, а также напиток черкши. Без сахара, очень горький и терпкий.

Вынесши угощение, Ак-Джо обнаружил своего гостя в озере. Эйхгорн решил воспользоваться моментом и искупаться – благо вода была теплей парного молока. Улегшись на спину и раскинув руки в стороны, землянин блаженно отмокал.

– Друг, осторожно! – беспокойно крикнул Ак-Джо. – В этом озере живут лягушки!

– Да наплевать… – проворчал Эйхгорн, жмурясь под горячим солнцем.

И тут совсем рядом что-то проплыло. Что-то большое. Эйхгорн почувствовал движение воды, и его ступню даже чем-то задело… чем-то жестким и шершавым.

Оставаться в озере стало как-то неуютно. До Эйхгорна вдруг дошло, что в этом мире лягушки могут быть несколько крупнее, чем на Земле. Он торопливо перевернулся на живот и погреб к берегу.

Очень вовремя. Едва он выбрался на сушу, как на поверхность всплыло нечто вроде мокрого бревна. Метра два в длину, бугристое, серо-зеленое, с парой холодных глаз-бугорков…

– Это же крокодил, а не лягушка! – возмущенно воскликнул Эйхгорн.

– Прости, друг, я не силен в зоологии… – пробормотал Ак-Джо.

Крокодил вылез на мелководье и улегся там, пристально рассматривая двуногих. Взгляд у него был какой-то… приглашающий. Пасть рептилия не раскрывала, но и без того было ясно, что у нее на уме.

Оазис перестал казаться таким уж райским местечком.

– Они на сушу не вылезают? – осведомился Эйхгорн, вытираясь полотенцем.

– Нет, никогда, – отмахнулся Ак-Джо. – Не беспокойся, друг. Лягуш… крокодилы всегда в озере. Ждут, когда кто-нибудь придет на водопой. Главное, смотри в оба, когда набираешь воду, и никто тебя не схватит.

Эйхгорн поправил очки. Вернуть на место вторую линзу он так и не смог, так что смотреть в оба пока не получалось.

– Что-нибудь еще хищное в твоем оазисе водится? – осведомился он.

– Да нет, друг, только ля… крокодилы. Но вообще зверья много. Джейраны часто забегают, зайцы есть, сурмутики…

Последнее слово прозвучало для Эйхгорна бессмысленно, но он не стал уточнять. Главное, что эти сурмутики не опасны для человека.

Весь следующий день Эйхгорн провел в безделье. Крокодилы действительно на берег не выходили, хотя на мелководье постоянно виднелись бугристые силуэты. Особенно утром и вечером – днем, когда палило солнце, они уходили на глубину.

Особыми размерами эти ящеры не отличались. Полтора-два метра, не больше. Зверья в оазисе и вокруг него хватало, других источников воды в пределах досягаемости не было, а в озере водилась еще и рыба – так что крокодилы жили припеваючи.

Эйхгорн тоже немного половил рыбу на самодельную удочку. Леску из конского волоса и пару крючков он упаковал еще в Парибуле – благо весили они считаные граммы.

Однако клевало плохо. За полдня Эйхгорн поймал всего одну рыбешку, похожую на тощего карасика. Он испек его в золе и съел с картошкой.

Ак-Джо от души угощал Эйхгорна всем, что у него было, но было у него так мало, что Эйхгорн даже сам поделился с ним припасами. От суджука отшельник отказался наотрез, а вот сухарей и лука погрыз.

Сама собой прояснилась загадка силков. Оказалось, что Ак-Джо расставлял их вокруг ячменной делянки, чтобы отлавливать пустынных зайцев и других вредителей. Но поймав, он не ел их и даже не убивал… своими руками. Этот странный тип привязывал добычу на берегу озера… где ее, разумеется, поедали крокодилы.

Эйхгорн подивился такой потрясающей нелогичности и предложил занять в этой системе место крокодила. Ак-Джо охотно передал ему пойманного зайца и ушел, насвистывая.

Этим вечером Эйхгорн ужинал жареной зайчатиной.

Еще день спустя Ак-Джо принялся жать созревший ячмень. Делянку он возделывал совсем маленькую, от силы на четыре сотки, но урожай собирал трижды в год. Эйхгорн попытки помочь не сделал – да и не требовалась там помощь. С этой горстью колосьев феллах управился за пару часов, одним серпом.

Ячмень он сразу же обмолотил примитивным цепом, а потом принялся дробить на примитивной зернотерке. Эйхгорн, которому уже стало скучно, некоторое время считал зерна, а потом предложил Ак-Джо построить водяную мельницу.

Конечно, для этого придется частично запрудить озеро или

выкопать арык, зато потом появится возможность распахать не эту жалкую делянку, а целое поле. Используя воду для ирригации, оазис можно будет продлить, отвоевать у пустыни еще часть земли, создать здесь нормальное земледельческое хозяйство. Тогда не придется жить впроголодь, экономя каждую крошку.

Однако Ак-Джо посмотрел на Эйхгорна снисходительно и даже с какой-то жалостью. Затевать все эти работы он отказался наотрез, сказав, что ему одному хватает того, что есть, а создавать больше, чем тебе требуется – раздувать скопидомство.

Особенную неприязнь вызвала у него идея водяной мельницы. Оказалось, что Ак-Джо – правоверный началист. Большинство адептов этого культа живут вполне обычно, как все, но самые упоротые, подобно Ак-Джо, не едят мяса, не убивают даже насекомых и всячески упрощают свою жизнь.

Любая машина-де – зло. У человека, который пользуется машиной, сердце становится машинным. Такой человек утрачивает свое естество и отходит от Начала. Поэтому лучше молоть зерно вручную, чем применять механизм.

Эйхгорн выслушал все это со снулым взглядом. Спорить не стал. Он вообще предпочитал не спорить с идиотами.

На следующий день Эйхгорн стал собираться в дорогу. Ак-Джо нарисовал на песке примитивную карту окрестностей – оказалось, что до Ибудуна уже недалеко. Километров пятьдесят… или шестьдесят… или семьдесят. Ак-Джо просто сказал, что от оазиса до города два дневных перехода.

– А сколько это во вспашках? – попытался уточнить Эйхгорн.

– Во вспашках?.. – задумался Ак-Джо. – Э, друг, да какая разница?

Эйхгорну была разница. Он всегда хотел знать точное расстояние. Чем точнее, тем лучше.

А вот Ак-Джо не видел в этом никакой надобности. Он беззаботно пожал плечами и сказал:

– Друг, я не мерил. Да и можно ли измерить так много земли?

– Можно, – заверил Эйхгорн.

– Даже если можно – зачем? Все равно это только маленький кусочек мира. А весь мир измерить уж точно невозможно.

– Возможно, – возразил Эйхгорн. – Я это сделал. Радиус этой планеты – двадцать пять тысяч двести сорок пять вспашек. Плюс-минус энное число на погрешность измерения.

Ак-Джо снисходительно рассмеялся, похлопал Эйхгорна по плечу и сказал:

– Ты хороший человек, друг, но ты говоришь ерунду. У мира

нет никакого радиуса – он же треугольный.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Простейшие наблюдения убеждают в том, что Парифат имеет форму шара. Вероятно, это скорее геоид, и даже более сплюснутый, чем Земля, но это уже частности.

– Почему ты считаешь, что мир треугольный? – неохотно разлепил губы Эйхгорн.

– Друг, это же очевидно. Три – совершенное число, которому подчиняются даже боги. Всего в этом мире по три. Существует три мировых треугольника – нижняя твердь, воздух и верхняя твердь. По углам нижняя и верхняя тверди соединены великими змеедухами, а нижняя твердь возлежит на плечах трех великанов. Частей света в мире тоже три, и все это вертится вокруг великого стержня, который находится в центре масс…

Ак-Джо еще некоторое время распинался, но Эйхгорн уже не слушал. Его не интересовала мифологическая космогония. Плоская земля, слоны и черепахи, сосцы небесной коровы… почему все это не осталось в каменном веке?

– …А если в самом деле хочешь узнать точный размер Парифата – спроси об этом у Ках-Ура Местермегази, самого прославленного нбойлехского астронома, – донеслось до Эйхгорна. – Мэтр Местермегази знает все на свете.

Взгляд Эйхгорна стал осмысленным. Эти слова феллаха его заинтересовали. Побеседовать с настоящим астрономом, пусть даже средневековым, будет отнюдь не лишним. По крайней мере, он выяснит, что известно о собственном мире здешним ученым – и будет знать, что имеет смысл открывать, а что уже открыто до него.

Чертовски жаль, что так и не удалось приобрести Озирскую энциклопедию. Этот пробел надо будет тоже восполнить… как-нибудь потом. Благодаря королевским отпускным в карманах Эйхгорна сейчас три золотых регентера, семь серебряных и денежная расписка. Остальные сбережения он истратил на постройку самолета.

– Где искать этого астронома? – спросил Эйхгорн.

– Да неподалеку от Ибудуна. У него там башня – у любого спроси, покажут. Только поторопись, а то сегодня уже… какой сегодня день?

– Бриллиантового Тигра, – ответил Эйхгорн.

– А, тогда ты еще успеешь. Мэтр Местермегази предсказал, что умрет в день Бирюзового Крокодила. У тебя еще больше луны в запасе.

– Предсказал?.. – переспросил Эйхгорн. – Он что, еще и прорицатель?

– Нет, астролог.

– Астролог?.. – слегка скис Эйхгорн. – Ты же сказал, что он астроном.

– И астроном тоже. Это ж одно и то же.

Эйхгорн стал подыскивать слова, чтобы объяснить, насколько это не одно и то же. Но слова не желали подыскиваться.

– Друг, а что не так? – удивленно спросил Ак-Джо, уловив недовольство Эйхгорна.

– Меня интересует астрономия, – неохотно ответил тот. – Не астрология.

– А почему? Ты что, не веришь в астрологию?

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Верит ли он в астрологию? Глупее вопроса не придумать. Эйхгорн всегда и во всем искал доказательств, но если оных нет – это еще не означает, что идея несостоятельна. Возможно, доказательства отыщутся позднее. Однако если идея опровергнута – верить в ее истинность может только полный идиот, не желающий смотреть в лицо фактам. А несостоятельность астрологии как идеи доказывается простейшими математическими методами.

Однако он решил все же заглянуть к этому астрономуастрологу. В конце концов, средневековые астрономы Земли тоже часто промышляли гороскопами – надо же было как-то зарабатывать на жизнь. Кто виноват, что за эту ахинею платили лучше, чем за научные исследования?

Перед уходом Эйхгорн поужинал ячменной кашей. Он бы предпочел что-нибудь мясное, но очень уж Ак-Джо хотел угостить его плодами своих трудов. Сидя на берегу и прихлебывая безвкусную жижицу, Эйхгорн сверлил взглядом лежащего в грязи крокодила. Тот время от времени зевал.

– Будешь в Ибудуне, передай поклон моим родичам, – попросил Ак-Джо. – Мой дядя – добрейшей души человек, он будет тебе рад.

– Передам, – согласился Эйхгорн. – Где мне его найти?

– Да на невольничьем рынке спроси, тебе всяк покажет. Дядя Ук-Хар – очень уважаемый работорговец.

На этот раз взгляд Эйхгорна стал снулым очень надолго. Но в конце концов он переварил этот оксюморон и молча кивнул. Добрейшей души работорговец, ладно. Бывает.

Хотя информация о том, что в Нбойлехе существует рабство, оказалась для Эйхгорна новой. Жуаль Гетуорре в своей книге об этом не упоминал. Довольно странно – ведь в Парибуле и других Маленьких Королевствах ничем подобным и не пахнет. Даже вилланы – фригольдеры, платящие помещику земельную ренту, но совершенно свободные лично.

На закате Эйхгорн покинул оазис и вновь ступил на горячий песок. Его ожидали еще двое суток пустыни. Но воды и пищи теперь было вдоволь, так что он не тревожился.

Ак-Джо помахал Эйхгорну вслед, а потом вдруг начал что-то кричать. Эйхгорн отошел уже довольно далеко, так что ветер донес до него только обрывки слов:

– …егись!.. ченогов!.. егись!..

– Что?! – приложил ладони ко рту Эйхгорн.

– …еногов!..

Возвращаться ради какой-нибудь чепухи Эйхгорну не хотелось. А судя по тому, что Ак-Джо не сделал попытки его догнать, это не слишком важно. Наверное, еще кому-нибудь надо привет передать.

К тому же впереди Эйхгорн заметил темное пятнышко… очень плохо видимое, но все равно странным образом знакомое. Сразу же забыв о бесполезном отшельнике, он ускорил шаг.

Догадка оказалась верна. Подойдя ближе, Эйхгорн испытал двойственные чувства, обнаружив остов самолета. Даже удивительно, как далеко добралась его «Переперделка».

Выглядела она паршиво. Покоцанная, покореженная… да и какой еще она могла быть, рухнув с километровой высоты?

Хотя нет. Осмотрев следы аварии, Эйхгорн пришел к выводу, что самолет снижался очень медленно. А коснувшись носом песка – еще и пропахал борозду в добрую сотню метров.

Но подняться в воздух ему точно больше не светит. Крылья отвалились, часть обшивки сорвало еще в полете, пропеллер разлетелся в щепки, от шасси осталось одно воспоминание, а фюзеляж распороло, словно он ехал по рифам.

А вот двигатель уцелел и даже по-прежнему работал. Жаркамень неутомимо источал тепло. Действительно, чрезвычайно полезное вещество.

Хотя забирать его Эйхгорн не стал. Таскать на себе жаркамень, да еще по пустыне – удовольствие ниже среднего. Мало того, что упаришься, так еще и вода в бутылках выкипит.

Еще дважды обойдя останки самолета, Эйхгорн обнаружил некую странность. На металле виднелись следы каких-то порезов. Кто-то словно кромсал машину ножницами по металлу.

Интересно, кто или что могло сделать такое?

А потом Эйхгорн неожиданно получил ответ на свой вопрос. Правда, сначала он его не распознал – просто увидел вдалеке движущуюся полосу.

В первый момент Эйхгорну показалось, что он видит поезд. Но этого, разумеется, быть не может – значит, караван. Только вот движется он что-то очень уж быстро… медленнее поезда, но

гораздо, гораздо быстрее любого каравана!

Прямо на глазах эта полоса приблизилась, и у Эйхгорна внутри похолодело. Это оказался совсем не караван.

Хотя ног у него было даже побольше…

Исполинская многоножка – вот что на полных парах мчалось к самолету и человечку рядом с ним. Около двух метров в высоту и добрых восьмидесяти – в длину. Не ожидая от этой встречи ничего хорошего, Эйхгорн бросился наутек, но уже через пару минут понял, насколько это бессмысленно. Он еле полз, увязая в песке, а многоножка неслась со скоростью спринтера.

– День Бриллиантового Тигра тысяча пятьсот четырнадцатого года, – флегматично произнес Эйхгорн в диктофон. – Местное время – пятый закатный час. Нахожусь в великом халифате Нбойлех, ближайший крупный населенный пункт – Ибудун. Наблюдаю чрезвычайно крупное, агрессивно настроенное и стремительно приближающееся животное. Полагаю, что мне [цензура].

Чудовище догнало Эйхгорна в считаные минуты. Длиннющее тулово описало дугу, отрезая жертве все пути к бегству, а передняя часть приблизилась к ней вплотную.

Это существо действительно выглядело гигантской многоножкой. Сегментарное тело, сотни сравнительно коротких суставчатых ног, пара огромных холодных глаз и жвала-клешни, растущие по бокам страшной пасти. Лоснящаяся черная шкура выделялась на фоне песка, как тропическая птица на снегу.

Судя по всему, маскировочный окрас этой твари попросту не требовался. К своей добыче она явно не подкрадывалась, а просто догоняла. Что же до природных врагов… хотел бы Эйхгорн увидеть хищника, опасного для этого монстра!

Правда, Эйхгорна он пока не ел. Мелко перебирая бесчисленными ногами, гигант замкнул кольцо, разверз пасть, обдав жертву непереносимой вонью, и сухо прощелкал:

– Ты человекхкх?..

Вот это действительно стало сюрпризом. Оно… оно разумно?!

– Человек, – медленно кивнул Эйхгорн. – А ты кто?

– А ты что, сам не видишь? Я тысяченог. Меня зовут Ах-Мес-Соо-Тхтхка-Ди. Какхкх зовутхтх тебя?

– Исидор.

– Смешное имя, – без всякого выражение произнесло чудовище. – И одежда смешная. Какхкх у волшебника. Ты что, волшебникхкх?

– Нет. Но кирпичей я тут наколдовал, – признался Эйхгорн. – Это ты погрыз мой самолет?

– Самолетхтх?.. Ты имеешь в виду эту смешную железную штуку? Да, я. Из нее смешно пахло. Что ты делаешь в моих владениях, человекхкх?

– Я не знал, что это твои владения. Я думал, что это просто… пустыня.

– Пустыня. Моя пустыня. Та часть, что отхтхсюда и до зеленого озера, и до великихх камней, и до небольшого разлома, и до западной границы – это все мое. Севернее – владения дяди Мо-Кхкхпа-Отхтх-А-Коо. Восточнее – владения мамы. Южнее – владения красавицы Су-Пхари-Оро-Тонко-Да. А здесь – мое.

Эйхгорн снова медленно кивнул. Итак, тысяченоги поделили всю нбойлехскую пустыню на личные зоны. Причем зоны очень большие, что неудивительно. Очевидно, что гигантские многоножки – хищники, а с дичью в пустыне скудно. По всей видимости, эти великаны крайне немногочисленны, раз уж Эйхгорн шел по барханам несколько дней, и вот только сегодня повстречал одного из них.

– Я могу тебе чем-то помочь, или мне можно идти? – осторожно спросил Эйхгорн.

– Нетхтх, человекхкх, ты никуда не пойдешь, – издал сухое шипение тысяченог. – Ты ходишь по моей земле. Всякое животхтхное, что ходитхтх по моей земле, принадлежитхтх мне.

– Но я не животное, – возразил Эйхгорн. – Я человек.

– Человекхкх – это тоже животхтхное.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Угораздило же его наткнуться на чудовище, разбирающееся в биологии.

– Однако древние священные законы тысяченогов запхпхрещаютхтх есть обладателей разума, – неохотно сказал монстр. – Если ты им обладаешь, я отхтхпущу тебя, человекхкх.

– Обладаю, – поспешил заявить Эйхгорн. – Вот, гляди, я говорю, я ношу одежду.

– Не аргументы, – презрительно фыркнул тысяченог. – Кхкхто угодно можетхтх скхкхладывать звуки в слова – это легко. А одежда – пхпхризнак глупости, а не разума. Ты видишь на мне одежду, человекхкх?

– Тогда какие же доказательства тебе требуются?

– Те, что мы тхтхребуем отхтх всякого животхтхного, – издевательски прощелкал тысяченог. – Пересчитай мои ноги.

– Пересчитать твои ноги?.. – недоверчиво повторил Эйхгорн.

– Именно. Пересчитай. Ошибешься – значит, ты не умеющее считатхтхь животхтхное, и тебя можно съесть. Назовешь точное число – я тебя отпущу. Это древняя тхтхрадиция тысяченогов – мы милостивы и добры, поэтому всегда даем еде шанс спастись.

– А если я откажусь? – полюбопытствовал Эйхгорн.

– Попробуй, – подался вперед тысяченог.

Его жвала-клешни скрестились, точно ножницы. Они явно могли рассечь человека одним движением. Кошмарная харя глядела на Эйхгорна пустыми глазами-плошками.

Эйхгорн понял, что выбора у него нет. Сопротивляться бессмысленно – разве человек одолеет тварь такого размера? Без пулемета – точно нет. Убежать тоже не получится – монстр бегает гораздо быстрее.

Остается сделать то, чего он хочет, и надеяться, что это не просто злая шутка, призванная стать аперитивом перед обедом.

Тысяченог оказался невероятно длинным. Даже не восемьдесят метров, а все восемьдесят пять. Пока Эйхгорн медленно шагал от головы к хвосту, он стоял неподвижно, лишь слегка покачиваясь из стороны в сторону. Его ужасные жвалы чуть заметно подрагивали.

Кому-то может показаться, что сосчитать чьи-то там ноги – задачка плевая. Но на самом деле это сложнее, чем кажется. Ног сотни, они совершенно одинаковые, и обсчитаться довольно легко. Переводя взгляд, можно запросто пропустить одну или какую-то посчитать дважды. Если бы это было не так, тысяченоги точно не давали бы своим жертвам шанса спастись.

Однако Эйхгорн, с детства страдающий арифмоманией, привык подсчитывать все и вся. Ошибиться ему не грозило, поэтому он особо не нервничал.

С правой стороны он насчитал пятьсот восемь ног. Если рассуждать логически, всего их должно быть вдвое больше – тысяча шестнадцать. Но что-то останавливало Эйхгорна от объявления такого итога. Он рассматривал жуткую морду гигантской многоножки, глядел в черные непроницаемые глаза… и в конце концов решил потратить еще немного времени и пересчитать левые ноги вручную.

Через три минуты он возблагодарил свою интуицию. У тысяченога не хватало сто сорок второй левой ноги. На ее месте зияла прореха – незаметная издалека, но сразу видная, если подойти поближе.

– Тысяча пятнадцать, – наконец объявил Эйхгорн.

– Ты уверен в своем отхтхвете, человекхкх? – спросил тысяченог.

Как и все прежние реплики, эта звучала сухо и безжизненно, словно треск помех в радиоприемнике. Но Эйхгорну показалось, что на сей раз в голосе тысяченога проступает досада.

– Уверен, – кивнул он.

– Кхкхкхкх!.. – зашипел монстр.

– Я могу идти? – осведомился Эйхгорн.

Он не сомневался в правильности подсчета.

– Можешь, – крайне неохотно ответил тысяченог. – Ты доказал свою разумность, человекхкх. Но я очень надеюсь, что тебе встхтхретитхтхся дядя Мо-Кхкхпа-Отхтх-А-Коо. Его ноги еще никхкхто не смог сосчитать правильно.

– Почему? – удивился Эйхгорн.

– А он всегда несколько штукхкх загибаетхтх под брюхо. Такая у него смешная шутхтхка…

Глава 34

По счастью, Эйхгорн не встретился с дядей Мо-Кпа-От-А-Коо. Памятуя, что тот бродит к северу от владений Ах-Мес-Соо-Тка-Ди, он специально взял немного к югу. Ему вполне хватило знакомства с одним тысяченогом.

Впрочем, до края пустыни оставалось уже недалеко. И в этих землях она была уже далеко не столь безжизненной. Песка становилось меньше, все чаще попадалась растительность, представители фауны, а порой и люди. Правда, неизменно большими группами – и одинокому Эйхгорну они сильно удивлялись.

На исходе второго дня он присоединился к попутному каравану. Вооруженный до зубов, тот следовал в Ибудун из Маленьких Королевств – по самому краешку дюн, держась обжитой местности.

Как поведал Эйхгорну один из купцов, вглубь пустыни люди ходят редко. Во-первых, там нечего делать – путешествовать и возить грузы удобнее водой. Во-вторых, тысяченоги. Проклятые тысяченоги, настоящий бич нбойлехских песков.

Нужно быть очень везучим, чтобы пересечь их из конца в конец, ни разу не столкнувшись с этими чудовищами. Либо передвигаться в многочисленной, хорошо вооруженной компании – таких тысяченоги сами благоразумно избегают.

Оказалось, что эти страшные хищники действительно предоставляют каждой жертве шанс спастись, правильно пересчитав их ноги. Но далеко не всем это удается так же легко, как Эйхгорну. Обсчитаться действительно проще простого, а попытка только одна.

С этим караваном Эйхгорн совершил последнюю, уже ничем не примечательную часть пути, и в четвертом полуденном часу дня Бамбукового Волка вступил в тень Ибудуна.

Да, этот город оказался больше Альбруина. Намного больше. На целые порядки больше. Раскинувшийся на просторе, он мог поспорить с земными городами-миллионерами. Не с такими, понятно, гигантами, как Москва или Питер, но с Казанью или Челябинском – вполне. А ведь даже Париж во времена средневековья был меньше раз этак в пять.

Чего стоила одна крепостная стена – добрых двадцати метров высотой, возведенная из огромных глыб и архитектурой похожая на ту пирамиду, что Эйхгорн видел в пустыне. Эта коричневая громада охватывала город полукругом – от берега до берега – и видна была задолго до того, как караван до нее дошел.

Ворота тоже были соответствующие. Тоже намного, намного шире, чем в Альбруине.

А уж насколько шире оказались стоящие при них стражники!

На входе Эйхгорн расстался с караваном. Верховые, скот и гужевой транспорт двигались через большие ворота, проходя таможенный досмотр. Для пеших же имелась отдельная калитка, и таможня их не трогала. Одни просто показывали пропуска, другие платили пошлину.

У Эйхгорна пропуска не было. Невероятно толстый стражник в будке секунд десять пристально изучал его лицо и одежду, а потом сказал, словно выплюнул:

– Имя.

– Эйхгорн, – представился Эйхгорн.

Называться Исидорякой ему больше не хотелось.

– Вид, раса, вероисповедание, возраст.

– Человек, белый, ктототамец, сорок три года.

– Волшебник?

– Нет.

– А кто тогда?

– Инженер.

– А, мосты строишь… Откуда к нам?

– Парибул.

– Парибул, Парибул… это город?..

– Нет, королевство. Одно из Ста Маленьких Королевств.

– А, эти-то… – презрительно наморщил нос стражник. – Гэ-гэ… Цель посещения?

– Купить очки и осмотреть достопримечательности.

– Я запишу – по личным делам, – проворчал стражник, калякая пером. – Как долго собираешься у нас пробыть?

– Несколько дней. Может, немного дольше.

– Ладно, выпишу на одну луну, – вырвал листок стражник. – Гостевая пошлина – шесть медлей.

– Гм…

– В южных деньгах – четыре ту.

Эйхгорн вложил в потную ладонь большой ту, известив, что сдачи не надо. Лицо стражника заметно подобрело. Он даже попытался улыбнуться, но получилась какая-то гримаса.

Немалый путь Эйхгорн проделал, стремясь в город Ибудун. И едва войдя в него, убедился – не зря, совсем не зря. Перенеси червоточина Эйхгорна сюда, а не в Парибул, он бы и на миг не заподозрил, что находится на средневековой Земле.

Архитектура хотя и имела некоторые арабско-персидские черты, разительно отличалась от земной. Здания в форме вытянутых полушарий, бесчисленные балкончики, на которых

едва помещался один человек, шестиугольные окна-соты и полное отсутствие дверей. Дверные проемы есть, дверей нет. Только легкие газовые занавески.

Эйхгорна это поначалу очень удивило – неужели тут настолько низок уровень преступности? Но заглянув в один такой проем, он понял, в чем дело. Просто то были многоквартирные дома – и в «подъезд» действительно мог войти любой желающий. Но дальше начинались вполне нормальные двери, запертые на замки.

И однако здания все равно ошеломляющие. Большинство – относительно невысокие, всего в три-четыре этажа. Но попадались и семи-, и десятиэтажные, а на одной из улиц Эйхгорн увидел даже настоящий небоскреб в двадцать шесть этажей. Он машинально считал их у каждого дома, мимо которого проходил.

Столь высотное здание Эйхгорна удивило. Одно дело – нефункциональные постройки вроде храмов и пирамид, но совсем другое – жилые дома. Отопление, хорошо, в здешнем климате не требуется. А как быть с водопроводом, с канализацией? На двадцать шестой этаж с ведрами не набегаешься!

Да и без ведер тоже. Такое высотное здание попросту немыслимо без лифта. Вон как мучился Эйхгорн в своей башне волшебника – а ведь та была вдвое ниже! И, насколько Эйхгорн понял, изначально вообще не предназначалась для жилья – просто наблюдательная точка. Типа сухопутного маяка.

Но войдя в эту высотку, Эйхгорн увидел… лифт. Очень похожий на земной, только без раздвижных дверей. И без кнопок – их заменяла плошка с какой-то жидкостью. Прямо на глазах Эйхгорна вошедший жилец обмакнул в нее пальцы, брызнул на пол… и через несколько секунд к нему спустился лифт! Жилец вошел в него, вопросительно глянул на Эйхгорна, пожал плечами, когда тот отказался заходить, и певучим голосом произнес:

– Десятый этаж, если будет на то воля Херема.

Лифт унесся ввысь, оставив Эйхгорна в полном изумлении.

На сей раз он недолго размышлял над объяснением. Магия, разумеется. Чертова магия, которую пока не получается объяснить рационально.

Ничего, все еще впереди.

Кроме высотных зданий с волшебными лифтами в Ибудуне нашлось еще немало интересного. Центром его, как и в Альбруине, был дворец – причем раз в десять больше, чем у парибульского короля. Настоящая крепость, закованная в каменную скорлупу. Громадный купол виднелся отовсюду – из

любого окна, с любой улицы. Великий халиф Нбойлеха явно не поскупился, возводя свою резиденцию.

Сам же город делился на ремесленные кварталы, и у каждого был свой неповторимый аромат. Квартал кузнецов дымил, коптил и оглушительно громыхал. В квартале мясников стоял удушливый запах крови. Квартал кожевников смердел еще хуже. В квартале угольщиков ощутимо требовался противогаз. В квартале винокуров можно было захмелеть, просто глубоко дыша.

Ближе к центру воздух становился почище. Там располагались кварталы ткачей, стеклодувов, ювелиров, парфюмеров. А между халифским дворцом и гаванью развернулся огромный купеческий квартал. Здесь обитала и знать – впрочем, в Нбойлехе между дворянами и купцами разницы почти что не было. Всякий почтенный человек имел свой бизнес – держал лавки или мастерские, водил караваны или торговые суда…

Именно купеческий квартал был настоящим ядром, сердцем Ибудуна. На каждом шагу торговые точки, бани, харчевни, чайханы, караван-сараи. Отовсюду слышались крики зазывал, приглашающих что-нибудь купить, вкусно покушать или попариться в хаммаме с красивыми девочками.

А еще повсюду были мечети… то есть, храмы Херема. Еще в Парибуле Эйхгорн узнал, что Нбойлех – херемианская страна. В отличие от классических севигистов, которые считают верховным богом Космодана, бога небес и вообще пространства, херемиане утверждают, что самый главный – Херем, бог времени. Это и есть основное различие между их религиями.

Как и в большинстве общественных заведений Ибудуна, в храмах не было дверей. Внутри же царила глубокая аскеза – никакой мебели, никаких украшений. Посетители сидели на голом каменном полу, взирая на единственный элемент декора – огромные песочные часы. Отмеряя время, чуть слышно шуршали песчинки, и это был единственный звук, что допускался в храме.

Херем не любит молитв и песнопений, ему чужд колокольный звон и неприятна суета. Вечное спокойствие пустыни и размеренный ход времени дарует он людям. Его адепты – приверженцы тишины и неподвижности. Молчальники. Созерцатели. Вот каковы те, кто избирает путь Херема.

В купеческом квартале тоже выделялись улицы побогаче и победнее. Эйхгорн в конце концов вышел на самую шумную и богатую – Старый Кишлак. Если верить запискам Жуаля Гетуорре, именно отсюда начался Ибудун.

В глубокой древности это место было именно кишлаком – селением, в котором зимовали бедуины. Но со временем его жители перешли к оседлому образу жизни, освоили мореходство,

стали торговать с соседями, построили настоящий город, окружили его стенами, завели себе эмира, а потом прибрали к рукам весь полуостров и стали великим халифатом.

Типичная история успеха.

Народ по Старому Кишлаку гулял сплошь важный, хорошо одетый. Если в Маленьких Королевствах костюмы в целом походили на европейские, то в Нбойлехе возникали ассоциации скорее с ближневосточным дресс-кодом. Большинство носили халаты или бурнусы, на голове – куфии или тюбетейки. Талию многие обворачивали широким шелковым поясом с золотыми или серебряными кистями. На ногах сандалии или чувяки с острыми носами.

Почти все женщины прикрывали лица вуалями. Правда, очень тонкими, совершенно прозрачными. Делалось это не для того, чтобы прятать лицо, а чтобы защищать его. Палящее солнце, песчаные бури, горячий ветер, насекомые… все это скверно влияет на нежную кожу.

Благодаря вуалям или чему другому, кожа у здешних девушек была безупречной. Светло-орехового оттенка, идеально гладкая, она превосходно обрамляла точеные носики и миндалевидные глаза. Как и парибульцы, нбойлехцы принадлежали к европеоидной расе, но отличались от своих южных соседей не меньше, чем кавказцы от славян. Более смуглые, почти поголовно брюнеты, с несколько иными чертами лица и чуть выпяченными губами, они с любопытством таращились на Эйхгорна, сразу распознавая в нем иностранца.

Конечно, в Парибуле Эйхгорн тоже выглядел иностранцем. Но на тамошних жителей он все же походил больше. А здесь сразу видно – чужак.

Впрочем, проблем с этим не возникало. В Старом Кишлаке иностранцы попадались на каждом шагу – и далеко не все они были людьми. Неулыбчивые малькаронцы в дорогих костюмах. Атлетические тримейцы в медных доспехах. Придурковатые разбанцы в нелепом тряпье. Смуглые татуированные тхарийцы в тюрбанах. Чернокожие харгальцы со множеством мелких косичек. Карлики-гоблины из Холобонда. Длинноусые котаи из Чера. Кистеухие фелины из Шутринда. Крокодилоподобные акрилиане со стозубыми улыбками. В порту Ибудуна встречались гости из десятков государств. Самые разные нации, расы и виды.

Понемногу начало смеркаться, и Эйхгорн решил заняться делами. Первым делом он отыскал лавку менялы – благо в Старом Кишлаке они встречались на каждом шагу. Добродушного вида толстяк за прилавком принял расписку своего альбруинского коллеги, внимательно ее изучил и пробасил:

– Регентеры, э?.. Сегодняшний курс – четыреста пятьдесят семь и шестьдесят пять. Вам по номиналу выдать или местными?..

– Местными, – попросил Эйхгорн.

– Тогда это будет… с учетом моего процента… эм… три тумана, три денгара и четыре грамена, – отсчитал монеты меняла. – Примите и распишитесь.

Эйхгорн опустил в карман десять тяжеленьких кружочков. Теперь он уже лучше разбирался в местных финансах, так что комиссию менялы подсчитал сразу же. Курс золотого регентера – 457.65 условных единиц, так называемых хлебов. Своеобразный индекс Биг-Мака – стоимость монеты измеряется в количестве лепешек, которые за эту монету можно купить.

А текущий курс валюты Нбойлеха написан прямо здесь, на грифельной доске: туман – 1325 хлебов, денгар – 132.5 хлеба, грамен – 13.25 хлебов. Итого Эйхгорн получил 4425.5 хлебов, хотя альбруинскому меняле сдал десять золотых регентеров или 4576.5 хлебов.

Сто пятьдесят один хлеб пришлось выложить за этот аналог Western Union. Больше серебряного регентера. И Эйхгорну это, в общем-то, не очень и требовалось – он просто хотел на личном опыте проверить, как работает система.

Расписками менял, этими грубыми подобиями банковских чеков, здесь пользуются в основном купцы. Ибо металлическая наличность мало того, что приманивает преступный элемент, так еще и немало весит. Пара сотен золотых – это уже груз, серьезно оттягивающий карман. А если ты богач, который меряет их тысячами?

Вот менялы и предоставляют удобный сервис. Но не задешево.

После менялы Эйхгорн наконец-то отправился туда, куда стремился в первую очередь. В мастерскую оптика. Такая в Ибудуне действительно нашлась – в самом оживленном месте Старого Кишлака. В окна вместо обычных стекол были вставлены мощные линзы – такой оригинальный вариант рекламы.

Торговали внутри не только очками. На бархатных подушечках лежали монокли, лорнеты, пенсне… Здесь же можно было приобрести подзорную трубу или перспективу.

Жаль, линз-хамелеонов в этом мире еще не изобрели.

Эйхгорн даже примерил один монокль и ему неожиданно понравилось отражение в зеркале. Однако удерживать эту штуку в глазнице оказалось неудобно. Да и не годится монокль при действительно сильной близорукости – второй-то глаз останется полуслепым.

Новые линзы и оправу Эйхгорн выбирал долго. Очки для

человека с серьезным дефектом зрения – самая важная вещь в жизни. Без всего остального обойтись можно, без очков – нет. Так что экономить на этом аксессуаре Эйхгорн точно не собирался.

Прежде всего он, конечно, показал мастеру собственные, полуразвалившиеся. Тот с интересом осмотрел земное изделие, сочувственно поцокал языком и взялся починить – но попросил на работу трое суток. Эйхгорн был приятно удивлен столь коротким сроком, но даже три дня без очков – это слишком долго. Что ему все это время – косяки лбом сшибать?

Увы, среди уже готовых очков подходящих Эйхгорну не нашлось. Ассортимент лавки не отличался разнообразием – как и одежду, очки большинство здешних клиентов заказывали персонально под себя. Так поступил и Эйхгорн – мастер снял с него мерки и проверил остроту зрения (здешняя таблица Сивцева мало отличалась от земной).

– Будет готово через десять дней, – сообщил он. – Останетесь довольны, сударь.

Эйхгорн тоже на это надеялся. Ему надоело таскать на носу обломок кораблекрушения. Попросив мастера скрепить его на скорую руку, чтобы хоть линза не вываливалась, Эйхгорн договорился, что когда будут готовы новые очки, он отдаст в ремонт эти.

Иметь запасные будет очень не худо.

За новые очки мастер запросил девять денгаров. За починку старых – три денгара. Кусачие цены, но ничего не попишешь. Эйхгорн выплатил задаток, получил расписку и покинул лавку. Приближалась ночь, а он еще не подыскал крышу над головой.

Проблемой это стать не должно. В Ибудуне полно караван-сараев – местного аналога отелей. Эйхгорн сразу же двинулся в самый большой и пафосный, похожий на дворец Альгамбры.

Увы, цены оказались под стать архитектуре. Напыщенный халдей глянул на покрытого пылью путника свысока и сквозь зубы озвучил тарифы, вызвавшие у Эйхгорна недовольное ворчание. Самый дешевый номер стоил два денгара за ночь. Если дожидаться новых очков здесь, в карманах не останется ни шиша.

В других гостиницах Старого Кишлака цены оказались лишь чуть ниже. Элитный район все-таки. Вероятно, на окраинах караван-сараи попроще, но Эйхгорн чертовски устал и мечтал сбросить рюкзак, поесть, принять душ и завалиться спать. Так что он остановил выбор на небольшом мотельчике, в котором цены тоже кусались, но не так больно.

За один денгар Эйхгорн получил в свое распоряжение приличную комнату с лежанкой, ковром и кувшином воды. В качестве комплимента гостю на низеньком столике лежал

разрезанный надвое фрукт – что-то фиолетово-красное, с крупными зернами.

К сожалению, санузла в номере не было. Умываться предлагалось у фонтана во дворе, а вопрос об отхожем месте служитель вообще не понял. Только махнул неопределенно рукой и удрал к воротам – в них въезжали два разодетых толстяка на верблюдах.

Возможно, справлять нужду в Нбойлехе можно где угодно. Или делается это неким неочевидным способом – двумя палками, тремя ракушками… Эйхгорн даже поискал взглядом, нет ли где каких дверей, символов или отверстий.

Ничего похожего. Но как-то же они должны решать эту проблему.

В конце концов Эйхгорн просто нашел укромное место в темном конце двора и закрыл вопрос.

Глава 35

Следующий день Эйхгорн решил посвятить обустройству на новом месте. В его карманах все еще хватает наличных, но если и дальше жить в караван-сарае, они быстро иссякнут. Надо найти более доступное жилище, определиться с пропитанием (взятый в дорогу сухпаек почти закончился) и попробовать найти источник заработка. Король Парибула больше не будет ежедневно платить ему по золотому регентеру.

Эйхгорн начал с поиска квартиры. Сам процесс оказался несложным – в Старом Кишлаке хватало «риэлторов». Правда, здесь они не носили деловых костюмов и не отличались респектабельностью – в основном то были чумазые мальчишки, готовые предоставить клиенту все, чего душа желает.

Хочешь квартиру – пойдем, дорогой, бабушка Тю-Гни сдает прекрасную светлую мансарду, да еще и с завтраками. Хочешь покушать – пойдем, дорогой, тетя Е-Нка держит отличную харчевню, а дядя Ха-Бзи делает лучший в мире кебаб. Хочешь отдохнуть – пойдем, дорогой, познакомлю с моей сестрой А-Юй и ее подружкой Ла-Мпу.

Семейный бизнес, найдется все.

Если вдруг так случится, что у данного «риэлтора» среди родни не найдется того, кто предоставляет желаемый сервис, он моментально вызовет кого-нибудь из «коллег» – и, само собой, не забудет взять с него комиссионные. Эти шустрые пацаны носятся по всему Ибудуну.

Правда, быстро выяснилось, что большинство ибудунских квартир построены вкривь и вкось. В каждом доме либо нету лифта, либо низкие потолки, либо ужасно темно, либо в коридоре толком не развернуться. И хорошо еще, если недостаток всего один.

Но об этом «риэлторы» не заикались ни словом. Любое жилье в их описании представало дворцом царицы Савской. На деле же «уютная комната» оборачивалась чуланчиком, в котором едва помещался тюфяк. «Прекрасный вид» – квартирой на последнем этаже, насквозь пропекаемой солнцем. «Полный покой» – окна вплотную к стене соседнего дома. «Оригинально, интересно» – кривой потолок или стены. «Идеально для первой покупки» – абсолютное дерьмо.

В конце концов Эйхгорн подыскал приемлемое соотношение между ценой и качеством. Квартиры получше стоили неразумно дорого, а в более дешевых невозможно было жить. Эйхгорн же снял просторную светлую комнату в квартале ювелиров. Ее

хозяйке, ветхой старушке, принадлежал целый этаж – в двух комнатах она жила, остальные сдавала.

Эйхгорн сторговался с ней за два грамена в день – по местным меркам очень даже скромно. Он сразу заплатил за десять дней вперед.

Оставив дома рюкзак, Эйхгорн вновь отправился в купеческий квартал. На сегодня он запланировал еще пару дел, и первым из них было посещение чародейской лавки. В Ибудуне таковых оказалось пять – все в Старом Кишлаке. «Лавочка дядюшки Ук-Джо», «Особые ценности», «Чародейный уголок», «Умные вещи» и «Зелья Гиракессы».

Эйхгорн обошел все.

В первой лавке торговали разного рода… устройствами. Эйхгорн не знал, как это правильнее назвать. Были там ковры-самолеты, были дальнозеркала, были волшебные светильники, были трубочки, позволяющие дышать под водой, были воронки, превращающие морскую воду в пресную…

Многое из этого Эйхгорн не отказался бы заиметь в собственность, но цены совсем не радовали. Из всего ассортимента он мог позволить себе только дыхатель – ту самую «трубку Ихтиандра». Тот стоил туман и два денгара. Однако и это изрядно опустошило бы кошелек Эйхгорна, а источников дохода у него пока что не было.

В других лавках цены отличались мало. А вот ассортимент – значительно. Во второй лавке, например, торговали разного рода… носителями информации. Помни-зернами, например, – как чистыми, так и заряженными разными зрелищами. Или чувственными шариками – кусочками хрусталя, содержащими различные эмоции. Положишь такой в рот – и тебя охватит радость или станет очень весело.

В продаже имелись и отрицательные эмоции, но их редко брали.

В третьей лавке предлагали талисманы и амулеты. В основном мелкие – защищающие от каких-то конкретных болезней, бедствий или злых чар. Был, например, нефритовый амулет, гарантирующий от удара молнии. Эйхгорн очень пожалел, что не обзавелся таким перед полетом. Даже приценился было, но передумал – слишком мал шанс, что снова пригодится.

В четвертой лавке выбор был очень скуден, зато каждый предмет – индивидуальной сборки. Зеркало, показывающее прошлое. Летающий зонт. Кольцо-невидимка. Магнит, стирающий память. Огненный меч. Вертушка, вызывающая ураган. Каждое из этих сокровищ хозяин лавки сделал своими руками, и за каждое

просил огромных денег. Даже самый дешевый предмет (зонт) стоил двенадцать туманов – у Эйхгорна не было и половины этой суммы.

Ну а в пятой лавке посетителям предлагались зелья и эликсиры. Средства от всяческих недугов стоили относительно дешево. Придающие разные эффекты – заметно дороже. Был, например, эликсир храбрости, на несколько часов делающий смельчаком. Или эликсир силы, действием схожий с зельем Астерикса. Были и совсем экзотические – перекрашивающие кожу в розовый цвет или превращающие в кактус.

– Кому и зачем может понадобиться превратиться в кактус? – не смог удержаться от вопроса Эйхгорн.

– Любой совершеннолетний здравомыслящий индивид имеет право превратиться в кактус, буде у него возникнет такое желание, – отчеканила владелица лавки. – Напоминаем, что если вы подольете это зелье кому-то другому и превратите его в кактус против его воли, вы совершите преступление. Лавка не несет ответственности, если купленный в ней товар будет использован для противоправных действий.

Обходя чародейские лавки, Эйхгорн не столько покупал, сколько продавал. Пытался продать волшебную книгу, привезенную из Парибула. По зрелом размышлении он решил, что ему самому она практически бесполезна, так что лучше уж обратить ее в звонкую монету.

К сожалению, та оказалась не слишком большой ценностью. В первой лавке торговец вообще не проявил интереса – он был не волшебником, а всего лишь торговым агентом Индустриона, магической фабрики. Занимался и скупкой, но только конкретных вещей, по твердо установленным ценам. Подержанных ковров-самолетов и тому подобного.

Волшебные книги в их число не входили.

Правда, этому типу Эйхгорну удалось сплавить сломанное дальнозеркало. Торговец предложил на выбор два варианта – он покупает его за четверть цены или отправляет в ремонтную мастерскую, где его за те же четверть цены чинят. Правда, мастерская находится в Мистерии, все в том же Индустрионе, так что к стоимости добавится пересылка туда и обратно. Да и ждать придется изрядно.

Если не считать парибульского короля, зеркалить Эйхгорну было просто некому, так что в дальнозеркале он особо не нуждался. А вот в наличных – очень даже. Так что он принял первое предложение, выговорив себе в качестве бонуса три бесплатных звонка. Первым тут же и воспользовался, вызеркалив все того же парибульского короля и сообщив, что добрался

нормально и у него все в порядке.

В отставку Эйхгорн подавать пока не стал. Он решил сделать это перед отъездом из Ибудуна, когда окончательно определится с тем, что делать дальше.

На дальнозеркале Эйхгорн заработал туман, два денгара и два грамена. Не так уж и плохо за сломанный прибор.

А вот за волшебную книгу не удалось выручить и этого. Четверо остальных владельцев лавок сами были волшебниками, и некоторый интерес проявили… но только некоторый. Насколько Эйхгорн понял, подержанные книги пользуются спросом только если принадлежали признанным магическим авторитетам – а мэтр Гвенью был всего лишь бакалавром. Таких на пятачок пучок.

Самую высокую цену предложила владелица лавки зелий. Полистав книгу, она сказала, что в ней есть несколько занятных авторских рецептов, в том числе необычная модификация воды Ипмарва. Так что она согласна купить ее за один туман. Добавит еще денгар сверху, если Эйхгорн возьмет не деньгами, а продукцией.

Предложение было соблазнительным – многие зелья Эйхгорн охотно бы приобрел. Но по-настоящему полезные и стоили немало, а всякие настойки от икоты его не интересовали. Так что он решил все же взять звонкую монету.

Эйхгорн подумывал продать и амулеты. Водяной хотя и пригодился в пустыне, на поверку оказался малоэффективным. А предназначение того, что в форме птицы, по-прежнему остается неизвестным. Может быть, это вообще не амулет, а обычный кулон.

Но это Эйхгорн решил отложить на потом. Деньги у него пока что есть. Начнет испытывать в них нехватку – тогда и амулеты продаст.

Выйдя из лавки, Эйхгорн пересчитал свой капитал. Три золотых регентера, семь серебряных, четыре тумана, восемь денгаров и пять граменов. Восемь денгаров придется заплатить оптику, еще два уйдут на оплату жилья.

Вообще-то, Эйхгорн располагал довольно приличной суммой. Не настолько, чтобы покупать волшебные вещи, но на обычные расходы ему хватало с лихвой. После чародейских лавок он пообедал в харчевне – трапеза из трех блюд с вином и десертом обошлась в грамен и шесть медлей.

Кормили очень вкусно, и Эйхгорн попытался оставить два медля на чай, но подавальщика это неожиданно возмутило. Оказалось, что в Нбойлехе чаевые почитают за личную обиду. Если, мол, понравилось, так ты лучше снова приходи покушать и всем друзьям посоветуй, а подачек нам не надо.

После обеда Эйхгорн отправился передать поклон дяде Ак-Джо. Ибудунский невольничий рынок располагался рядом со Старым Кишлаком, на отдельной улочке, которая так и называлась – Невольничья. Совсем короткая, оканчивающаяся тупиком, она со всех сторон была окружена портиками, в которых и стояли невольники.

Сотни невольников.

Почтенного купца Ук-Хара Эйхгорну действительно указали сразу же. Тот крайне обрадовался весточке от племянника – мол, хоть и со странностями, а все же родная кровь. Узнав, что Эйхгорн спас тому жизнь, Ук-Хар Матсхариди облобызал гостя, угостил вином и фруктами и принялся хвастаться своим хозяйством.

– Как у тебя дела, родной? – любопытствовал он. – Сыт ли, весел ли? Семья есть? Дети есть? Монеты в кошеле есть? Как жизнь, все ли хорошо?

– Все трансцендентно и концептуально, – равнодушно ответил Эйхгорн.

– Хорошо, родной, очень хорошо! – порадовался за него работорговец. – Пойдем теперь, пойдем скорее!

– Куда?

– Как это куда, как это куда?! За покупками, родной! Ты мне теперь как член семьи, я тебе все сделаю! Скажи, чего хочешь, родной? Хочешь раба купить? Рабыню хочешь, родной? Все для тебя! Любого выбирай, любую – твое будет! Такую скидку тебе сделаю, какую родной матери бы не сделал!

Становиться рабовладельцем Эйхгорн не собирался, но отвязаться от липучего дяди никак не удавалось. Щедрый купец настаивал, чтобы Эйхгорн ни в коем случае не рубил сплеча, а вначале осмотрел весь товар, увидел, какие сокровища ему предлагают, как дешево все это стоит, а уж потом и уходил.

Если он такой дурак, что не понимает собственной выгоды.

Жизнь на невольничьем рынке била ключом. Дядя Ук-Хар с печалью поведал, что Нбойлех – херемианская страна, а херемианство, равно как и севигизм, крайне неодобрительно относится к рабству. Вечно всякие дурацкие предрассудки мешают людям делать бизнес.

К счастью, прямого запрета в священных текстах нет. В Ктаве присутствует фраза «да будет проклят тот, кто сделал ближнего своим рабом», но это относится только к обращению в рабство, а не к владению рабами. Поэтому в Нбойлехе, а также во многих других странах рабов спокойно покупают и продают – а как именно они стали рабами, спрашивать не принято.

И однако торговать сородичами в Нбойлехе считается

зазорным. Так что все до единого здесь невольники прибыли из-за рубежа. Одних обратили в рабство за какие-то преступления, другие продались в него сами за долги, третьих просто взяли в полон – ох уж эти мерзкие разбойники, житья от них нет честным людям!

Но раз эти негодяи все равно уже сделали человека рабом – не освобождать же его теперь, верно? Видно, такую уж судьбу ему положили боги.

Не идти же добрым херемианам против их воли?

На рынке оказалось несказанно много чернокожих. Так называемых ямстоков – их огромное количество в Шахалии, континенте к западу от Сурении. Возят и возят, понимаешь. Особенно богата этим добром Ямстокедария – огромная территория, покрытая джунглями и населенная дикими племенами. Они там не знают истинной веры и цивилизации, некультурны, детей рожают, как кутят, и преспокойно продают их всем желающим. Заходи в любую деревню и покупай любого ребенка, что приглянется.

Впрочем, нбойлехские рабовладельцы были людьми толерантными и на цвет кожи не смотрели, так что белых рабов у них тоже хватало. В том числе из Маленьких Королевств – светловолосых красавиц и искусных мастеров. Эти в основном попадали на рынок через разбойников – те частенько делали набеги на юг.

Были и нелюди – гоблины, фелины, симы, акрилиане, – но они пользовались меньшим спросом.

К своей участи рабы относились по-разному. Одни горько рыдали, другие вполне смирились, а некоторые выглядели даже счастливыми. Большинство ходило свободно – покупатели рассматривали их, говорили с ними, стучали по спине и заставляли высовывать язык. В цепях Эйхгорн увидел всего одного раба – огромного равнинного тролля с татуированным лицом. Этот смотрел с такой дикой злобой, что к нему никто не решался подходить.

Дядя Ук-Хар показывал Эйхгорну одного раба за другим. Оказалось, что в Нбойлехе невольников не изнуряют тяжелым трудом – для этого хватает феллахов. Рабы стоят дорого, поэтому их ценят и используют в основном как домашнюю прислугу.

А также для утех. В самом дальнем конце улицы журчал огромный фонтан, и вокруг него восседали красивые, легко одетые женщины разных рас. Многие – совсем юные, буквально на грани совершеннолетия. Скабрезно подмигивая, дядя Ук-Хар поведал, что их покупают в качестве танцовщиц, горничных или банных прислужниц. Цены колеблются от пяти до пятидесяти

туманов.

– Нравится, родной? – заглядывал Эйхгорну в глаза Ук-Хар. – Выбирай любую, какая больше по душе! Вот пальцем покажи, скажи – эту хочу! Твоя будет! Половину цены тебе скину, как лучшему другу!

Эйхгорн по-прежнему не собирался никого покупать. Раб – непродуктивное имущество. Он слишком дорого стоит, его нужно кормить, нужно одевать, ему нужно где-то жить, а пользы от него не так уж много. Раб не заинтересован в результатах своего труда, поэтому трудится вполсилы, кое-как и только из-под палки. К тому же при удачных обстоятельствах раб может сбежать, а то и убить своего хозяина.

На Земле ведь рабовладение отмерло не из-за моральных причин, а исключительно из-за экономических. С развитием технологий рабство просто перестало окупаться.

Но Ук-Хар не унимался. Далеко не все эти невольницы принадлежали ему – девушки были разделены на семь групп, и при каждой находился сутенер… купец. Они тоже настойчиво предлагали Эйхгорну свой товар, расхваливая его на все лады.

Особенно усердствовал тощий лохматый парень с козлиной бороденкой. Он был донельзя взвинчен, и при нем находилась одна-единственная рабыня – кудрявая мулатка с круглым личиком, одетая в одно только зеленое покрывало. Не красавица, но в целом симпатичная. Насколько Эйхгорн понял, всех остальных ее хозяин уже распродал, а вот именно эту почему-то никто не хотел брать.

– Э, брат, ну купи у меня девку, что ты какой жадный?! – недовольно крикнул он Эйхгорну. – Э, всего три тумана прошу, в самом деле!

– Всего три тумана? – против своей воли заинтересовался Эйхгорн. – А что с ней не так?

– Да все так, все так, хорошая девка! Ласковая как родник, стройная как газель, гибкая как змея! Бери, не прогадаешь! Она просто последняя у меня, а я спешу, брат! Сильно спешу!

Эйхгорн перевел взгляд на девушку. Та смотрела на него огромными глазами, кусала губы и заламывала руки.

– Э, брат, если не купишь, значит, не судьба ей здесь остаться, – с угрозой произнес работорговец. – Поплывет со мной дальше… или, может, в портовый бордель продам… Уж пару туманов-то там всяко дадут…

Девушка в страхе вскрикнула, протянула к Эйхгорну руки и взмолилась:

– Прошу тебя, хозяин, не оставляй меня, сжалься, возьми к себе! У тебя такое доброе лицо, ты верно хороший человек,

возьми меня к себе жить!

Эйхгорн поджал губы. Ему не хотелось тратить целых три тумана на совершенно бесполезную покупку. Но у девушки в глазах стояли слезы. Только последний козел смог бы от нее отвернуться.

К тому же три тумана за здоровую молодую рабыню – это сказочно дешево. Озирская энциклопедия стоит дороже.

– Как тебя зовут? – устало спросил Эйхгорн.

– Фисташкой, если то угодно моему господину, – ответила рабыня.

Эйхгорн снова посмотрел на нее. Побренчал монетами в карманах. Вздохнул. И сухо сказал работорговцу:

– Я дам два тумана и пять денгаров.

– Продано! – мгновенно ответил торговец, хватая его за руку. – Девка твоя, брат, забирай!

У Эйхгорна опустились плечи. Судя по такой быстрой реакции, он все-таки переплатил. Видимо, дефектный товар.

Ну да и черт с ними. Все равно он не собирается оставлять ее себе.

Купчую составили моментально. Работорговец выхватил из-за пазухи мятый листок, проставил там сумму, расписался внизу и дал расписаться покупателю. Кроме того акт купли-продажи подписал свидетель, которым охотно стал дядя Ук-Хар, и, к удивлению Эйхгорна, сама Фисташка.

Он впервые видел, чтобы покупка подписывала накладную.

Отсчитав работорговцу монеты, Эйхгорн повернулся к радостно улыбающейся Фисташке и сказал:

– Можешь идти.

– Да, хозяин, пойдем, – довольно ответила та, беря Эйхгорна за руку. – Где ты живешь? Ты богат? Знатен?

– Я не богат, не знатен, и не держу рабов. Иди, куда хочешь – я даю тебе свободу, – сказал Эйхгорн.

У Фисташки заблестели глаза. Сначала Эйхгорну показалось, что от счастья. Однако через секунду та уперла руки в бока и возмущенно воскликнула:

– Какую еще свободу?! На кой кир она мне?!

Такая реакция Эйхгорна крайне удивила. А вот работорговцев – ничуть. Гораздо сильнее их удивил поступок Эйхгорна – дядя Ук-Хар и бывший хозяин Фисташки смотрели на него, как на круглого идиота.

– Правильно ли я понял? – уточнил Эйхгорн. – Ты… не хочешь стать свободной?

– Конечно, нет! – фыркнула Фисташка. – Куда я пойду?! Я не знаю никакого ремесла, у меня нет родственников, а

прислуживать в тавернах – это для неудачниц! Если уж я тебе не нужна, продай меня какому-нибудь вельможе!

– Я не торгую рабами, – сухо сказал Эйхгорн.

Фисташка смерила его презрительным взглядом.

Лохматый парень, чьего имени Эйхгорн так и не узнал, успел исчезнуть в неизвестном направлении. Зато дядя Ук-Хар остался. Обняв Эйхгорна за плечи, он сказал:

– Не переживай, родной, не беспокойся. Хорошую покупку сделал, красивую женщину себе купил! И дешево совсем, песком клянусь! Знал бы я, что этот проходимец такую девочку всего ни за что отдает – сам бы купил, правду говорю! Пойдем теперь в чайхану, поедим, выпьем за хорошую покупку! Женщина, смотри, голодная – худая, как былиночка, фу! Совсем этот бродяга ее не кормил, сладостями не угощал, такой плохой человек! Ничего, родной, вот ты ее приоденешь, откормишь, так она еще краше станет!

Фисташка при каждом слове согласно кивала. Эйхгорн понял, что от посещения чайханы ему не отвертеться.

Совсем рядом с Невольничьей улицей располагался «Грандтаун» – самая дорогая и роскошная чайхана Ибудуна. При виде дяди Ук-Хара швейцар склонился в три погибели, всем видом показывая, что ждал этих гостей уже много лет, каждый день вглядываясь вдаль в надежде завидеть пыль от их сапог.

Не меньшее гостеприимство проявил и метрдотель. Облаченный в шелковый халат, он на цырлах проводил посетителей к столику… очень низенькому, без ножек, но все же столику. Вместо стульев при нем были пышные подушки – Фисташка сразу запрыгнула на свою с ногами и жадно схватила лепешку.

Лепешки на столе уже лежали. Такая вариация лаваша – в Нбойлехе его ели в огромных количествах. Остальные же блюда метрдотель ласково перечислял вслух, причем цены даже не упоминал, словно стесняясь говорить о таких презренных материях, как деньги.

Но было очевидно, что цены здесь очень высоки. Среди посетителей преобладали вельможи и купцы – все важные, холеные, увешанные золотом, в дорогих халатах. При многих были девушки, одетые точно так же, как Фисташка и ее коллеги с невольничьего рынка.

Видимо, у местного бомонда принято обмывать покупки в этой чайхане.

Эйхгорн заказал супчик с длинной лапшой ручного приготовления. Дядя Ук-Хар – огромную миску ячменных клецок с мясной стружкой. Фисташка же набрала дорогих сладостей и

лучшее гарийское вино. Нисколько не смущаясь, рабыня принялась лопать так, что за ушами трещало.

– Я забыл спросить – а человеческое-то имя у тебя есть? – поинтересовался Эйхгорн, цедя лапшу раздвоенной щепкой.

– А чем тебе не нравится Фисташка? – пожала плечами девушка. – Отличное имя, по-моему. Отражает самую мою суть.

– А по-моему, глупо звучит, – возразил Эйхгорн.

– Ничего глупого. Нас вообще сначала было десять – оптовая партия. Фисташка, Розочка, Фиалка, Барвинок, Конфетка, Кудряшка, Лапочка, Милашка, Веснушка, Малинка и Клубничка.

– Одиннадцать.

– Что?..

– Ты назвала одиннадцать имен.

– Правда?.. – удивилась Фисташка и принялась загибать пальцы, шевеля губами. – Ах да, верно! Малинка и Клубничка были близняшками, их продавали только вместе, так что они считались за одну.

– Рад за них, – равнодушно произнес Эйхгорн. – Но как тебя все-таки зовут по-настоящему?

– Фисташка, – отрезала рабыня. – Я Фисташка. Меня так зовут. Разговор окончен.

– Эй, а что случилось с «если то угодно господину»?

– Так ты же меня уже купил, – пожала плечами рабыня. – Все. Деньги тебе назад не вернут.

Эйхгорн это уже понял. Угрюмо пересчитывая оставшиеся монеты, он начал понимать, почему наложницы бывают только у всяких султанов. Даже с учетом огромной скидки Фисташка обошлась ему слишком дорого.

Кстати, почему ее отдали с такой скидкой, он тоже начал понимать. Сразу после подписания купчей девушку как подменили. Фисташка мгновенно утерла слезы, сменила тон и принялась командовать, словно сама стала хозяйкой Эйхгорна.

Интересно, остальные девушки из ее «оптовой партии» были такими же?

Наевшись сладостей и выхлебав две пиалы вина, Фисташка громко рыгнула и замахала официанту. Не спрашивая разрешения, она заказала самое дорогое блюдо в меню – сашими из любянка, очень редкой и ценной рыбы. Ее подали на крохотной тарелочке, четыре прозрачных лепесточка – но стоили эти лепесточки по три грамена каждый.

Не отставал от нее и дядя Ук-Хар. Скабрезно похохатывая и в деталях объясняя Эйхгорну, какую замечательную покупку тот сделал, работорговец заказывал то одно, то другое. И Эйхгорн сильно сомневался, что он намеревается сам за себя платить.

Впрочем, Эйхгорн за него платить тоже не собирался. Снуло глядя прямо перед собой, он скрупулезно высчитал стоимость съеденного и выпитого, после чего положил на стол ровно три денгара, два грамена и медль. Официант, только что не виляя хвостом, подхватил монеты… но тут же нахмурился.

– Почтенный господин ошибся, – слащаво улыбнулся он. – Здесь недостает…

Эйхгорн безучастно перечислил все блюда, употребленные им и Фисташкой. Сумма сходилась до последнего медля.

– Но… а как же почтенный Ук-Хар?..

– А разве почтенный Ук-Хар тоже мой раб? – осведомился Эйхгорн. – Я не обязан его кормить.

Дядя Ук-Хар приоткрыл рот, таращась на Эйхгорна удивленно и возмущенно одновременно. Он забубнил что-то о долге гостеприимства, о традициях… но Эйхгорн уже не слушал. Развернувшись и даже не проверяя, идет ли следом Фисташка, он вышел из ресторана.

Глава 36

Оказавшись в жилище Эйхгорна, Фисташка сразу скуксилась. Поняв, что ее новый хозяин действительно не знатен и не богат, она стала смотреть на него, как на предателя.

По снимаемой Эйхгорном комнате рабыня бродила, как кошка в новой квартире. Обнюхала каждый уголок, без малейшего стеснения сунула нос в рюкзак и ощупала все, что там нашла. Эйхгорн, никогда не страдавший вещизмом, взирал на это равнодушно.

– Так, – решительно заявила Фисташка, когда в комнате не осталось ничего неизученного. – Я хочу есть и мне нужна новая одежда. А еще духи, притирания и щипцы для выпрямления волос.

– Ну так пойди и купи себе все это, – безразлично ответил Эйхгорн.

– Отлично, давай деньги! – обрадовалась Фисташка.

– С деньгами каждый дурак сможет. А ты без денег купи.

Фисташка недобро прищурилась. Эйхгорн задумался, как ему избавиться от этого совершенно ненужного имущества. Уходить сама она явно не собирается…

Вообще, с женщинами у Эйхгорна всегда складывалось неудачно. Всего их в его жизни было пять. Пять женщин, с которыми он поддерживал более или менее продолжительные отношения.

Первой была Оля. С октября 1991 по июль 1992. Она не умела держать рот закрытым. Где-то за полчаса до приема пищи всегда начинала щебетать: «Ой, я такая голодная, ну такая голодная!». Поев, переключала канал на «Ой, я так объелась, ну так объелась!». То же самое касалось сна, работы и любого другого процесса – Оля неутомимо возвещала миру о своих желаниях и эмоциях. Поначалу Эйхгорна это забавляло, потом начало раздражать…

Второй была Катя. С декабря 1994 по сентябрь 1995. Она ныла. Ныла всегда, ныла непрерывно, ныла по любому поводу. Она постоянно рассказывала, как у нее все плохо, какая она неудачница, как ей не везет в жизни. И родители-то ее живут в далекой деревне, а она здесь, одна-одинешенька, в этом плохом городе, полном черствых и равнодушных людей. И никто ее не понимает, никто не любит, никто не пожалеет… Поначалу Эйхгорн ей сочувствовал, потом начал злиться…

Третьей была Таня. С октября 1997 по февраль 1998. Очень энергичная и целеустремленная. На Эйхгорна у нее были

серьезные планы, но вначале она хотела убедиться, что нашла именно то, что нужно. С утра до вечера она допытывалась насчет благосостояния суженого, и как тот собирается его улучшать. Где работает, сколько зарабатывает, когда повышение, почему не перейдет на другую работу, поденежнее? Постоянно предлагала какие-то бизнес-проекты, требовала куда-то вложиться… когда же до нее дошло, что Эйхгорн крайне мало интересуется финансами и совершенно не стремится разбогатеть, она очень быстро к нему охладела.

Четвертой была Ира. С сентября по ноябрь 1999. Истеричка. С ней Эйхгорн порвал быстрее всех, поскольку у Иры ПМС не прекращался никогда. Она скандалила по поводу и без, закатывала истерики из-за незастегнутой пуговицы, из-за пролитого молока. Достаточно было произнести фразу с неправильной интонацией, чтобы Ира включила сирену.

Пятой была Даша. С ноября 2002 по май 2004. С ней Эйхгорн пробыл дольше всех и даже почти женился. Она была хорошей женщиной, действительно хорошей. Доброй, тихой, покладистой… но при этом глупой. Феерически глупой. Иногда Эйхгорну казалось, что она просто прикидывается, что это такой затянувшийся розыгрыш. Ну не может же нормальный, здоровый, умственно не отсталый человек быть настолько безмозглым. Эйхгорн с детства привык, что большинство людей вокруг глупее него, но всему же есть пределы.

Он терпел, и терпел очень долго, поскольку во всем остальном Даша была просто безупречной, но в конце концов расстаться пришлось. Ибо периодически Эйхгорн таки срывался и начинал хамить – а Даша не огрызалась и даже не плакала. Просто смотрела на него и виновато моргала. Эйхгорну становилось ужасно стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Однако Фисташка превзошла их всех. Насколько Эйхгорн понял, она с раннего детства готовилась к простой и понятной роли – содержанки. В рабство ее никто не обращал – она родилась на севере Нбойлеха, в своеобразном «питомнике», растящем именно таких вот профессиональных наложниц. Правда, оценки у нее были не самые лучшие, так что ибудунские вельможи, собаку съевшие на живом товаре, не покупали ее даже с большой скидкой. Фисташка уже отчаялась, когда на рынке появился чужеземный простофиля.

Только вот Фисташка в итоге осталась недовольна. Она-то рассчитывала попасть в сераль к какому-нибудь богатею и целыми днями только и делать, что ничего не делать. Такое вот нехитрое у нее было жизненное кредо. А тут Эйхгорн, который

совершенно не желает потакать ее прихотям, да еще и порывается освободить.

Совсем дурак, что ли?!

– Если я тебе не нужна – просто продай меня кому-нибудь! – ныла Фисташка. – Ну что тебе стоит?!

Эйхгорн задумался о женском цинизме. Машины, дачи, айфоны, шубы, цепочки, отдых на Канарах… сам он всегда был глубоко равнодушен к материальным благам. Он не понимал, как можно связать себя с человеком на всю жизнь только потому, что тот способен тебе их предоставить.

С другой стороны, логика в этом есть. Любовь любовью и все такое, но должны же быть определенные критерии. Если перед самим Эйхгорном поставить двух женщин, он выберет… чего уж перед самим собой лицемерить – он выберет ту, у которой сиськи больше. Он же математик. Больше – значит, лучше. Четкий, доступный измерению критерий.

А у женщин с этим сложнее. Тот доступный измерению критерий, который интересует их, прилюдно обычно не демонстрируют. Да и вообще эволюционная роль мужчины – обеспечивать свою женщину и своих детей. Вот женщина и следует биологической программе, подбирая того, кто с этой задачей лучше справится. Поставь перед женщиной принца и бомжа – кого она выберет?

Нет, конечно, если бомжа зовут Арагорн, а принца – Джоффри, ответ неочевиден, но это уже нестандартные условия.

И Фисташка права – самым оптимальным решением будет перепродать ее более подходящему владельцу. Тому, кому она нужна. Эйхгорн не планировал задерживаться в Нбойлехе дольше, чем на пару недель, и меньше всего ему требовался прицеп в виде ноющей рабыни. Сугубый интроверт, любых людей возле себя Эйхгорн воспринимал исключительно как источник раздражения.

Значит, надо подыскать покупателя. Наживаться на работорговле Эйхгорн не собирался – пусть заберет хотя бы по себестоимости. Или даже ниже оной.

Интересно, не согласится ли дядя Ук-Хар выступить посредником? Хотя он вроде бы вчера обиделся, что Эйхгорн не стал оплачивать его счет в чайхане…

По счастью, обиделся он все же не очень сильно. Не настолько, чтобы упустить возможность заработать пару денгаров. Смеясь над незадачливым покупателем, дядя Ук-Хар пообещал, что внесет Фисташку в свой каталог рабынь для утех, и если кто заинтересуется – направит к Эйхгорну.

Но тот будет должен ему за такую услугу двадцать процентов от выручки – и чтоб без обмана. Дядя Ук-Хар очень не любит,

когда его обманывают, и друзья дяди Ук-Хара тоже не любят. Про ибудунского Дедулю слыхал, родной? Лучший друг дяди Ук-Хара, только на днях вместе в чайхане сидели.

Эйхгорн ничего против не имел. Двадцать процентов, так двадцать процентов. Собственно, он был согласен отдать Фисташку и даром, но в этом случае его бы просто не поняли.

Первым же вечером Фисташка предложила Эйхгорну себя – но, надо заметить, не слишком охотно. Ею явно руководило чувство долга, а отнюдь не симпатия к хозяину. Так что она просто сбросила покрывало и выжидающе уставилась на Эйхгорна, даже не пытаясь хотя бы принять эротичную позу.

Эйхгорн некоторое время смотрел на нее снулым взглядом. Он все еще не решил, насколько это допустимо – использовать такую вот живую собственность по… прямому назначению. Даже с учетом того, что Фисташка сама желает сохранить статус рабыни, это неприятно смахивает на изнасилование. Ну или как минимум злоупотребление служебным положением.

Для местных все это, конечно, нормально и естественно, но для россиянина двадцать первого века…

К тому же Фисташка не очень устраивала Эйхгорна по его основному, чисто математическому критерию. Кажется, она это и сама поняла, потому что обиженно фыркнула, вновь накинула покрывало и отвернулась к стенке.

На следующее утро Эйхгорн ушел раньше, чем Фисташка проснулась. Он оставил ей три грамена на еду и другие возможные расходы. Сбегать рабыня явно не станет – зачем, если Эйхгорн и так ее не держит?

А если вдруг сбежит – так ему же еще и проще.

И Эйхгорну жизненно требовалось добыть какие-то средства. Он слишком потратился, а кормить теперь предстоит уже двоих. В Нбойлехе он задерживаться не собирается – значит, новые дорожные расходы.

Вопрос в том, где и как он может здесь подзаработать. Амулеты вряд ли стоят дорого, а больше продавать нечего, если не считать ту же Фисташку. В долг без обеспечения ему никто не даст. А пристроиться волшебником к халифу не удастся – такая удача два раза не выпадает.

Остаются технические знания. Эйхгорн умеет много такого, чего в этом мире не умеет никто. Наверняка есть способы обратить это в звонкую монету. Надо только их найти – а для этого следует хорошенько изучить страну, в которой Эйхгорн оказался.

Несмотря на наличие рабства, великий халифат Нбойлех был куда просвещеннее и цивилизованнее крохотного королевства

Парибул. Разделенный на тридцать шесть провинций, во главе каждой из которых стоял эмир-наместник, он обладал сложной административной системой. Вместо одиноких коннетабля, эдила и казначея тут были разветвленные ведомства со множеством сотрудников – военное, судебное, финансовое. В каждом городе сидели эмир, мурза, кади и прочие вельможи, подчиняющиеся халифу в соответствии со строгой вертикалью власти.

Население делилось на пять категорий. Знать, горожан, феллахов, бедуинов и рабов. Их права и обязанности разграничивались очень четко. Например, торговлей могли заниматься только знать и горожане. Феллахи имели право посещать города, но не жить в них. Бедуинам запрещалось даже приближаться к городским стенам. Рабы были живым имуществом, но за убийство или телесное повреждение раба следовало такое же наказание, что и за свободного. Дурно с ними обращаться тоже запрещалось.

А освобожденный раб, как оказалось, не становился вольным человеком – юридически он оставался таким же рабом, просто теперь принадлежал самому себе. В целом его положение от этого только ухудшалось – он не мог устроиться на работу, не мог купить или снять жилье, не мог даже владеть никаким имуществом.

Неудивительно, что Фисташке так не понравилась эта идея.

Немногим лучше жили бедуины. Ведущие полуцыганское существование, они населяли в основном земли рядом с пустыней и бесплодное восточное побережье. Земледелием не занимались, только скотоводством. Кроме того, бедуины часто становились наемниками или сбивались в разбойничьи ватаги. Фактически они составляли государство в государстве, почти не подчиняясь законам халифа.

И халифа это вполне устраивало. От бедуинов была бы уйма хлопот, если бы не тот факт, что они делились на четыре враждующих племени, которые большую часть времени тупо резали друг друга. Умело стравливая их между собой, халиф легко контролировал этих воинов пустыни. Три четверти нбойлехского войска состояло именно из бедуинов – они отлично сражались и бесстрашно шли на смерть.

Впрочем, Эйхгорна не очень-то интересовало государственное устройство Нбойлеха. Его интересовало состояние здешней науки. Оно оказалось не то чтобы впечатляющим, но все же лучше ожидаемого.

Науки в Нбойлехе делились на три группы. Мудрые, практические и естественные.

К мудрым относились история, каллиграфия, богословие,

стихосложение и астрономия с астрологией. Всякого рода отвлеченные знания, слабо применимые на практике. Кроме разве что астрономии… хотя нет, астрономия тоже. В средневековом обществе она, увы, является чисто умозрительным занятием.

К практическим относились этика, политология, экономика и прочие науки, изучающие отношения между людьми. Ими занимались вельможи, и Эйхгорну туда соваться не следовало.

Заинтересовали его естественные науки – математика, география, медицина, архитектура, инженерное дело и почему-то музыка. Они считались самыми низкими, знать ими брезговала, но и обойтись без них не могла. Где-то здесь же притулилась и магия – в Нбойлехе подвизалось немало волшебников разного профиля. Особенно знаменита среди них была группа чародеев из Ферраменга – именно они строили в Ибудуне высотные здания с лифтами.

Но магией Эйхгорн не владел, так что ему предстояло найти себя в чем-то ином.

Конечно, в первую очередь он попытал счастья в инженерном деле. Однако оказалось, что под инженерами в этом мире понимают в первую очередь строителей различных сооружений. Военные инженеры строят тараны, баллисты и катапульты, гражданские – мосты, дороги и каналы. В Нбойлехе у них собственный цех – немногочисленный, крепко спаянный и не допускающий в свои ряды посторонних. Иностранный инженер имеет шансы получить работу лишь если он знаменит.

А неизвестному типу вроде Эйхгорна никто ничего серьезного не доверит. На проектировании арыков много не заработаешь.

Эйхгорн прощупал почву насчет пиротехники. Бенгальские огни и римские свечи делаются несложно, а парибульская королевская семья их вполне оценила. Быть может, арендовать мастерскую, наладить массовое производство?

Увы, оказалось, что здесь его тоже опередили. В Ибудуне уже была контора двух братьев-волшебников, которые занимались именно фейерверками. Когда какой-нибудь богатей что-то праздновал, то всегда приглашал эту парочку, и те так расцвечивали небо, что Эйхгорну не стоило и соваться.

Ничего не вышло и с самогоном. Правда, уже по экономическим причинам. Оказалось, что производство и торговля алкоголем в Нбойлехе полностью в руках небольшой группы винокуров, среди которых аж зять халифа. Только у этой клики есть высочайшее соизволение спаивать народ.

А если у тебя этого соизволения не имеется… что ж, ты тоже имеешь полное право варить и продавать спиртное. Только вот

пошлина возрастает до такой людоедской величины, что ни о какой прибыли и речи нет.

Что еще технический гений Эйхгорна мог предложить Парифату? Вновь и вновь перебирая свой бездонный багаж знаний, он вновь и вновь приходил к мысли, что ничего. Все относительно простое здесь либо уже изобретено, либо замещено магией. А сколько-нибудь серьезные проекты вроде того же аэроплана требуют значительного стартового капитала.

У Эйхгорна его нет, так что нужен инвестор. Но инвестора нужно убедить в выгодности проекта, а это дело непростое. С парибульским королем, например, так ничего и не вышло – вряд ли нбойлехские олигархи окажутся прогрессивнее.

И однако небольшой приработок Эйхгорн в конце концов подыскал, причем совершенно неожиданно. Прогуливаясь по Старому Кишлаку, он обратил внимание на торговца сластями. У того была разная выпечка, фрукты, а на столике рядом – булькающий котелок с растопленным шоколадом. Нечто вроде фондю. За один медль можно было выбрать любой фрукт или плюшку и съесть, обмакивая в шоколад.

Эйхгорн некоторое время смотрел на это снулым взглядом. Дела у торговца шли превосходно – дети, юные девушки, а порой и почтенные старцы буквально засыпали его монетами. Котелок ничем не подогревался, однако шоколад и не думал остывать. Очевидно, в нем или под ним лежал жаркамень.

Домой Эйхгорн вернулся с набором металлических трубок, коробкой самого дешевого шоколада и маленьким жаркамнем. Трое следующих суток он под внимательным взглядом Фисташки конструировал примитивную модель шоколадного фонтана.

Труднее всего оказалось заставить вращаться внутренний винт. За отсутствием электроприборов Эйхгорн положил в основу принцип фонтана Герона, но создать функционирующую конструкцию удалось далеко не сразу.

Но когда тот наконец заработал… Фисташка с полминуты таращилась, как шоколад стекает с каскадов, потом обмакнула в него палец, облизнула и воскликнула:

– Так ты волшебник!

– Нет, я ученый, – сухо ответил Эйхгорн.

Прикидываться волшебником ему больше не хотелось.

Готовый шоколадный фонтан удалось сбагрить все тому же торговцу сластями за два тумана и восемь денгаров. При виде диковинной игрушки у того аж глаза загорелись, и более предприимчивый человек наверняка смог бы вытрясти из него больше, но у Эйхгорна никогда не было деловой жилки.

Впрочем, и так очень неплохо. Материалы, жаркамень и

шоколад обошлись всего в один туман, два денгара и пять граменов, причем половину шоколада слопала Фисташка. Инструменты Эйхгорн одолжил у старушки-арендаторши.

К тому же в Ибудуне хватало и других торговцев сластями. Слухи о новинке разошлись очень быстро, и уже на следующий день Эйхгорн получил еще два заказа.

Наверняка волшебники могут сварганить такой же фонтан, и даже эффектнее, только обойдется это на порядок дороже. А Эйхгорн, наладив производственный процесс, без труда смастерил еще несколько штук.

Правда, оставаться в Ибудуне надолго он не собирался, да и клиентская база была все-таки очень ограниченная, так что после пятого фонтана Эйхгорн продал саму технологию. Жестянщик, у которого он покупал металлические трубки и обрезки, заплатил пять туманов за действующий образец и описание его устройства.

Теперь Эйхгорн мог не думать о деньгах еще пару месяцев. Он даже сводил Фисташку в чайхану, чтобы отметить успешный бизнес-проект.

Правда, сразу же об этом пожалел. Фисташка уписывала за обе щеки, словно не ела три дня. Причем будто нарочно выбирала блюда подороже.

Каким-то образом она одновременно ухитрялась еще и болтать. Комментировала все попавшееся на глаза – интерьер, прислугу, кушанья, музыкантов… Эйхгорн ее не слушал – у него было занятие поинтереснее. Он пересчитывал рисинки в своем плове.

Непростая задача, но он не привык отступать.

Чайхана в этот раз была попроще, чем та, куда их водил дядя Ук-Хар. Да к тому же с живой музыкой, и очень неплохой. Совершенно лысый толстяк легонечко постукивал по шести крохотным барабанчикам, а в такт ему урчали две грациозно изгибающиеся фелинки. Звуки получались очень тихие и мелодичные, похожие на журчание ручья.

Потом музыканты покинули сцену, а вместо них туда вскарабкался пожилой коротышка в огромном жабо. Сначала Эйхгорн решил, что это стендапер – вид у него был нелепый, да и городить он сразу начал какую-то дичь. Но посетители слушали его с абсолютно серьезным видом.

Оказалось, что это астрологический прогноз. Коротышка перечислял знаки местного Зодиака и рассказывал, что их ожидает в ближайшие дни и как нужно действовать, чтобы судьба была благосклоннее.

Эйхгорн знал, что его зодиакальный знак – Весы. Но его это волновало меньше, чем хлебные крошки под столом. Зато

Фисташка слушала астролога с раскрытым ртом, особенно напрягшись, когда тот дошел до знака Осьминога.

Но когда этот доморощенный Глоба сказал, что Осьминоги в ближайшие дни начнут выстраивать новые любовные отношения и получат возможность совершить удачную сделку, ее взгляд потух. Фисташка махнула рукой и сказала:

– Плохой астролог. Никудышный.

– Почему ты так решила? – полюбопытствовал Эйхгорн.

Сам-то он считал, что любой астролог плох просто потому, что он астролог. Но Фисташка явно имела в виду какие-то другие критерии.

– Ну он же всех меряет по одной мерке, – снисходительно произнесла она. – Вот сам подумай. В году всего четырнадцать лун. Он сейчас сделал четырнадцать предсказаний. Это что же – в ближайшие дни у людей будет всего четырнадцать судеб? У всех Осьминогов новые отношения и удачные сделки?.. Что за глупость!..

Эйхгорн взглянул на Фисташку с некоторым интересом. Она раскрылась ему с неожиданной стороны.

– Вот в прошлом году в наш Дом Воспитания приезжал один астролог… – продолжила рабыня. – Не такой, как этот, а настоящий, хороший. Мэтр Местермегази.

– Ках-Ур Местермегази?.. – переспросил Эйхгорн.

– Да. А ты его знаешь?

– Не знаком. Но мне советовали с ним поговорить.

– Поговори, поговори обязательно! Мэтр Местермегази нам всем тогда сделал предсказания! А я не верила, что он умеет предсказывать, но он рассказал про меня всю правду! Он настоящий!

– И что же он такого рассказал?

– Что я красивая, умная, добрая, честная… всю правду рассказал!

Взгляд Эйхгорна снова стал снулым. А Фисташка вздохнула и добавила:

– Но вообще-то любая астрология – это плохо.

– Согласен… – медленно кивнул Эйхгорн, – …но ты почему так думаешь?

– Будущее известно только богам. Человеку его знать негоже.

Оказалось, что Фисташка в довершение всего еще и убежденная херемианка. Для Эйхгорна это стало сюрпризом – за минувшие дни он ни разу не видел ее за молитвой или… чем там еще занимаются религиозные люди?

Так или иначе, Фисташку понесло. С чрезвычайно самоуверенным видом она принялась излагать свою точку зрения

на жизнь, вселенную и все такое. И эта точка зрения более чем на девяносто процентов состояла из религиозных заблуждений.

Эйхгорн некоторое время слушал, надеясь выловить крупицу чего-то полезного. Оной так и не обнаружилось, поэтому в конце концов он поднял руку и коротко произнес:

– Достаточно.

– А что я такого сказала?! – возмутилась Фисташка. – Я просто говорю, что всякая судьба – от богов, так что если с тобой что случилось – так это боги повелели. А если чему суждено случиться, то оно случится, и даже если ты вдруг узнаешь – оно все равно случится, потому что боги…

– Достаточно, – повторил Эйхгорн.

– Да что ты меня затыкаешь-то?! – взвилась Фисташка. – Ты мне не хозя… ах да, хозяин. Но все равно. Я просто говорю, что если уж боги такую судьбу положили, то знаешь ты или не знаешь…

– Я понял твою точку зрения, – перебил Эйхгорн. – Ты уже по третьему кругу ее объясняешь.

– Ну и что? Тебе что, жалко? Я просто хочу рассказать, почему боги… вот ты сам-то херемианец?

– Нет, – коротко ответил Эйхгорн.

– А, ортодокс…

– Нет. Я вообще не севигист.

– Как это?.. А кто тогда?..

Эйхгорн хотел уже привычно ответить, что он ктототамец, но передумал. В конце концов, она всего лишь рабыня – перед ней-то к чему камуфлироваться?

– Я не верю в богов, – честно ответил он.

– Как так?! – поразилась Фисташка.

– А вот так. Бывает и такое, представь себе.

– Но как же так? – все еще не понимала Фисташка. – Ты вообще-то Ктаву читал? Ты же вроде образованный. Там все написано – и про Сальван, и про Катисто, и про…

– Послушай, религия – это как пенис, – прервал ее Эйхгорн. – Хорошо, что она у тебя есть. Хорошо, если ты в ней разбираешься. Но пожалуйста, не надо совать ее мне в лицо.

– Э-э… если религия – это пенис, то получается, что ты… евнух?.. – задумалась Фисташка.

– Хм. Действительно, в этом отношении сравнение не очень удачное. Но ты поняла, что я имею в виду.

– Что ты евнух. Я поняла. Я давно это поняла.

Вот сейчас Эйхгорну стало обидно. Он встал из-за стола, взял Фисташку за руку и коротко бросил:

– Пошли.

– Куда? – не поняла та.

– Будем доказывать, что я не евнух. Экспериментальным путем.

Глава 37

На следующий день Эйхгорн проснулся чуть позже обычного. Он спал бы и еще дольше, но разметавшаяся во сне Фисташка спихнула его с циновки.

Хорошо, что кровати в Нбойлехе не в моде.

Произошедшее этой ночью Эйхгорн решил не обдумывать. Было и было. Обычный физиологический акт, со всяким случается время от времени.

Гораздо сильнее Эйхгорна интересовала предстоящая встреча. Он все-таки собрался посетить Ках-Ура Местермегази, пресловутого астронома-астролога. Даже если тот в первую очередь астролог, какие-то астрономические познания у него все же быть обязаны. А Эйхгорн очень хотел прояснить для себя некоторые моменты.

Карту звездного неба, например. У него до сих пор не было возможности на нее взглянуть. А она может рассказать немало интересного о том, куда Эйхгорна занесло.

Прославленный астроном жил за городом, на небольшом мысу, в башне, похожей на маяк. Однако в отличие от настоящих маяков, эта башня даже не думала светиться. Зато в ее куполе имелась очень характерная прорезь, сразу настроившая Эйхгорна на положительный лад.

Перед ним несомненно обсерватория.

А еще море. Впервые со дня прибытия на Парифат Эйхгорн стоял на берегу океана. И чувствовал он себя… наверное, вот так себя чувствовал Васко Нуньес де Бальбоа, первым из европейцев увидевший Тихий океан.

Хотя нет, все-таки не так. Бальбоа, если верить слухам, при виде бескрайней водной глади упал на колени. Эйхгорн же просто стоял и смотрел взглядом снулой рыбы.

Да и внешне это море ничем не отличалось от земных. Эйхгорн уже знал, что называется оно Бархатным, поскольку шторма в нем крайне редки, зато штиль может длиться неделями. Суда в такие периоды безвылазно стоят в гавани, а их капитаны сидят в тавернах, костеря Марекса – местного бога океанов.

Подходя ближе к обсерватории, Эйхгорн уважительно кивал, описывая увиденное в диктофон. Кто бы ни возводил эту постройку, он знал свое дело. Цилиндрическое здание высотой не менее пятидесяти метров возвышалось над окружающим, словно гора. Поблескивающий на солнце купол явно мог вращаться. И оставалось только гадать, что за инструменты скрываются под каменной оболочкой.

Ажиотажа вокруг не наблюдалось. Солнце сегодня палило вовсю, и народ попрятался под крыши. На мысу сидели двое подростков с удочками, да по дороге тащилась запряженная волами арба. Больше никого.

И астроном тоже ответил далеко не сразу. Битых полчаса Эйхгорн дергал цепочку, прежде чем дверь растворилась… и в первый момент показалось, что за ней никого нет. Но потом Эйхгорн опустил взгляд и увидел хозяина обсерватории – карлика восьмидесяти сантиметров ростом. Был он густо покрыт морщинами, седобород и облачен в традиционный наряд звездочета – черную мантию и колпак со звездами.

На Эйхгорна карлик таращился безо всякого интереса. Широко зевнул, почесал под мышкой и поинтересовался необычно густым голосом:

– Чем обязан визиту, сударь?

– Эйхгорн, – представился Эйхгорн. – Я ученый из далекой страны, здесь проездом. Мне рекомендовали вас как незаурядного астронома, и я был обязан засвидетельствовать…

– Астронома?.. – перебил карлик. – Не астролога?..

– Астролога тоже, – неохотно признался Эйхгорн. – Но астрология меня мало интересует. Я считаю, что небесная механика сама по себе гораздо интереснее, чем…

– Проходи, – снова перебил карлик. – Если тебя интересуют светила, а не гороскопы, я уделю тебя время.

Такая реакция Эйхгорна порадовала. Похоже, Ках-Ур Местермегази считает себя в первую очередь астрономом. Видимо, астрология для него – вынужденное занятие. Глупая дочка, кормящая высокомудрую мать.

– Вы, люди, редко смотрите на звезды, – проворчал Ках-Ур, карабкаясь по винтовой лестнице. – Вас интересует лишь то, как они связаны с вашей судьбой… можно подумать, небесным светилам есть дело до кого-то из нас…

– Вы, люди?.. – недопонял Эйхгорн. – А ты сам-то кто, гном?

– Нет, я эльф, – саркастично ответил астроном. – Просто очень маленький и бородатый.

– А разве эльфы и не должны быть маленькими? Маленькими, с крылышками…

– Это ты где таких эльфов видел? – удивился Ках-Ур.

– У Андерсена.

– Не знаю, не слышал. Может, ты с феями перепутал?

– Может. Так ты эльф, получается?..

– Нет, я гном! – рассвирепел астроном. – У тебя с этим проблемы?! Тебе не нравятся гномы?!

Эйхгорн замолк, осмысливая новую информацию. Гном. Ну

ничего удивительного, в общем-то. Тролли тут есть, гоблины есть, великаны есть – отчего бы и гномам не водиться? Просто в отличие от вышеупомянутых, мэтр Ках-Ур может сойти за человека – аномально низкого роста, но такое встречается и на Земле.

И имя у него нбойлехское. Эйхгорн пока не очень разбирался в местной антропонимике, но не мог не заметить, что парибульские и нбойлехские имена разительно отличаются. А имена иных разумных видов вроде троллей и фелинов совсем не похожи на человеческие. И это логично, поскольку все они либо эмигранты, либо потомки эмигрантов.

Но раз Ках-Ур Местермегази носит нбойлехское имя, он должен быть местным. Возможно, где-то здесь есть гномская диаспора. Или его предки приехали в страну очень давно и полностью вросли в социум. Или он усыновленный, воспитывался среди людей. Много можно придумать объяснений.

Подниматься пришлось долго. Очень долго. Эйхгорн вспомнил свою башню даже ностальгически – тут ступеней оказалось еще больше. Поскольку обсерваторию явно строили обычным путем, никаких волшебных лифтов не было. Хозяин ковылял медленно, не переставая недовольно ворчать – его коротеньким ножкам приходилось труднее, чем человеческим.

– А почему гном вдруг стал астрономом? – поинтересовался Эйхгорн. – Я слышал, что гномы… м-м… живут под землей? Или меня неверно информировали?

– Верно тебя информировали, – буркнул Ках-Ур. – Живем. Но не все же. И я открою тебе секрет… все лучшие звездочеты – гномы.

– Почему?

– Потому что у нас, гномов, уникальное зрение. Мы отлично видим даже в абсолютнейшей темноте. А благодаря этому мы видим на небе не только звезды, но и те объекты, что не освещены их светом. Вы, люди, даже не представляете, сколько там наверху интересного помимо звезд…

– Я представляю, сколько там интересного, – кивнул Эйхгорн. – Но как это возможно – видеть в полной темноте? Зрение – это способность воспринимать видимое изучение спектра. Многие существа видят при очень плохом освещении, но полностью без света зрение невозможно в принципе.

– А вот возможно, – хмыкнул Ках-Ур. – Гномам твой свет даром не нужен. Мы, чтоб тебе известно было, даже сквозь стены видим. Или не веришь?

– Верю, – не стал спорить Эйхгорн. – Только по-прежнему не понимаю, как это возможно.

– Не знаю, – пожал плечами гном. – Я звездочет, а не естествовед.

Лестница наконец закончилась. Старик-астроном провел Эйхгорна в купол башни и выжидающе на него уставился. Эйхгорн с любопытством огляделся по сторонам.

Ну что ж, здесь оказалось лучше, чем он мог надеяться. Конечно, никаких астрографов, спектрографов или радиотелескопов, но вообще оборудования достаточно.

Большую часть помещения занимал огромный телескоп-рефрактор. Он был крепко привинчен в самом центре, смотрел на прорезь в крыше, а судя по огромным шестерням – вращался вместе со всем куполом.

Кроме того повсюду стояли средневековые инструменты – квадранты, секстанты. Вдоль двух стен высились полки с книгами. На третьей во всю ширь развернулась звездная карта – ее Эйхгорн разглядывал с особенным интересом.

Да, это точно не рукав Ориона. Ничего даже отдаленно похожего. Эйхгорн надеялся, что узнает какие-то созвездия и сможет хотя бы примерно определить, на какую планету его занесло, но рисунок звездного неба выглядел абсолютно незнакомо. Если это и Млечный Путь, то какой-то совершенно другой участок.

К тому же карта отличалась средневековой… живописностью. Каждое созвездие рука художника превратила в красочный детальный рисунок, так что угадать под ними оригинальную фигуру порой было непросто.

По кругу шли четырнадцать зодиакальных созвездий. Четырнадцать зверей, птиц, моллюсков и членистоногих. В центральной же части бушевала не то битва, не то оргия десятков людей, животных, монстров и неодушевленных предметов. Эйхгорну даже показалось, что он видит в верхней правой части карты коровью кучу, но это почти наверняка было что-то другое.

– Так чем я могу тебе помочь, странник? – поинтересовался Ках-Ур. – Выпьешь что-нибудь, может? Чай, кофе?

– Чаю, – попросил Эйхгорн.

– Чая у меня нет, извини.

– Тогда кофе.

– Кофе у меня тоже нет. Я не ждал гостей.

Эйхгорн сделал вид, что не понимает намека. Он без приглашения уселся на кургузый топчан и спросил:

– Ты здесь один живешь?

– А что? – подозрительно прищурился гном. – Допустим, один, и что? У меня тут охранные чары. И мне не нужна компания. У меня есть мои звезды.

– Звезды – это прекрасная компания, – согласился Эйхгорн.

– Именно, – все еще настороженно кивнул Ках-Ур. – Только если тебе все-таки нужен гороскоп – я ими больше не занимаюсь. Я вышел в отставку три луны назад.

– Мне не нужен гороскоп, – повторил Эйхгорн. – Я хочу узнать о звездах. Не о том, что они предсказывают, а о них самих.

– Это правильно, это очень правильно, – затряс длиннющей бородой гном. – Вот, посмотри сюда, если хочешь… я как раз наблюдаю одну интересную звезду…

– Сейчас же день, – возразил Эйхгорн.

– Эту звезду и днем видно. Сам посмотри – телескоп наведен прямо на нее.

Эйхгорн прильнул к окулярам, придерживая сломанные очки. И действительно увидел звезду – у самого горизонта, с ясно выраженным хвостом. Короткий, слегка искривленный, он указывал в противоположную от солнца сторону.

– Комета, – коротко прокомментировал Эйхгорн.

– Именно, – довольно кивнул Ках-Ур. – Хвостатая звезда. Конечно, это не астрономическое явление, но все равно очень интересное.

– Почему не астрономическое? – не понял Эйхгорн.

– Потому что комета – это сгусток плотного газа, поднявшийся к границам атмосферы и воспламенившийся от небесного огня, – наставительно объяснил Ках-Ур. – Когда она догорит, то просто исчезнет. А астрономия не занимается столь эфемерными объектами.

Взгляд Эйхгорна стал снулым. Несмотря на отдельные успехи, состояние местной науки просто чудовищное.

– Нет, конечно, если верить мэтру Стаурпелдакору, комета – это такая ледяная глыба, которая прилетает откуда-то из-за края неба, слегка подтаивает в жаре солнца, образуя тем паровой хвост, а потом улетает обратно, – пренебрежительно произнес Ках-Ур. – Но кто же поверит в такую чушь?

Взгляд Эйхгорна прояснился, в нем снова сверкнул интерес. Выходит, в местной науке все не так однозначно? Есть разные школы и течения? Кто такой этот мэтр Стаурпелдакор?

Дальше беседа пошла живее. Эйхгорн поделился со звездочетом своими достижениями – рассказал, что измерил объем и массу планеты. Внутренне он ожидал, что его снова высмеют, поведав, что мир овальный и стоит на восьми бегемотах.

Однако на сей раз ничего подобного не произошло. Ках-Ур выслушал рассказ Эйхгорна с любопытством, но огорчил, сообщив, что ничего нового тот не совершил. Все эти измерения и

вычисления уже давно проделаны местными учеными – причем с большей точностью.

– Так ты, значит, путешественник, – покивал Ках-Ур. – В юности я тоже много путешествовал. Где только не побывал! У меня тогда был летающий ковер…

– А что с ним стало? – заинтересовался Эйхгорн.

– Обветшал. Времени-то немало прошло.

Эйхгорн взял это на заметку. Выходит, срок годности ковров-самолетов не так уж велик. Неудивительно, если учесть, как их используют.

Хотя, конечно, неизвестно, сколько оный ковер прослужил до того, как попал к Ках-Уру. Да и «в юности» в данном случае – очень расплывчатое понятие. Неизвестно, сколько именно этому гному лет… и сколько вообще живут гномы. На вид этому старику лет восемьдесят, но он не человек, так что внешность может обманывать.

Слово за слово, Эйхгорн рассказал Ках-Уру обо всем своем путешествии. Рассказ получился не очень-то длинный. О том, что было до червоточины, он умолчал, сообщив лишь, что жил в одной очень далекой стране.

Так что большая часть истории выпала на пересечение пустыни. Ках-Ур с большим вниманием выслушал про грозу, аварию, вынужденное приземление, странствие по барханам, оазис и живущего в нем отшельника…

Когда Эйхгорн изложил поведанное тем отшельником учение о треугольной земле, астроном желчно рассмеялся.

– Знакомая побасенка, – сказал он. – Можно с уверенностью сказать, что этот твой Ак-Джо – началист-обыкновенец. Они единственные, кто считает мир треугольным.

– А остальные каким его считают?

– Таким, каков он есть, разумеется. Шарообразным.

Эйхгорн хмыкнул. Ну хоть что-то.

– А вот дальше, конечно, начинаются расхождения, – задумчиво молвил Ках-Ур. – Великий Ксимос, например, утверждал, что вселенная бесконечна, и миров в ней – неисчислимое множество…

– И я с ним полностью согласен, – кивнул Эйхгорн.

– …Но он же считал Парифат цилиндром, хотя незадолго до смерти вроде бы изменил свое мнение, – закончил Ках-Ур. – Великий Ксимос полагал, что изначально было только Вечное Первоначало, из которого выделился небесный огонь, а в центре него образовался сгусток мокрого и холодного – Парифат. Другие такие сгустки – это планеты, солнце и звезды.

– Солнце и звезды?.. – приподнял бровь Эйхгорн.

– Великий Ксимос не до конца продумал свою картину мира, – согласился Ках-Ур. – Впрочем, Марикес, его ученик, вообще считал Парифат плоским, а все его окружающее – воздухом. Просто есть холодный воздух, а есть горячий и очень горячий – и из очень горячего состоит солнце. Вода – это очень густой воздух, молния – очень быстрый…

– А земля?.. – саркастично осведомился Эйхгорн.

– А земля – это земля.

– Это ведь были ученые? – уточнил Эйхгорн. – Не просто какие-то… эзотерики?

– О, это были великие ученые! Просто их гипотезы… не прошли проверку временем.

– Но я надеюсь, потом появились другие гипотезы?

– О да, куда же без них, – усмехнулся Ках-Ур. – Насколько мне известно, на данный момент их около десятка – и это только научные.

– А какая наиболее… авторитетная?

– Если говорить о происхождении вселенной, то большинство ученых сейчас сходится на теории Некоего Толчка.

– И в чем она заключается, вкратце?

– Вкратце – до начала вселенной было… нечто. Возможно, то самое описанное Ксимосом Вечное Первоначало. Или то, что церковники именуют Хаосом. Холодный, безликий и равномерный. Потом произошло… некое событие, которое мы условно называем Неким Толчком. Оно образовало вихрь, круговорот, который поначалу был совсем мал, но постепенно разросся, породив из первичной смеси отдельные вещества. Самые плотные образовали комки, которые стали звездами и планетами, в том числе и Парифатом. Постепенно движение уходило от центра вихря к его краям, и туда же перемещалась жизнь. Таким образом, вселенная постоянно расширяется, как надуваемый пузырь, и все в ней постоянно вращается.

Эйхгорн задумчиво кивнул. Вот это уже вполне можно назвать научной теорией. Разумеется, реликтовое излучение здесь еще не обнаружили, так что отдельные ошибки простительны.

– Что же до вселенной в настоящее время, то она устроена следующим образом, – продолжил Ках-Ур. – В центре всего находится солнце, а вокруг нее вращается Парифат и еще десять планет. Возможно, одиннадцать.

– Так десять или одиннадцать?

– На данный момент известно десять. Ассабон, Элия, Бартаэлон, Гродa, Могор, Рабена – это шесть древнейших, только их можно увидеть невооруженным глазом… правда, для Рабены зрение должно быть невероятно острым. Дальше идут

Панкатылык, Прехиболик и Псероклиник – их открыли уже после изобретения телескопа. Ты случайно не говоришь на подгорном?

– Не говорю.

– Еще бы ты говорил, – фыркнул Ках-Ур. – Так вот, на подгорном эти три названия означают попросту «Одиннадцатая», «Двенадцатая» и «Тринадцатая»…

– Не понял, – перебил Эйхгорн. – Почему одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая, если они седьмая, восьмая и девятая?

– На самом деле восьмая, девятая и десятая, – поправил Ках-Ур. – Ты забыл сам Парифат. Он четвертый по счету, кстати. Но в древности его планетой не считали, но зато причисляли к планетам солнце и луны. Вот и получилось то, что получилось.

– Ясно. Так что там с десятой и одиннадцатой?

– Десятая, если не считать Парифат – Альстордеранг. Самая большая планета из всех, но она же и дальше всех, поэтому даже в телескопы видна очень плохо. Ее открыли всего сто семьдесят лет назад. Однако в отличие от всех прочих планет, Альстордеранг движется как-то неправильно, время от времени отклоняясь…

– Скорее всего, на нее воздействует притяжение другой планеты, еще более далекой, – сразу же предположил Эйхгорн.

– А, ты про это уже слышал… – проворчал Ках-Ур. – Что же тогда прикидываешься невеждой, раз тебе уже все известно? Да, многие верят в существование двенадцатой планеты – Болентекайро. «Потенциальной». Я много лет пытался ее обнаружить, но так и не преуспел…

– Она должна быть, – заверил Эйхгорн. – Если в орбите есть неточности – это почти всегда объясняется внешним гравитационным воздействием.

– Грави… каким?..

– Гравитация – это сила притяжения между всеми материальными телами, – объяснил Эйхгорн.

– Никогда не слышал такого слова.

Ках-Ур Местермегази больше не намекал Эйхгорну, что тот здесь нежданный гость. Он даже проявил некоторое гостеприимство, приготовив горячий напиток. Не чай, правда, и не кофе, а какую-то странную серую бурду под название «фнухх». Сказал, что это любимый напиток гномов.

Эйхгорну эта бурда не понравилась. Она отчетливо пахла грибами, да и вкус был, как у толченых поганок. Закуски, что выставил на стол хлебосольный гном, тоже оказались на любителя – огромные красочные леденцы. Выглядели они совсем как драгоценные камни и были такими же твердыми.

– Я не спрашиваю, откуда ты родом, чужестранец, – задумчиво молвил Ках-Ур. – Я даже твоего имени все еще не

знаю…

– Знаешь, – сухо возразил Эйхгорн. – Я представился, как только ты открыл дверь. Меня зовут Эйхгорн.

– О, в самом деле?.. Прошу прощения. Старость сказывается, память начинает слабеть… А откуда ты родом, ты сказал?

– Не говорил.

– Хорошо, значит, я все-таки не настолько еще ополоумел. Так вот, я не спрашиваю, откуда ты родом… но я догадываюсь. Издалека, верно ведь?.. Очень, очень, очень издалека… Из такого далека, что туда не дойти, не доехать, не доплыть, не долететь…

– Полагаю, можно так сказать, – осторожно кивнул Эйхгорн.

Что этот гном имеет в виду? Он в самом деле знает о червоточинах или подразумевает нечто иное? Если нечто иное, то что именно?

– Я поведал тебе современную версию происхождения вселенной, – отхлебнул фиохха Ках-Ур. – Но это не единственная версия – всего лишь самая авторитетная. Многие ученые придерживаются иного мнения на этот счет. Свои версии есть и у волшебников – притом тоже разные. С версией жрецов ты должен быть знаком – именно ее преподают в храмовых школах. Эльфы и титаны тоже рассказывают о устройстве вселенной по-своему. Но окончательная истина, думаю, известна только богам.

– Если они существуют.

– Тоже нелишнее дополнение, – хмыкнул Ках-Ур. – Но поскольку до богов – если они существуют! – тебе всяко не добраться, советую поискать знаний где поближе. В библиотеке, например. Ты знаешь, что такое «библиотека», чужеземец?

Эйхгорн не счел нужным отвечать на этот явно издевательский вопрос. Но сама идея его заинтересовала. Библиотека Парибула была откровенно скромной, но Парибул и сам был скромным. На Парифате должны быть более богатые книгохранилища.

Даже странно, что Эйхгорну самому не пришло это в голову.

– Я новичок в этом городе… – произнес Эйхгорн. – Здесь есть библиотеки?

– В Ибудуне-то?.. О да, здесь есть очень неплохие. И мудрецов здесь живет немало… хотя будет ли нескромным сказать, что с первейшим из них ты разговариваешь уже сейчас?

– Понятия не имею, – честно ответил Эйхгорн.

– Но ты же пришел именно ко мне! – рассердился Ках-Ур.

– Только потому, что больше я ни о ком не слышал.

– Вот видишь. Больше ты ни о ком не слышал, – улыбнулся в бороду гном. – А обо мне слышал. Это означает что?.. Это означает, что я самый известный. По крайней мере, в этом городе.

А насчет библиотек… здесь они отвратительные, если честно.

– Но ты же только что сказал…

– Я им польстил. На самом деле они тут ужасные. Если не считать библиотеки халифа, конечно, но в нее кого попало не пускают. Если хочешь действительно припасть к источнику знаний, отправляйся в одну из крупнейших мировых библиотек.

– Диктуй адрес, – включил диктофон Эйхгорн. – Записываю.

– Дай-ка подумать… Если тебя интересует волшебство – тебе в Мистерию, в библиотеку Клеверного Ансамбля. Если интересуешься богословием – в Астучию, в священную библиотеку Пандениса. Самые полные исторические летописи хранятся в монастыре Ши, у монахов-летописцев. Они ведут свои хроники уже десять тысяч лет. Лично мне особо симпатичен Обсерваторный остров – мировая столица астрономии и астрологии. Императорская библиотека Грандтауна также весьма незаурядна. Немало древней мудрости накопили и эльфы Тирнаглиаля. Но если примешь мой совет – рекомендую отправиться в Озирию, страну ученых и философов. Говорят, в великом Библиограде есть все книги, какие только существуют.

– Все до единой?.. – недоверчиво переспросил Эйхгорн. – Даже волшебные?

– Кроме волшебных, понятно, – поправился астроном. – Их же нельзя копировать.

– Но кроме них – все-все?.. Это правда?

– Скорее всего, нет. Слишком уж маловероятно. Но слухи на пустом месте не рождаются – библиотека Озирии и в самом деле крупнейшая в мире. Если не найдешь какую-то информацию там – скорее всего, не найдешь нигде.

Эйхгорн вспомнил о так и не купленной Озирской энциклопедии. Да, эта страна действительно заслуживает посещения. Он и без того держал ее в планах, но теперь она выдвинулась на первое место.

Еще несколько часов Эйхгорн беседовал о всяком со звездочетом. Тот понемногу становился разговорчивее – возможно, из-за фнухха, который поглощал в огромных количествах. Грибами от гнома пахло все сильнее.

Сам Эйхгорн на угощение не налегал. На ужин у Ках-Ура оказались все те же неразгрызаемые леденцы, а также вязкая и очень густая тюря. Эйхгорн съел несколько ложек и отодвинул тарелку. Желудком он с детства обладал луженым, и вкус еды редко его заботил, но эта похлебка мало отличалась от жидкой грязи.

По мере того, как смеркалось и на небе появлялись звезды, Ках-Ур все меньше внимания уделял гостю и все больше –

телескопу. Правда время от времени он спохватывался и приглашал Эйхгорна тоже посмотреть. Тому приходилось скрючиваться в три погибели – стул и окуляр были настроены на гномский рост.

– Видишь вон ту яркую звезду? – спрашивал Ках-Ур. – Это Яадох, вторая луна. Она так мала и так далека, что многие обыватели даже не подозревают о ее существовании.

– Так у этой планеты два спутника?..

– Три. Есть еще и Пагеттиана, но ее сейчас не видно, она взойдет только через два часа.

Эйхгорн присмотрелся к Яадоху. В телескоп тот был отлично различим, имел светло-коричневый цвет и щеголял множеством кратеров. На основной луне (которая на парифатском языке, конечно, называлась как-то иначе, но подсознание Эйхгорна слышало родное слово «Луна») кратеры отсутствовали. Матовая серебристо-белая поверхность. И судя по дымчатому контуру – с атмосферой.

Уже только это ярко свидетельствовало, что вокруг никакая не Земля. Но Эйхгорн провалился в червоточину аккурат к новолунию, а когда луна наконец объявилась во всем блеске, он и без нее понимал, что это совершенно другая планета.

Вечер выдался ненастный. С моря плыли тучи, все сильнее становился ветер. Начиналась гроза. Очень похожая на ту, что две недели назад погубила самолет Эйхгорна.

Ках-Ура это ужасно обрадовало – он достал пачку пожелтевших бумаг и принялся скрупулезно зарисовывать молнии. Под каждой делал пометки, указывая, с какой стороны та пришла и куда ударила.

– С северо-запада бьют – это хорошо, – потер морщинистые ладошки гном. – Северо-западные – самые неблагоприятные. Много бед сулят.

– Каких бед? – не понял Эйхгорн.

– Разных. Зависит от места попадания. Вот если в землю ударит – это к неурожаю. А если, скажем, в крепостную стену – это враг нападет.

Взгляд Эйхгорна стал снулым. Он всегда становился таковым, когда кто-то демонстрировал глупость или просто порол чушь.

– Наверное, ты сейчас считаешь меня дураком, – хитро посмотрел на него Ках-Ур. – Думаешь, я не знаю, что молнии – это просто воздушные электроразряды, которые бьют случайным образом и ровным счетом ничего не предсказывают? Ну кроме того, что если молния ударит тебе в башку – то это почти наверняка к смерти.

– Тогда зачем? – осведомился Эйхгорн.

– Затем, что мне за это платят! – фыркнул Ках-Ур. – Мне нужно на что-то жить! Нужно что-то есть! Думаешь, вот эта обсерватория свалилась мне с неба? Никого не интересуют орбиты планет и форма молний, зато всех очень интересует, что они пророчат!

Эйхгорн кивнул. В точности так он и предполагал.

– Я уже три луны, как перестал принимать частные заказы, – проворчал Ках-Ур. – Но великий халиф по-прежнему требует толкования небесных явлений – а ему так просто не откажешь. Жду уже не дождусь, когда сбудется мое последнее предсказание.

– Твое последнее предсказание… твоя смерть, верно? – вспомнил Эйхгорн. – Ты предсказал, что умрешь в день Бирюзового Крокодила?

– Ага, – легкомысленно ответил Ках-Ур. – Этого года. Уже совсем скоро. Хороший такой гороскоп получился, подробный…

– Не понимаю.

Ках-Ур повертел головой, словно опасаясь, что его могут подслушать. Потом он поманил Эйхгорна пальцем и вполголоса спросил:

– Хочешь секрет, чужестранец? Я на самом деле вообще ничего не смыслю в астрологии. Полный профан. Некоторые вроде бы действительно в этом разбираются и кое-какие их предсказания я даже не могу объяснить… но не я. Я всю жизнь делал просто общие предсказания, которые можно истолковать как угодно. Пророчил беду или радость… всегда же бывают какие-то беды или радости?..

– Зачем? – снова спросил Эйхгорн.

– Да все затем же. Чтобы было, чем пропитаться. Чтобы получить хлебную должность при халифе. Чтобы купить себе вот этот телескоп… ты знаешь, сколько он стоит? И для всего этого мне нужно было звание в Астрологической гильдии и известность. Так что еще юнцом я составил собственный гороскоп – преподробный!.. – и в точности назвал дату собственной смерти. Ткнул пальцем наугад, в общем-то… хотя запас времени оставил себе порядочный. Признаться, я даже не думал, что действительно проживу так долго.

– Но предсказание не сбудется, – задумчиво молвил Эйхгорн.

– Почему это? – обиделся Ках-Ур. – Сбудется, разумеется. В день Бирюзового Крокодила я запнусь ногой о скамейку, вывалюсь из окна башни и разобьюсь насмерть.

– Откуда ты так точно зна… о, – догадался Эйхгорн.

– Правильно, – ухмыльнулся Ках-Ур. – Наша судьба в наших руках. И мой гороскоп благополучно сойдется, уверяю тебя.

– Но… но зачем?! – поразился Эйхгорн.

– Чтобы не прослыть пустословом, – строго произнес Ках-Ур. – Ты представляешь, что скажут обо мне коллеги, если окажется, что я ошибся? Представляешь, какой грязью будет замарано мое имя?

– И что, смерть предпочтительнее?

– А разве есть ученый, что сделал бы иной выбор? – удивился Ках-Ур.

Эйхгорн не стал спорить.

Глава 38

Прошло еще пять дней. Эйхгорн наконец-то забрал у оптика новые очки и починил старые. Позеркалил королю Парибула, сообщив, что увольняется. Надо сказать, того это совершенно не обрадовало. Он долго и громко возмущался, а в конце пообещал, что теперь Эйхгорн не найдет работу ни в одном королевстве.

Особенно короля разгневало то, что он останется без самогона.

А еще Эйхгорн нашел покупателя на Фисташку. Причем тот заплатил даже больше себестоимости. Совсем чуть-чуть, всего на два денгара, но тем не менее, Эйхгорн неожиданно получил прибыль.

Сама Фисташка переходом в другие руки осталась более чем довольна. Покупатель оказался настоящим мужчиной ее мечты – знатный, богатый и щедрый. Эксцентричный сибарит, занимающий какую-то синекуру при дворе халифа и большую часть времени просто прожигающий жизнь. Жениться он не планировал, детей терпеть не мог, и кроме Фисташки у него было уже три… горничных.

Ту это, впрочем, не огорчило – что-что, а ревность в число ее недостатков не входила.

– Она похожа на кошку, – честно признался Эйхгорн, передавая товар. – Совершенно бесполезна, беспредельно эгоистична, но при этом чертовски очаровательна.

– О, я таких как раз люблю! – восхитился покупатель. – Пойдем, дорогуша!

Эйхгорн мысленно пожелал Фисташке всего наилучшего, а потом забыл о ее существовании. Ему не терпелось поскорее попасть в Озирию.

Нбойлех и Озирию разделяло огромное расстояние. Судя по карте – около двадцати тысяч километров. Дальше, чем от Санкт-Петербурга до Веллингтона. Разумеется, пешком или верхом преодолеть подобный путь нереально. Тем более, что Озирия – остров, отделенный от континента Сурения бескрайним океаном.

Любому местному судну на такое плавание тоже потребовались бы недели, если не месяцы. А воздушное путешествие обойдется слишком дорого. Эйхгорн уже спрашивал у ибудунских ковролетчиков – через океан они летали редко, неохотно и по очень высокой ставке. Всего один согласился довезти Эйхгорна до Озирии, но запросил больше, чем у того было.

Зато оказалось, что на Парифате существует другое средство

передвижения. Магическое, разумеется. Тоже недешевое, но вполне доступное по цене.

И не просто быстрое, а попросту мгновенное.

Телепортация. Парифатские волшебники овладели ею давным-давно, и по всему миру понастроили своеобразных вокзалов нуль-транспортировки – так называемых «порталов». С их помощью можно было перемещаться куда угодно.

Хотя все-таки не совсем куда угодно. Насколько Эйхгорн понял, постройка и обслуживание такого портала обходились в бешеные деньжищи, поэтому устанавливали их только возле самых крупных городов и в стратегически важных точках. Точнее, даже наоборот – порталы-то строили где попало (кажется, руководствуясь какими-то магнитными линиями), однако каждый сразу же становился стратегически важной точкой, и возле большинства со временем выросли крупные города.

К числу таких городов принадлежал и Ибудун. В нескольких километрах к югу от него находился портал. И едва закончив свои дела в городе, Эйхгорн отправился туда – своими глазами удостовериться, что в этом мире есть такая техноло… магия.

Дорога к порталу напоминала дорогу к аэропорту… при отсутствии автотранспорта. Туда и обратно – настоящие толпы. Эйхгорн угодил в самый час пик, когда народ буквально бурлил.

Бедные путешественники шли пешком, более зажиточные ехали верхом или в каретах. Над головами пролетали самые богатые – этих доставляли с ветерком ковролетчики. Группами двигались торговцы, оберегая свои повозки с товарами. Тут и там виднелись эмигранты, переезжающие в другую страну – этих сразу выдавало обилие скарба. Где-то в самой гуще заливался во все горло трубадур:

– О Мирахил, чудесный край!..

Идти пришлось без малого три часа. К тому времени, как Эйхгорн наконец добрался до портала, солнце уже почти село. Правда, и людской поток заметно поредел.

Сам портал Эйхгорн увидел задолго до того, как подошел к нему. Поразительное сооружение! Около сорока метров в ширину, почти шестьдесят – в высоту! Монументальная каменная арка… хотя каменная ли? Издалека определить трудно, но это больше похоже не на камень, а на… нет, на таком расстоянии не определить. Какой-то неизвестный материал.

Но кто бы ни выстроил эту штуку, работал он на века, если не тысячелетия. От портала так и веяло седой древностью. Явись сюда Стоунхендж или пирамида Хеопса, он нашел бы с ними общий язык.

Люди же рядом с реликтовой громадой смотрелись

ничтожными мурашами.

И в отличие от земных мегалитов, она была функциональна. В арке мерцала и переливалась светящаяся стена – с одной стороны люди входили, с другой выходили. В мгновение ока они переносились в другие точки планеты, пересекали тысячи, десятки тысяч километров.

Впервые Эйхгорн подумал, что Парифат не во всем отстает от Земли…

Гигантскую каменную арку окружал высокий забор. Как уже знал Эйхгорн, портал находился в Нбойлехе, однако Нбойлеху не принадлежал. Прилегающая к нему территория считалась частью Мистерии, страны волшебников. Нбойлех держал при входе таможню и собирал пошлину с каждого прибывающего и отбывающего, но за забором его законы заканчивались.

С Эйхгорна пошлины не потребовали. Он не провозил ничего, кроме ручной клади, так что с него причитался только портальный сбор – а тот был включен в стоимость перелета. Оказалось, что система тут такая же, как в метро – платишь за проход, получаешь доступ к порталу и можешь перемещаться, сколько влезет.

Портал, правда, всего один, так что своей станции порой приходится подождать. Каждые несколько минут дежурный волшебник переключает его на другое место. Звонит колокол, глашатай орет, чтобы все отошли от портала, волшебник взмахивает руками, арка светится, снова звонит колокол, а глашатай громогласно называет новую станцию.

Да и стоит это удовольствие гораздо дороже, чем в метро.

– Цена за всякую пару ног одна и та же – четыреста хлебов, – сказал Эйхгорну усталый кассир. – Это будет два орбиса, или три денгара, или двадцать толлей, или четыре хлебницы…

Эйхгорн протянул золотой регентер, получил четыре грамена и два медля сдачи, прошел в ворота и оказался в водовороте… существ. В Ибудуне тоже хватало видов, рас и наций, но здесь, на портальной станции, творился настоящий пандемониум.

Бесконечное разнообразие в одежде – от совершенно голых до ходячих коконов. Какие-то смуглые девушки благопристойно читали Ктаву, а рядом с ними трясли юбками некие не то клоунши, не то проститутки. У стены чинно беседовали два равнинных тролля и некто, похожий на слона с рукой вместо хобота. Шеренгой вышагивали длинношерстные создания, и каждый нес в ладонях по хладкамню. У портала суетилась целая орава гоблинов – они нетерпеливо верещали, ожидая открытия… куда им там было надо.

Будучи полным новичком здесь, Эйхгорн поначалу

замешкался. Он знал, что надо дождаться, когда портал откроется в Озирию… но как узнать, когда именно это произойдет? Наверняка где-то должно быть расписание… только где?

Расписание нашлось немножко в стороне от каменной арки. Там высился огромный деревянный щит, на котором чем-то светящимся был начертан перечень станций и время открытия. Под щитом сидела совершенно задерганная девушка в странной униформе, похожей на сутану. Девиз «клиент всегда прав» тут явно был не в чести, поскольку вопрошающих она встречала недовольно и разве что не рявкала на них.

– Скажи-ка, детка, а когда будет портал на Грандпайр-восток? – вальяжно осведомился какой-то господин.

– Ты читать умеешь? – грубо спросила девушка.

– Что за нахальство!.. – возмутился господин. – Конечно, умею!

– Ну так и читай! – указала пальцем вверх девушка. – Расписание открытий для кого повешено? Где там Грандпайр-восток?

– Двадцать пять минут третьего рассветного часа… – недоуменно прочел господин.

– Ну вот видишь. Сейчас второй закатный. Значит, откроем через четырнадцать часов.

– А побыстрее никак?! – стал нервничать господин. – Мне что же, ночевать у вас тут?

Девушка простонала, измученно закатывая глаза. Эйхгорн посмотрел на вливающуюся в портал толпу, и мысленно согласился с ней – вопрос идиотский. С тем же успехом можно попросить авиадиспетчера отправить самолет на часок раньше расписания. Или сказать машинисту, чтоб не стоял на этой дурацкой станции целых сорок минут, а трогал прямо сейчас.

А вот безымянный господин этого, кажется, не понимал. Более того – он начал кричать на портальную служительницу, заявляя, что потратил немалые деньги и так долго ждать не собирается. Та подперла щеку ладонью и взгляд у нее стал… Эйхгорн частенько видел такой взгляд в зеркале.

– Если тебе очень-очень срочно, можешь пройти сложным маршрутом, – терпеливо сказала сотрудница. – Вон, видишь будку? Там сидит рассчитыватель – скажи ему, куда тебе нужно, и он скажет, как быстрее всего туда попасть.

Эйхгорн задумчиво кивнул. Он уже нашел в расписании Озирию, и оказалось, что ему ждать даже дольше, чем нервному господину – аж до пятого рассветного. Шестнадцать часов. Так что он решил тоже воспользоваться советом.

Сервис рассчитывателя оказался очень простым. На Парифате

сотни порталов, и они постоянно связаны попарно. Пересменки длятся разное время – в невостребованные точки порталы открывают редко и всего на пару минут, а направления с высоким трафиком могут оставаться открытыми полчаса или даже дольше. А поскольку плата взимается единоразово, после чего можно скакать по порталам, пока не покинешь пределы станции, прошаренные путешественники сокращают время ожидания «пересадками».

Взяв медль за услугу, рассчитыватель принялся быстро-быстро черкать на бумажке, скороговоркой диктуя:

– Через шесть пересменок перейдешь на Аврию-Йордалию-Яраль. Там ждешь восемь пересменок, потом переходишь на Астучию. Там через две пересменки на Мухмярь-Пушту. Там еще через две пересменки на Верифекситун. Там через пять пересменок на Сервитурию. Там от портала далеко не отходи – следующей пересменкой будет Озирия.

– И сколько времени все это займет? – уточнил Эйхгорн.

– Два часа и немного минут. Это самый быстрый маршрут, если не хочешь пользоваться частником.

– Частником?.. – заинтересовался Эйхгорн.

– Ну да. Тут работает один волшебник – отправляет на любую станцию мгновенно, без ожидания, – махнул рукой рассчитыватель.

– Тогда почему все этим не пользуются? – не понял Эйхгорн.

– Потому что это стоит три тумана. Он же индивидуальный ритуал проводит.

Эйхгорн хмыкнул. Да, три тумана – это дороговато. В десять раз дороже, чем телепортация на общих условиях. Конечно, если кому-то нужно так срочно, что кровь из носу, или просто денег куры не клюют… но Эйхгорн-то никуда не торопится.

Впрочем, бегать два часа со станции на станцию ему тоже не хотелось. Гораздо сильнее хотелось есть и спать. Уж лучше спокойно отдохнуть, переночевать, а наутро со свежей головой в Озирию.

Благо все эти услуги на портальной станции имелись. Содержащие ее волшебники организовали разветвленный бизнес, предоставляя путешественникам все виды сервиса. Тут был хостел, таверна, баня, мелкие лавочники и лоточники… даже дом терпимости!

Эйхгорн первым делом отправился в таверну. Кормили там не то чтобы роскошно, но съедобно, а главное – сытно. Эйхгорн взял пива, рыбы с картошкой, хлеба, и присел за свободным столиком у окна. Снаружи как раз начался дождь.

Макая рыбу в гороховый соус и заедая ее солеными огурцами,

Эйхгорн пристально рассматривал других посетителей. Из-за дождя их число заметно выросло, свободных мест почти не осталось. Все новые и новые странники входили внутрь, прячась от непогоды.

Едва не свернув башкой косяк, вломился небывало крупный тролль. За ним, дрожа всем телом, вошел сгорбленный ящер с красной чешуей и гребнем на голове. Этот прошипел трактирщику что-то нечленораздельное, совершенно точно не на парифатском, и получил ведерко крутого кипятка, которое тут же и опорожнил.

А вот следующий посетитель заинтересовал Эйхгорна сильнее других. Точнее, посетительница – темноволосая женщина средних лет. Одежда выдавала в ней колдунью… и не только одежда. За женщиной вышагивал трехметровый урод, похожий на монстра Франкенштейна – весь изборожденный шрамами, с пустым и бессмысленным взглядом. Существо покорно следовало за хозяйкой, время от времени издавая сдавленные стоны.

В зале уже негде было упасть яблоку. Медленно идя по проходу, колдунья оглядывалась по сторонам, но нигде не видела достаточно места для себя и своего… спутника.

Медленно цедивший пиво Эйхгорн поймал ее взгляд и молча указал на два табурета рядом с собой. Колдунья кивнула, расправила подол и уселась на замызганный табурет с таким гордым видом, точно находилась посреди королевского бала. Монстр, словно подчиняясь беззвучному приказу, шмякнулся подле хозяйки.

– Благодарю вас, мэтр, – чопорно сказала колдунья.

– Всегда пожалуйста, – ровным голосом ответил Эйхгорн. – Заказать вам что-нибудь? Пива, может?..

– Разве что чарку настойки, чтобы согреться, – мотнула головой колдунья, доставая из вещмешка на спине монстра темную бутыль. – У меня портал через час, я зашла только укрыться от дождя. Не скоротать ли нам ожидание манорой, мэтр?

– Чем-чем?.. – не понял Эйхгорн.

– О, простите… – пристально взглянула на его лицо колдунья. – Я приняла вас за волшебника. Ваш колпак…

– Увы, я всего лишь ученый.

– Да, теперь вижу. Я Луймелла. Луймелла до Сигонь, лиценциат Монстрамина.

– Эйхгорн. Кандидат технических наук.

Луймелла налила себе чарку пурпурной, остро пахнущей жидкости и предложила того же Эйхгорну. Тот никогда не упускал возможности попробовать что-то новое, так что не

отказался. У настойки оказался глубокий сливовый вкус, а крепость ее составляла от пятнадцати до двадцати градусов. Определить точнее без химического анализа Эйхгорн затруднялся.

– А что это за манора такая? – полюбопытствовал он.

– Логическая игра волшебников, – ответила Луймелла.

– А обычные люди в нее играть не могут?

– Естественно, нет. В нее же играют маной.

– Чем?..

– Маной. Вот, взгляните, – провела рукой колдунья. – Я сделала первый ход.

– Я ничего не вижу.

– Естественно. А волшебник бы увидел. Правда, для правильной маноры нужны некоторые принадлежности – чашка воды, свечка, кость…

– Зачем?

– Потому что в игре используется мана шести видов – Огонь, Воздух, Вода, Земля, Жизнь и Смерть. С их помощью игроки плетут разноцветные узоры, перетягивают их на свою сторону, заставляют менять цвета… Очень сложная игра, там куча правил. Но если вы не волшебник, вы не можете не только играть в манору, но даже смотреть, как играют другие.

– Как жаль, – произнес Эйхгорн. – И что, все волшебники в это играют?

– Многие. Это самая популярная из магических игр. Она не принадлежит никакому конкретному институту, и в нее может играть любой волшебник.

– Институту?.. – не понял Эйхгорн. – Вы хотите сказать, что у каждого института… э… свои игры?..

– Естественно, – пожала плечами колдунья. – Это давняя традиция Клеверного Ансамбля – у каждого института есть своя магическая игра. Тридцать институтов – тридцать игр. А манора – тридцать первая, она как бы общая.

– А какие другие? – стало любопытно Эйхгорну.

– Словотворчество, Чарующий Смычок, Скользкий Шар, Битва Умов, магигард, миражата… надеюсь, вы не ждете, что я перечислю все тридцать?.. Некоторые я даже не помню. Сама я всегда больше всего любила манору… ах, жаль все-таки, что вы не волшебник…

– А что, здесь нет других волшебников? Мне казалось, тут их много работает.

– Работает, в том-то и дело, – вздохнула Луймелла. – Они на службе, им некогда. Да и времени у меня уже в обрез… Жаль, право, что в манору могут играть только волшебники…

Эйхгорн махнул рукой, подзывая полового. Тот поставил на стол еще кружку пива, сразу же принимая два медля. Монстр Луймеллы уставился на золотистую жидкость и издал протяжный стон.

– Тихо ты, – шикнула на него колдунья, наливая себе еще сливовой настойки. – Он вам не мешает, надеюсь?

– Нисколько, – ответил Эйхгорн, пристально глядя на монстра. – Что это за существо, если не секрет?

– Обычный кадавр, – отмахнулась колдунья. – Мой слуга, грузчик и телохранитель.

– Вы сами его… сделали?

– Естественно. Кто же еще?

– В самом деле, кто же еще. И как именно вы его… сделали? Очень любопытно.

Луймелла окинула Эйхгорна насмешливым взглядом и спросила:

– Вы имеете хотя бы общее представление о практическом волшебстве, мэтр? Изучали хотя бы основы маносборчества, душестроения, ятрохимии? Если нет – мои объяснения будут для вас сугубой бессмыслицей. Вы же не волшебник.

– Да, я, к сожалению, не волшебник, – согласился Эйхгорн. – Кстати, вот просто любопытно – а как вы нас называете?

– Кого – вас?

– Не волшебников.

– Так и называем, – пожала плечами Луймелла. – Неволшебники.

– А специального слова для нас у вас нет?

– Кто вы по профессии, мэтр? – пристально посмотрела на Эйхгорна Луймелла.

– Инженер.

– У вас есть специальное слово для неинженеров?

– А разве волшебник – это профессия?

– А что же еще? Титул, что ли?

– Но разве не нужны какие-то… мидихлорианы, что ли… какой-нибудь особый дар… Ведь не любой же может научиться колдовать, верно?

– Ну не совсем любой, конечно, какие-то способности все же должны быть, – согласилась колдунья. – Но это же в любой профессии так. Везде бывают одаренные и бесталанные. На инженера ведь тоже не каждый сможет выучиться, верно?

– Да уж не каждый, – хмыкнул Эйхгорн. – Кстати, а не расскажете ли тогда, как учатся на волшебника? Найдется у вас еще немного времени до прыжка?

– Прыжка?.. Какого… а!.. Занятно, не слышала раньше, чтобы

переход так называли, – усмехнулась колдунья. – Да, немного времени еще есть. Что именно вас интересует?

Эйхгорна интересовало все. Но поскольку время все-таки было ограничено, он попросил лишь вкратце рассказать о структуре Клеверного Ансамбля.

Оказалось, что главное и по сути единственное учебное заведение Мистерии – это союз шести университетов, каждый из которых в свою очередь разделен на пять институтов. В таком виде Клеверный Ансамбль существует около двухсот лет – именно тогда провели глобальную образовательную реформу и построили университетский городок. Ранее же университетов было больше, они были рассыпаны по всей Мистерии и пользовались полным самоуправлением, но при этом творился в них сущий бардак.

– И сколько всего длится обучение? – поинтересовался Эйхгорн.

– Сначала пять лет школярства, – ответила колдунья. – Там преподают базовые основы. Потом можно выбрать – либо еще четыре года в университете, на продвинутом курсе, либо три года под персональным руководством какого-нибудь мэтра, практикантом. Выбравшие теорию становятся бакалаврами, практику – специалистами.

– А то и другое можно?

– Естественно. Закончивший то и другое – в любом порядке – становится лиценциатом. И должна сказать, что только лиценциаты и могут называться настоящими волшебниками. Бакалавры и специалисты – это так, недоучки. Годятся только в подмастерья.

– Вы, как я помню, лиценциат?

– Естественно.

Эйхгорн призадумался. Двенадцать лет – срок немалый. К окончанию обучения Эйхгорну будет уже пятьдесят пять. Но все равно соблазнительно.

Он спросил об условиях поступления, и узнал, что для этого надо всего лишь сдать вступительные экзамены. Если набираешь более восьмисот баллов (из тысячи), обучение будет бесплатным. Если меньше восьмисот, но больше семисот – платным. Если меньше семисот – от ворот поворот. Все очень просто.

Эйхгорн внимательно это выслушал и уже стал расспрашивать, из чего эти экзамены состоят… но тут колдунья огорошила его, сообщив, что приемный возраст для людей – с одиннадцати до четырнадцати лет. Особо одаренного могут в виде исключения принять в пятнадцать или даже шестнадцать… но уж никак не в сорок три.

Похоже, надеяться Эйхгорну не на что. Жаль.

– Ну все, мэтр, прощайте, – поднялась Луймелла. – Через десять минут мой портал – на Бодассу-Кеззури. Приятно было пообщаться.

– Взаимно.

Глава 39

Ночевал Эйхгорн в хостеле. За номер с него взяли один грамен… хотя «номером» это можно было назвать только из очень большой вежливости. То был длинный, плохо освещенный зал с сотней деревянных кроватей, обтянутых парусиной. На каждой имелось тонкое колючее одеяло и небольшой мешок сена вместо подушки. Больше никаких удобств – ни тумбочек, ни умывальников. Уборная общая, на первом этаже.

В портальных гостиницах никто не останавливается дольше, чем на одну, от силы две ночи. Зато посетителей всегда полным-полно, и выбирать им не приходится. Неудивительно, что владельцы не гонятся за высоким сервисом – выгоднее вкладываться в количество.

Но по крайней мере и цены очень низкие. Нормальный-то номер обойдется не в грамен, а в денгар – аж десятикратная разница. Так что Эйхгорн, будучи весьма неприхотлив, ничуть не огорчился.

И однако заснуть ему никак не удавалось. Он лежал пластом, слушал ворчание и бормотание соседей, смотрел на грязный потолок и размышлял. Размышлял о том, что делать дальше.

Теперь он имел более полное представление о возможностях парифатской магии – и они действительно велики. Разветвленная система порталов поневоле внушает уважение. А Луймелла до Сигонь упомянула, что некоторые волшебники умеют открывать двери в другие миры – не исключено, что кто-нибудь из них сможет вернуть Эйхгорна домой.

Но хочет ли он этого?

Он совершил великое открытие. Открыл другой мир. Возможно, это величайшее открытие в истории географии, астрономии… да и других наук. Его имя встанет в один ряд с именами Колумба, Гершеля, Левенгука…

Если, конечно, он сумеет подтвердить, что действительно что-то открыл. На слово ему не поверят, это очевидно. Тысячи людей рассказывают, что их похищали инопланетяне – хоть кто-нибудь воспринимает их всерьез? Следовательно, придется прихватить с собой доказательства – местные растения, животных, образцы технологий… то бишь магии.

Эйхгорн все еще полагал, что так называемая «магия» – это просто некий альтернативный путь развития техники. Вероятно, парифатские ученые открыли какие-то неизвестные землянам законы природы… или же сама физика этого мира действует как-то иначе.

Кстати, в этом случае на Земле их магия работать не будет, и Эйхгорн сядет в лужу.

Но хорошо, предположим, он доказал, что его открытие реально. Вписал свое имя в историю. Что дальше? Если он просто вернется домой, пусть и с полным рюкзаком диковинок, открытие останется чисто умозрительным. Кому нужен мир, на который нельзя даже взглянуть? Когда Леверье обнаружил Нептун, ему громко и бурно аплодировали, но и только-то. Большинству людей все равно, семь планет в Солнечной Системе или восемь.

Конечно, сам факт существования других миров, причем обитаемых – это уже огромный прорыв. Но если же он все-таки не просто расскажет о них, а еще и привезет способ перемещения… какой-нибудь аппарат, какой-нибудь… ТАРДИС… интересно, есть ли у волшебников что-нибудь подобное? Эйхгорн не отказался бы заполучить такой механизм…

Что произойдет в этом случае?

Элементарная логика подсказывает, что начнутся контакты между мирами. Если повезет, мирные. Обмен знаниями, технологиями, предметами искусства. Исследовательские экспедиции. Земные ученые подарят парифатцам кино, автомобили и сотовую связь, а парифатские волшебники подарят землянам помни-зерна, порталы и дальнозеркала. Пышным цветом расцветет туризм, на портальных станциях откроются «Макдональдсы» и дьюти-фри, а в Московском зоопарке появятся невидимые собаки и тысяченоги.

Но не менее вероятно, что начнется новая конкиста. Эйхгорн уже убедился, что на Парифате хватает сокровищ. Природных, культурных, технологических. Много такого, что на Земле отсутствует. Далеко не факт, что Земля предпочтет выменивать все это, а не просто присвоить, обвинив Парифат в недостатке демократии и угнетении секс-меньшинств.

Значит, опять колониализм и освоение свежих земель. Как долго рыцари и волшебники смогут противостоять автоматам и бомбам? Даже если законы физики здесь иные, и какие-то технологии не заработают… хотя не заработают ли? Пока что все, что делал Эйхгорн, работало точно так же, как и на Земле.

Не исключены и эпидемии. Сами того не желая, испанцы выморили миллионы индейцев оспой – болезнью, к которой у тех не оказалось иммунитета. А в ответ Европа получила сифилис – тоже не повод для радости. Чем Земля заразит Парифат? Чем Парифат заразит Землю? С Эйхгорном обошлось – он никого ничем не заразил и сам ничем местным не захворал. Но это всего лишь единичный случай.

Война может вспыхнуть и на самой Земле. Такой лакомый

кусок же! Целый новый мир – и не Луна или Марс, где нечем дышать и нечего кушать, а комфортная сверхземля. Громадные территории. Неисчислимые ресурсы. Неизвестные технологии. Смогут ли земные державы разделить все это богатство полюбовно? Не станет ли Парифат яблоком раздора, из-за которого начнется Третья мировая?

С этими мыслями Эйхгорн и уснул. Хотя ночь прошла беспокойно – очень уж много было вокруг народу. Чем-то напоминало плацкартный вагон – теснота, духота, везде чьи-то ноги и чемоданы. То и дело кто-то приходил или уходил, вставал попить воды или в туалет. Некоторые храпели. Какой-то толстый дядька двумя кроватями дальше оглушительно чавкал жареной курой. Еще двое гостей посреди ночи что-то вдруг не поделили и принялись драться.

Поднялся Эйхгорн в первом рассветном часу. Спать дольше возможности просто не было – хостел приобрел окончательное сходство с плацкартным вагоном. И теперь не ночным, а утренним, подъезжающим к конечной станции. Все шумели, собирали вещи, спешно что-то жевали.

Однако этот бардак был сущей ерундой в сравнении с тем, что творилось снаружи, у входа в портал. Насколько Эйхгорн понял, на ночь ставили невостребованные станции, так что трафик был относительно скромен. А вот утром начинались более популярные направления.

К пятому рассветному часу, когда подошла очередь Озирии, у портала царила уже настоящая давка. Наученный земными аэропортами, Эйхгорн занял свое место заблаговременно, но парифатцы тоже оказались не лыком шиты.

Вот наконец и она – заветная вспышка. Закрылся портал в Драконию, секунд пятнадцать каменная арка была просто обычной каменной аркой, а потом открылся новый портал – в Озирию. И огромная масса людей сразу пришла в движение.

Время здесь ценилось на вес золота. Служащие заранее выстраивали людей в цепочки и гнали через портал разве что не бичами.

Впрочем, те и сами спешили со всех ног. Опоздаешь, промедлишь – и жди еще сутки, а то и дольше.

– Быстрее! Быстрее! Еще быстрее! – вопили взмыленные служащие. – Пять минут! Портал в Озирию закрывается через пять минут! Кто опоздает – попадет уже в Медногорье! В Медногорье! Портал в Медногорье открывается через четыре минуты! Через четыре минуты! Отправляющимся в Медногорье – приготовиться к переходу!

Пассажиры двигались с краев портала. По центру же лился

мощный грузовой поток. Вереница навьюченных ишаков, лошадей, верблюдов, слонов и еще каких-то громадных животных. Похоже, специально натренированных именно для портальных переходов – они бежали к проходу сломя голову, истошно ревя, трубя и мыча. Интересно, как их учили не бояться этой светящейся завесы?

Хотя у некоторых завязаны глаза. Наверное, как раз эти не тренированы.

Момент прохождения через портал стал для Эйхгорна особенно трепетным. Он быстро-быстро переводил взгляд с колеблющейся световой занавеси на свой вормолеграф – и удовлетворенно отмечал, что тот работает. Стрелка тряслась как безумная, регистрируя в непосредственной близости червоточину. Дыру в пространстве – только искусственного происхождения.

Свое первое прохождение через червоточину Эйхгорн не помнил, поскольку потерял тогда сознание. Однако в этот раз ничего подобного не случилось. Только в глазах на секунду потемнело, да голова закружилась – видимо, от резкого перепада давления.

Надо заметить, что проход через портал потребовал некоторых усилий. Словно пересечение магнитного экрана. По ту сторону арки, в Нбойлехе, дул легкий ветер и крапал мелкий дождик, но ни вода, ни воздушные потоки на эту сторону не попадали. Только крупные движущиеся предметы.

Эйхгорну до смерти захотелось поэкспериментировать с порталом. Проверить пределы его «прочности». Выяснить, можно ли вернуться назад, войдя только до половины. Узнать, что произойдет с предметом, если портал удалить, пока переход еще не завершен. Или наоборот, что произойдет с предметами, если они будут находиться в месте возникновения портала. За несколько секунд Эйхгорну в голову пришло великое множество интереснейших опытов.

К сожалению, волшебники вряд ли позволят ему их проводить.

Озирская портальная станция мало отличалась от нбойлехской. Разве что архитектура немного другая, да блюда в харчевне. Эйхгорн позавтракал, обменял деньги на местную валюту и прошел таможенный контроль. Как и в Нбойлехе, его почти не досматривали, документов не требовали. В этом мире еще не появились такие понятия, как «виза» и «паспорт», так что путешествия не слишком осложнялись бюрократическими процедурами.

Но выйдя за ворота, Эйхгорн оказался в совершенно иной природной зоне. За исключением прибрежной полосы, Нбойлех

представлял собой типичную пустыню. Озирия же оказалась вечнозелеными тропиками – везде трава и кустарники, пышные лиственные леса, множество узеньких речек и озер с изумительной прозрачности водой.

Как и в Нбойлехе, портальная станция располагалась в нескольких километрах от столицы. Около часа Эйхгорн шагал с рюкзаком среди таких же путешественников, пока впереди не выросли стены великого города Гнозиата.

Он уступал в размерах Ибудуну. И стены его окружали куда более скромные, да к тому же ветхие, испещренные трещинами и выбоинами. Их явно возвели в незапамятные времени и ни разу не трудились чинить.

Неудивительно, если учесть, что Озирия – остров, расположенный вдали от обжитых земель. С тех пор, как она стала единым государством, здесь не было войн, берега не знали вражеских нашествий, а худшими из угроз были пиратские набеги и восстания рабов. Озирия – одна из самых мирных и процветающих стран Парифата.

Правда, выяснилось, что на неприятные сюрпризы она тоже горазда. И первый из них встретил Эйхгорна у самых ворот в виде… сфинкса.

То был самый натуральный сфинкс. Точь-в-точь египетский, только меньше раза в полтора и не каменный. Громадная зверюга возлежала у входа, словно привратник, и совершенно по-кошачьи вылизывала лапу. Морда ее выглядела не совсем человеческой – скорее уж этакий павиан.

Никто из входящих в город не обращал на сфинкса внимания, так что и Эйхгорн двинулся вперед спокойно. Однако стоило ему подойти ближе, как глаза чудовища вспыхнули огнем, оно встрепенулось всем телом и выставило громадную лапищу.

Никто не обратил внимания и на это. Все продолжали идти, как шли, просто огибая лапу-шлагбаум. Путь прегражден оказался только Эйхгорну.

– Мне незнакомо твое лицо, человек, – гулким басом произнес сфинкс, нависая над землянином. – Это означает, что ты впервые в Гнозиате.

– Действительно, впервые, – согласился Эйхгорн. – Но ты хочешь сказать, что знаешь в лицо всех, кто здесь живет?

– Все шестьсот восемьдесят тысяч человек! – гордо пророкотал сфинкс. – А также всех, кто когда-либо посещал этот прекрасный город за все те восемнадцать лет, что я служу стражем этих врат! И память моя столь грандиозна, что я без труда запомню имена и лица хоть бы и всех жителей Парифата, сколько их ни есть!

– Полезный навык, – кивнул Эйхгорн. – Теперь можно мне пройти?

– Не раньше, чем ты ответишь на мой вопрос! – выпустил когти сфинкс. – Ибо Гнозиат – это город мудрецов, и лишь верно ответивший мне может в него войти! Тот же, кто ответит неверно, будет мгновенно мною убит!

Эйхгорн глянул на прохожих – нет, никто никак не отреагировал. Вокруг были десятки людей, но все они плевать хотели, что тут громадный кот угрожает человеку смертью. Не имелось на воротах и охраны правопорядка, каких-нибудь стражников… видимо, этот сфинкс и есть стражник.

– А если я просто развернусь и пойду в обратную сторону? – поинтересовался Эйхгорн.

– Иди, – пожал плечами сфинкс. – Мне не будет дела до тебя в таком случае. Уходи и навсегда забудь о городе, для которого ты недостаточно умен. Вечно живи с горькой мыслью о том, насколько ты глуп.

Вот сейчас Эйхгорну стало обидно. Он понятия не имел, что там за загадка у этого сфинкса, но если ее решают все, кто входит в этот город – довольно-таки крупный! – она не должна быть слишком сложной. Трудно поверить, что именно здесь собрались сотни тысяч Друзей и Вассерманов.

– Ладно, – решился он. – Задавай свой вопрос.

– Очень хорошо, – благосклонно кивнул сфинкс. – Ответь мне – имею ли я право убить тебя?

– Да, – мгновенно ответил Эйхгорн.

– Как ты рассуждал? – прищурился сфинкс.

– Если бы я сказал «нет», и ответ оказался верным, ты пропустил бы меня, но если бы он оказался неверным, ты убил бы меня. Если же я говорю «да», ты в любом случае не тронешь меня – неважно, верен ответ или неверен.

– Ты достаточно умен, чужестранец, – отвел лапу сфинкс. – Входи же в сей великий град и чувствуй себя здесь, как дома.

– А мой ответ был верен или неверен? – уточнил Эйхгорн.

– Я сфинкс. Я спрашиваю, а не отвечаю.

Входя в ворота, Эйхгорн подумал, что вряд ли ответ «да» был верен. Сложно представить, что городские власти мирятся с чудовищем возле ворот, убивающим каждого, кто не отгадает загадку. Она хоть и элементарнейшая, но наверняка есть такие, кому даже это не по зубам.

Хотя… в древней Спарте хилых детей сбрасывали со скалы. Может, здесь идиотов скармливают сфинксу? Если так, эта страна Эйхгорну уже нравится.

В отличие от Ибудуна, Гнозиат не делился на кварталы.

Выстроен он был в форме правильного круга, а улицы рассекали его на сектора и сегменты. Все везде геометрически правильное – прямые линии, прямые углы. Жилые дома имели идеальную кубическую форму, общественные строения – пирамидальную. В самом центре находился форум – огромная круглая площадь, сформированная кольцевым рынком и административными зданиями.

Насколько правильная в Озирии царила архитектура, настолько же беспорядочны оказались ее жители. Например, одеждой озирцы себя не отягощали. Некоторые носили легкие туники, но большинство ходило в одних набедренниках, а то и вовсе голышом. Здесь это никого не смущало.

Да и вообще нравы тут царили самые вольные. Эйхгорн дважды видел, как прохожие, никого не стесняясь, прямо на улице справляли малую нужду. Было и того хлеще – в одном переулке длинноволосый парень преспокойно пялил коротко стриженую деваху. А та при этом еще и звонко декламировала стихи.

И это были еще только цветочки. Шагая по улице, Эйхгорн только и успевал вертеть головой, делая аудиозаметки. Создавалось впечатление, что он в студенческом общежитии в новогоднюю ночь – такой на каждом шагу царил бардак.

Эйхгорн видел совершенно голого лысого старика, который мчался по улице, потрясая соленым огурцом. Вид он при этом имел такой гордый, словно нес по меньшей мере олимпийский огонь.

Эйхгорн видел двух почтенных старцев, которые чертили в пыли геометрические фигуры, ожесточенно при этом переругиваясь и время от времени кидаясь друг в друга комками грязи.

Эйхгорн видел невероятно жирного философа, который сидел верхом на бочке и беспрерывно жрал. Время от времени к нему кто-нибудь подходил, давал что-нибудь съестное и о чем-нибудь спрашивал. Философ делился своей мудростью со всеми желающими… пока не кончалась еда. После этого он сразу замолкал и гневно топал ногами, пока ему не давали еще.

Эйхгорн видел стайку мальчишек и девчонок, которые собрались вокруг побеленной стены, малюя граффити цветными мелками. Приглядевшись, он заметил, что дети решают какую-то сложную задачку. Потом к ним подбежал рассерженный стражник, накричал, стер рукавом половину задачки и… принялся решать ее сам. При этом он громко объяснял, в каком месте ребятня допустила ошибку.

Как и в Ибудуне, Эйхгорн собирался вначале найти место для

ночлега, а уж потом заниматься делами. Точнее, одним делом – посетить местную библиотеку.

Правда, вначале ему требовалось посетить Чертоги Разума.

Глава 40

В отличие от Ибудуна, в Гнозиате общественных туалетов хватало. Вход, правда, стоил денег, но всего одно кольцо – озирскую медную монету с дыркой. А войдя внутрь, Эйхгорн сначала решил, что ошибся дверью – так уж не походило это на традиционную земную уборную.

Вдоль длинного зала тянулись мраморные скамьи с одинаковыми отверстиями в форме замочной скважины. На них чинно восседали посетители – они вели степенные беседы, время от времени тужась. Никто никого не стеснялся – люди были словно в клубе, а не в туалете.

Причем добрая половина присутствующих оказалась женского полу. В Озирии действительно царили предельно свободные нравы. Эйхгорну даже стало немного неловко… но он отбросил эти нелепые предрассудки и стянул балахон.

На него никто даже не глянул. Что-что, а обнаженная натура здесь никого не удивляла. Эйхгорн пристроился на свободном месте и стал машинально пересчитывать посетителей.

Что-то казалось ему странным, но поначалу он не мог понять, что. Потом спохватился – запах! Специфическое амбре, всегда присущее Чертогам Разума, здесь отсутствовало напрочь. Более того – в воздухе витал довольно приятный, смутно знакомый аромат.

Принюхавшись, Эйхгорн обнаружил его источник. Под потолком висел пучок каких-то темных шариков размером с орех. Они действительно сильно пахли, причем Эйхгорн несомненно уже слышал этот запах прежде.

Ну да, точно. Именно так пах отвар из мандрагоровых яблок, которым он приглушал боль после операции. А это, получается, они самые и есть – пресловутые яблоки.

Кто бы знал, что они годятся еще и на роль освежителя воздуха…

Зато, правда, туалетной бумаги здесь не было. Ее заменяли специальные палки с губкой на конце. Ими бултыхали в нише с проточной водой, подтирались и возвращали на место. Довольно неудобный способ, но зато безотходный.

Неожиданно для себя Эйхгорн задержался в этом месте дольше необходимого. Нечаянно ввязался в дискуссию о смысле жизни. Рослый старик с благородным профилем, оживленно жестикулируя подтирочной палкой, декларировал, что главная и единственная цель человеческого существования – наслаждение. Мол, все мы смертны, существование богов и загробной жизни не

доказано и даже сомнительно, так что не имеет смысла заниматься чем-либо, что не приносит удовольствия. Надо спешить получить как можно больше, пока в груди бьется сердце – потом будешь просто лежать хладным трупом.

Эйхгорн отчасти был даже согласен с такой эпикурейской точкой зрения, но посчитал необходимым уточнить, что если так будут вести себя все, цивилизации достаточно скоро придет конец. На долю следующих поколений будет оставаться все меньше и меньше. Старик, услышав это, презрительно фыркнул и перефразировал высказывание маркизы Помпадур, заявив, что ему плевать на следующие поколения. Он-то сам к тому времени уже умрет и ничего этого не увидит, так что какая разница?

Эйхгорн заметил, что последствия начнут сказываться уже при нынешнем поколении. Его уважаемый оппонент, возможно, их и не застанет в силу преклонного возраста, а вот человеку более молодому такой образ жизни быстро аукнется. Как минимум загубленным здоровьем и исчерпанными средствами. К слову, средства ведь надо откуда-то брать – некоторое количество иждивенцев общество прокормить может, но если оных станет слишком много, система просто развалится.

Старик согласился с этими аргументами, на секунду задумался, почесал бороду так, словно искал в ней насекомых, и предложил Эйхгорну продолжить дискуссию в одеоне. Сегодня он, дескать, очень занят, потому что спешит на научную конференцию с участием видных философов (по окончании – фуршет и оргия). А вот завтра после обеда он охотно встретится с Эйхгорном в спорном круге и докажет, что Эйхгорн – непроходимый тупица, не понимающий простейших истин.

Эйхгорн вызова не принял. У него хватало дел и без того, чтобы чесать языками насчет отвлеченных материй. Однако вышеупомянутый одеон его заинтересовал, и он решил его посетить.

И посетил. Причем гораздо быстрее, чем рассчитывал – одеон обнаружился всего-то шестью домами дальше. Причем не какой-нибудь там рядовой, а крупнейший в Гнозиате, так что мимо пройти никак бы не удалось.

На трибунах было битком, зрители стояли даже в проходах. Издалека слышались бурные звуковые валы – то тишина-тишина, а то вдруг все взрываются ором. Восторгаются и рукоплещут, либо возмущаются и протестуют.

Сюда вход был бесплатный, но место Эйхгорну удалось найти не сразу. В конце концов он уселся на собственный полупустой рюкзак. Каменные, нагретые солнцем трибуны уходили далеко вверх, полукругом обступая деревянную сцену с актерами.

Хотя никакими не актерами, разумеется. То был одеон, а не театр. Сюда приходили не для выступлений, а для состязаний. Поэтических, музыкальных, но чаще всего – научных и философских. День-деньской озирские мудрецы вели на этой сцене ожесточенные дискуссии, рождая в спорах истину.

Точнее, так сначала показалось Эйхгорну. Но по мере того, как он слушал диспутантов, его взгляд становился все более снулым. Ибо темы, которые они обсуждали… не казались ему такими уж важными.

Например, в данный момент сразу четверо философов на котурнах спорили, какое изобретение является самым великим в истории. Первый отстаивал письменность, второй – парус, третий – деньги. Четвертый долгое время молчал и презрительно оттопыривал губу, но наконец его прорвало и он возопил:

– Да колесо же, колесо, уважаемые коллеги! В самом деле, я удивлен, что этот спор вообще возник, что это не самоочевидно для любого разумного индивида! Колесо – самое великое изобретение уже хотя бы потому, что все остальное мы так или иначе подсмотрели в природе, позаимствовали у животных или растений. Но ничего круглого в природе нет!

– Это не совсем так, – подал голос со своей скамьи Эйхгорн. Он не собирался вмешиваться, но это оказалось выше его сил. – То, что в природе нет ничего круглого – просто широко распространенный миф.

Его не одернули, на него не зашикали. В одеоне считалось нормальным подавать реплики с мест, и зрители часто этим пользовались. Сейчас все взгляды обратились на Эйхгорна, и отстаивающий колесо диспутант скептически поинтересовался:

– И что же это такое круглое есть в природе, скажите на милость?

– Солнце и луна, – пожал плечами Эйхгорн. – Разве они не катаются каждый день по небу?

– Возможно, возможно… но это всего лишь круги. А вот додуматься, что с их помощью можно катить…

– Для этого достаточно увидеть, как катится с горы снежный ком. Или как катит свой шарик скарабей. Не надо плодить сущности. Неведомый изобретатель колеса, безусловно, был гением… но не волшебником.

– Почему же не волшебником?! – возмутился кто-то из задних рядов. – Или даже волшебницей?! Откуда вам знать?!

Эйхгорн обернулся – да, там сидел явный волшебник. Точнее, волшебница – в длинной мантии, с обручем на волосах. На Эйхгорна она взирала с неприкрытой ненавистью, и тот предпочел смолкнуть. Ему еще слишком хорошо помнилось, чем

закончилась беседа с усатым любителем борща.

Аргументы Эйхгорна все же оказали влияние на дискуссию – философы перестали обсуждать самые великие изобретения и принялись просто гадать, как же это именно было изобретено колесо. Первый отстаивал версию божественного дара, второй – чистой случайности, третий – целенаправленного исследования, а четвертый просто бессвязно орал.

Потом они как-то незаметно переключились на развитие и прогресс человека в целом. Правда, с мест тут же поправили – не человека, а индивида. В одеоне кроме людей присутствовали гномы, симы, тролли, змеелюди-кобрины, трехметровые крылатые ящеры и еще какие-то существа с голубой кожей.

Философы приняли поправку и стали рассуждать на тему того, что с каждым поколением культурный и научный багаж среднего индивида все возрастает. Незначительно, едва заметно, но тем не менее. Вот древние лю… индивиды несомненно не знали колеса, и для них это было поразительным новшеством, едва ли не чудом. Нынешний ребенок чуть ли не с пеленок видит перед собой всякие катающиеся вещи, и воспринимает их как само собой разумеющееся. Отчего так?

– Просто в нашем мозгу содержится много-много-много… записей! – предположил первый философ. – Все они хранят в себе разную информацию…

– Постойте! – перебил второй. – Отчего это в мозгу, если общеизвестно, что мозг – это просто зрительно-слуховой орган?! Мышление находится в сердце!

– Не говорите ерунды! – возмутился третий. – Вовсе не в сердце, а в печени!

– У некоторых индивидов нет печени! – встрял четвертый. – Однако ж они мыслят! Что вы на это возразите, коллега?!

– Неважно! – снова заговорил первый. – Коллеги, коллеги, не отклоняемся от темы! Неважно, где именно содержатся эти записи – главное, что они содержатся. И по мере того, как они накапливаются, часть их передается следующему поколению.

– Как это передается? – усомнился третий. – Что же, если часть знаний передалась от отца…

– Или матери! – выкрикнула волшебница за спиной Эйхгорна.

– …или матери к сыну…

– Или дочери!

– …или дочери, то сам оте… родитель их потерял? Забыл?

– Ну нет, вы просто не хотите понять мою мысль! – всплеснул руками первый. – Вы меня не слушаете! Вы меня полностью игнорируете! Я говорю, что эти частицы знаний передаются… наследуются, ко-пи-ру-ясь! Тело чело… индивида на момент

рождения соответствует тому, насколько уже изменились тела его родителей!

– Интересная теория, коллега, – задумчиво кивнул четвертый. – Она вполне совпадает с моими собственными размышлениями по этому поводу. И лично я совершенно уверен, что это касается не только умственных, но и чисто телесных изменений. Уверен, что если раз за разом, из поколения в поколения брить человека наголо – рано или поздно дети начнут рождаться уже лысыми! К сожалению, эту теорию чрезвычайно сложно проверить на практике…

– Не так уж и сложно, – снова не удержался от реплики Эйхгорн.

– Что вы имеете в виду, уважаемый? – осведомился философ. – Как, по-вашему, возможно такое проверить?

– Ну, у моего народа, например, есть обычай делать младенцам обрезание…

– Что это такое? – перебили Эйхгорна.

– Мальчикам отрезают крайнюю плоть.

– Зачем?! – невольно схватился за причинное место философ.

– Религиозный обычай. Ему уже тысячи лет, он идет из глубокой древности. Крайнюю плоть отрезали именно так, как вы описываете – раз за разом, из поколения в поколение. Но пока еще ни один ребенок не родился уже обрезанным.

Этот аргумент Эйхгорна вызвал у всех живой интерес. Философы воодушевленно загомонили, перечисляя похожие ситуации уже на Парифате. Кто-то вспомнил о народе бабаров, действительно бреющих головы налысо – тем не менее дети у них все равно рождаются волосатыми. Вспомнили о каких-то дикарях, отрезающих мальчикам мизинцы на ноге. Вспомнили, что у многих народов женщины прокалывают уши.

Потом на сцену вышел распорядитель, поблагодарил уважаемых философов за интересную дискуссию и сообщил, что у них закончилось время. Начинается пятый полуденный час, а это время забронировано уважаемым мэтром Нимбоколом.

Философы нехотя прекратили дебаты и удалились на трибуны. А их место занял долговязый моложавый джентльмен с волосами, заплетенными в два хвоста. Оглушительно стуча котурнами, он встал у кафедры, выложил на пюпитр стопку бумаг и театрально вскинул руки.

Народ возбужденно загомонил. Кем бы ни был этот мэтр Нимбокол, он явно пользовался популярностью.

Оказалось, что он – естественный философ. Так здесь называли физиков. И сегодня мэтр Нимбокол явился в одеон, чтобы доказать отсутствие во вселенной пустоты.

– Пустоты не существует и не может существовать, – увлеченно говорил он. – Ведь если бы она была – куда бы двигались находящиеся в ней тела? Во все стороны одновременно двигаться невозможно, но почему тело должно двигаться именно в эту сторону, а не в другую? И остановиться оно тоже не может, потому что почему ему остановиться здесь, а не в другом месте, если вокруг пустота? Следовательно, тела в пустоте должны либо находиться в абсолютном покое, что очевидно невозможно, либо бесконечно двигаться. Причем в последнем случае все тела двигались бы с равной скоростью, что тоже невозможно, поскольку тела имеют разный вес, а значит, не могут двигаться с равной скоростью. Нам известно, что скорость движения тела зависит от густоты среды – чем среда гуще, тем медленнее движется в ней тело. Вода гуще воздуха – и тело движется в воздухе быстрее, чем в воде. Но если бы пустота существовала, она была бы бесконечно разреженнее самого разреженного воздуха, а следовательно, любое движение в пустоте было бы мгновенным, но мгновенное движение невозможно, а следовательно, во вселенной не существует пустоты!

На трибунах воодушевленно зааплодировали, мэтр Нимбокол польщенно раскланялся.

– Имеет ли кто что-нибудь возразить на сие умозаключение?! – требовательно осведомился распорядитель.

Эйхгорна словно что-то подтолкнуло снизу. На протяжении всей речи мэтра Нимбокола он сидел со снулым взглядом, но теперь решительно поднялся и спустился на сцену.

– Добро пожаловать, мэтр… м-м-м?.. – вопросительно глянул на него распорядитель.

– Эйхгорн.

– Мэтр Эйхгорн! Приветствуем мэтра Эйхгорна… гостя в нашем городе, не так ли? – предположил распорядитель. – Как вам в наших стенах? Как вам наш одеон? Был ли достаточно любезен с вами сфинкс?

Эйхгорн открыл было рот, но вопросы оказались риторическими. Распорядитель сунул ему пару котурн и предложил занять место за свободной кафедрой.

– Жду ваших возражений, мэтр, – широко улыбнулся Нимбокол. – Но я бы на вашем месте не тратил зря времени, пытаясь опровергнуть мое безупречное доказательство.

– Дайте мне пробирку и сосуд с водой – я докажу вам, что пустота существует, – безразлично произнес Эйхгорн.

На трибунах зашептались – однако шепот этот был какой-то разочарованный. Разочарованно же посмотрел на Эйхгорна и Нимбокол. Он вздохнул и уточнил:

– Мэтр, вы что, хотите искусственно получить вакуум в герметично закрытом сосуде?

– Э-э… да, – удивленно заморгал Эйхгорн.

– Но так же любой дурак может… – покачал головой Нимбокол. – Кто угодно может опровергнуть мое доказательство экспериментальным путем. А вот попробуйте-ка сделать это одними только словами!

Эйхгорн замешкался. Он не знал, как доказать возможность существования пустоты одними только словами. Конечно, можно описать опыт Торричелли, но опыт на то и опыт, что его нужно проводить, а не описывать. Как подтвердить, что он действует, если не наглядным путем?

– Вы недавно в Озирии, да, мэтр? – жалостливо спросил Нимбокол.

– Только сегодня телепортировался.

– И в наших одеонах раньше не бывали?

– Не доводилось.

– В таком случае неудивительно, что вы не понимаете. Мы философы. Здесь, на этой священной сцене, мы диспутируем. И победу одержит тот, кто одолеет противника исключительно силой своих аргументов. Чистой логикой.

– А разве эксперимент не является самым веским аргументом? – поинтересовался Эйхгорн.

– О, несомненно. Но именно это и делает его запрещенным оружием. Точно так же в поединке кулачных бойцов несомненно победит тот, кто спрячет в ладони кистень. Но это же испортит поединок, мэтр.

– И все же пустота…

– Мэтр, я знаю, что пустота существует, – перебил Нимбокол. – Любой образованный человек это знает. Но тем интереснее доказывать обратное! И замечу вам, что мои рассуждения таки возможно опровергнуть и чистой логикой, безо всяких экспериментов. В конце концов, я излагаю не антиномии…

– Что-что?.. – не понял Эйхгорн.

– Антиномии, – нетерпеливо повторил Нимбокол. – Магистр Воизамон. Вы же о нем знаете?..

– Никогда не слышал, – честно признался Эйхгорн.

– О Мыслитель!.. – всплеснул руками Нимбокол. – Из каких же краев вы к нам прибыли, мэтр?.. Магистр Воизамон, гордость нашей страны, великий философ! Не слышали?!

– Не слышал. Чем он таким знаменит?

– Парадоксами, – блаженно улыбнулся Нимбокол. – Неопровергаемыми парадоксами. Например, однажды он заявил, что ни один человек не способен пройти по главной площади

Гнозиата из конца в конец.

– Что?.. Почему?

– А вот послушайте, как он рассуждал, мэтр. Чтобы пересечь эту площадь, вам вначале придется дойти до ее середины, верно? Но после этого перед вами откроется вторая половина пути – и у нее тоже будет своя середина. Надо пересечь и ее. Теперь перед вами четверть пути – и у нее также есть своя середина. Так вы будете идти бесконечно, но никогда не дойдете до конца – ибо сколь бы ни был мал отрезок, у него всегда будет середина, и вы не сможете дойти до конца, не пересекши середину.

Эйхгорн криво усмехнулся. Софизм Зенона, надо же. Значит, в этом мире тоже нашелся умник, который додумался до подобных конструкций.

Эйхгорн их всегда недолюбливал.

– Что скажете, мэтр? – снисходительно поинтересовался Нимбокол.

– Скажу, что я с легкостью пройду вашу площадь из конца в конец, и тем опровергну всю эту галиматью.

– Несомненно, пройти вы сможете. Любой сможет. Каждый день это делают сотни людей. Но сможете ли вы доказать, что магистр Воизамон неправ, не прибегая к помощи ног? Опровергните его умозаключения своими собственными! Это вы сможете?

– Даже пытаться не буду, – сказал Эйхгорн.

Его взгляд снова стал снулым.

Глава 41

– Я тебе говорю, что в земле скрыты огромные пустоты, заполненные водой! – бормотал Луарес, дыша Эйхгорну в лицо перегаром. – Проходя через них, сильные ветры беспокоят воду, пустоты расширяются, и оттого появляются провалы! Там, где провалы самые большие – там моря и океаны, а где провалов нет совсем – там горы!

– Че… чепуха… – отвечал Эйхгорн, краем глаза приглядывая за своей рюмкой. – Земная кора состоит из литосферных плит, ко… которые дрейфуют, плавая на поверхности мантии, состоящей из расплавленной магмы…

– Вы оба неправы! – провозгласил третий собутыльник. – На самом деле все воде в воде… тьфу, язык мой!.. все дело в воде! Когда-то Парифат был сплошной водой с небольшим твердым ядром в центре, но вещества, выпадавшие из вод, оседали на дне и формировали сначала выпуклости, а потом, когда их стало особенно много – сушу!

Эйхгорн сам уже точно не помнил, каким образом оказался в этом кабаке и чего ради столько выпил. Из одеона он вышел рассерженным. Даже злым. Около часа потом бродил по улицам Гнозиата, разыскивая место для ночлега, и в конце концов его разыскал… кажется. Так или иначе, за ужином он решил хлопнуть стопочку, познакомился с вот этими двумя философами-естествоиспытателями и, слово за слово, принялся спорить на геологическую тему.

Почему именно геологическую? Эйхгорн понятия не имел. Просто вот так получилось.

Захмелел Эйхгорн неожиданно быстро. Сегодня он впервые попробовал слезы брайзола. Как оказалось, брайзол – вовсе не имя собственное, а копытное животное. Ничем не примечательное, если не считать слезной жидкости, содержащей немыслимое количество спирта и по крепости не уступающей хорошему виски. Ну а поскольку плачут брайзолы не слишком часто, их слезы считаются элитным алкогольным напитком, подаются в крошечных рюмочках и стоят больших денег.

Хотя на вкус так себе.

А еще сегодня Эйхгорн впервые встретил эльфа. Именно он прямо сейчас доказывал заплетающимся языком, что Парифат произошел из воды.

Возможно, на улицах Ибудуна и Гнозиата Эйхгорн видел и раньше – просто не обращал внимания. Чисто биологически они от людей отличаются минимально – разве что уши

остроконечные.

Но при этом они обладают какими-то необычными свойствами. Вот взять хоть этого доморощенного геолога. Поначалу Эйхгорну показалось, что перед ним какой-то неземной, просто божественный красавец. Им хотелось любоваться, точно прекрасной картиной. Огромные эльфийские глаза затягивали, будто омуты.

И это при том, что Эйхгорн всю жизнь был стопроцентным натуралом!

Но длилось это ровно до того момента, как эльф опрокинул первую рюмку. После этого наваждение сразу рухнуло, и сказочный красавчик сменился неказистым замухрышкой. Очень тощий, почти безгубый, нос совсем крошечный, зато глазищи огромные. Словно сбежал из японского мультика.

И как подобный уродец мог казаться очаровательным?

– Так ты, значит, и есть эльф?.. – буравя его подозрительным взглядом, спросил Эйхгорн.

– Эльф, – кивнул тот. – Светлый.

– Светлый, гришь… Значит, темные тоже бывают?

– Бывают.

– А чем темные отличаются от светлых?

– Светлые пьют светлое пиво, а темные – темное.

– Правда, что ли?..

– Чистейшая правда, – заверил эльф, роняя лицо на стол.

– Эльфы… – хрюкнул второй собутыльник. – Совершенно не умеют пить… Пьянеют от одного запаха… Так на чем мы там остановились?.. А, да. Я говорю, что гигантские подземные туннели вырыли гигантские подземные чудовища! С во-о-от такими бивнями!..

– В моей родной стране тоже есть гигантские подземные чудовища, которые роют гигантские подземные туннели, – безучастно заявил Эйхгорн. – Мы называем их метростроевцами.

Ночевал Эйхгорн в общей зале. Кабак, в котором он обсуждал геологию, по сути был не кабаком, а этаким заведением «все в одном». В просторном помещении стояли обеденные столы, в стенах имелись ниши для сна, а в центре вообще находился бассейн. Люди здесь ели, пили, спали, купались, занимались любовью – все в одном месте, нимало друг друга не смущаясь.

Любителям уединения здесь ловить нечего.

Когда Эйхгорн проснулся, за окном уже рассвело, а зала была почти пуста. В бассейне отмокал какой-то старик, выглядящий так, словно скончался неделю назад, за дальним столиком что-то жевали три потрепанные девицы, а по полу флегматично шаркала метлой уборщица. Эйхгорн нашарил под головой свой рюкзак,

удостоверился, что ночью его не обокрали, попил водички и, широко зевая, побрел к выходу.

Только не очень хорошее самочувствие помешало ему сразу заметить две необычности. Первая – стрелка вормолеграфа равномерно пощелкивала. Едва-едва, но она явно регистрировала червоточину. Эйхгорн обратил на это внимание, уже переступив порог, очень заинтересовался, принялся осматриваться… и увидел вторую необычность.

Она занимала половину горизонта.

В первый момент могло показаться, что это туча. Громадная темная туча. Эйхгорну именно так в первый момент и показалось. Но небо вокруг было чистое-чистое, синее-синее, а очертания загадочного объекта были слишком четкими и правильными.

– Что это? – обратился к ближайшему прохожему Эйхгорн.

– Алатус, – безразлично ответил тот. – Нездешний?..

– Нездешний, – не стал отпираться Эйхгорн. – Что такое Алатус?

– Летающий остров. Каждые три года пролетает над Озирией.

– Летающий остров, – медленно повторил Эйхгорн.

– Хотя на самом деле это не совсем остров, – раздумчиво произнес прохожий. – Вроде бы там что-то вроде огромного летающего леса. Очень много небесных баньянов и пузырь-древ, разросшихся вокруг… летающего острова. Я не знаю подробностей, извини.

Еще несколько минут Эйхгорн просто неподвижно стоял и таращился на темную громаду. Судя по всему, она приближалась, но слишком медленно, чтобы заметить это невооруженным глазом.

Прохожие не проявляли никаких эмоций по этому поводу. Все вели себя как обычно. Разве что двое детей изумленно тыкали в Алатус пальцами, а молодая женщина что-то им объясняла.

А потом Эйхгорн вспомнил о показаниях вормолеграфа. Стрелка по-прежнему чуть заметно подергивалась. Инженер поднял руку, вытянул ее в сторону Алатуса… и ничего не изменилось.

Ну правильно, до этого аномального образования не менее десяти километров, а длина руки Эйхгорна не составляет и метра. Слишком ничтожная разница. Возможно, когда Алатус подлетит поближе…

Но Эйхгорн был почти уверен, что вормолеграф регистрирует именно его. Точнее, что-то на нем.

И он должен узнать, что именно.

Да и вообще… это же летающий остров! Летающий остров! Это необычно даже по меркам Парифата! Вот что Эйхгорн просто

обязан увидеть своими глазами!

Вернее, побывать – видеть-то он его и так видит. Прямо сейчас.

Сейчас бы сюда телескоп… или хотя бы бинокль…

К полудню Алатус приблизился настолько, что закрыл треть небосвода. Двигался он очень и очень неспешно – примерно со скоростью идущего человека. Но с каждым часом становилось очевиднее, что размеры его поистине фантастичны. Краев просто не было видно – они загибались за горизонт.

Летающий остров?.. Скорее уж, летающий континент.

Шагая по улицам, Эйхгорн напряженно размышлял. Алатус завладел его мыслями полностью, безраздельно. Эйхгорна всегда манило небо и средства передвижения по нему – и вот оно, самое большое летательное средство в двух вселенных! Целая небесная страна!

Как туда попасть? Наверняка существует способ. Портал, быть может?..

Оказалось, что нет. Портальных станций на Алатусе не имеется. По этой же причине затруднительна персональная телепортация. Маги-частники даже между станциями телепортируют по сверхвысокому тарифу, а перемещение вне станций влетит в совершенно несообразные деньги.

Ковер-самолет. Да, это вариант. В Озирии, правда, с ковролетчиками небогато – на острове их услуги менее востребованы. Однако они есть, и тоже возят пассажиров.

Но ковролетчик доставит Эйхгорна только туда (кстати, интересно, сколько он за это запросит?). А возвращаться как? Просто прилететь, посмотреть и тут же улететь глупо, но аренда ковра-самолета на несколько дней Эйхгорну не по карману. К тому же этот Алатус явно расположен на значительной высоте – даже если летающие ковры способны туда подниматься, условия там должны быть некомфортные. Нужно запастись теплой одеждой, снаряжением… примерно таким же, какое требуется для высочайших гор.

И вообще Эйхгорну не хотелось делить с кем-либо такое достижение. Он хотел подняться на Алатус собственными силами.

Вопрос в том, как это сделать.

Для начала Эйхгорн решил узнать об Алатусе побольше. Что он собой представляет, какие там условия, есть ли обитатели, и если да – что собой представляют. В Озирии он еще не был ни с кем толком знаком, а расспрашивать о таких вещах случайных прохожих по меньшей мере странно, поэтому он отправился в место, ради которого, собственно, и прибыл в Озирию.

В библиотеку.

Найти ее оказалось несложно. Любой в Гнозиате знал, где ее искать, как любой в Москве знает, где искать Кремль. Библиотека располагалась в самом центре города – и по сути, сама была маленьким городом.

Библиоград. Вот как называлось это место. Одно из Пятнадцати Зодческих Чудес, с гордостью поведал Эйхгорну околачивающийся рядом бомж… или философ. В Озирии эти понятия почти идентичны.

На Библиоград Эйхгорн смотрел почти так же долго, что и на Алатус. Ибо был он… поразителен. Само слово «библиотека» казалось слишком мелким для этой громады. Ни единого окна и всего одна дверь, но размеры… размеры потрясали.

И отнюдь не только размеры. С самого входа посетителя Библиограда ожидали чудеса. С ворот и привратника.

Ворота оказались волшебными – они пели каждый раз, когда через них кто-то входил или выходил. Привратник не пел – он дремал, опершись на алебарду. Но приглядевшись, Эйхгорн в ужасе понял, что и алебарда, и сам привратник вросли в землю. Из ног обычного казалось бы человека струились древесные корни.

Остальные проходили мимо не задерживаясь. Но Эйхгорн, конечно, не мог не уделить внимания такому явлению. Досадуя, что смартфон давно разрядился и фотоаппарата нет, он просто достал диктофон и подробно описал удивительного привратника.

Эйхгорн охотно бы расспросил его, что это за корни, как такое вообще возможно, но привратник явно не был расположен к беседе. Он тихо посапывал, не обращая внимания на входящих и выходящих, да и вообще был скорее деталью интерьера, чем настоящим вахтером.

Настоящие вахтеры встретили Эйхгорна внутри. Там, в бледно-желтом свете волшебных светильников, сидели два худых человека с прилизанными волосами. Мужчина и женщина, одинаковые как две капли воды. Они буквально просканировали Эйхгорна взглядом, и мужчина полуутвердительно спросил:

– Первое посещение?..

– Первое.

– Десять колец.

Эйхгорн отсчитал десять дырявых медяков, и мужчина молча ссыпал их в раскрытый ящик. Женщина вяло повела рукой и сказала:

– Можете читать что угодно, но наружу ничего не выносить. Выйдете – посещение будет закончено. Если что-нибудь понадобится, можете попробовать обратиться к библиотекарям.

– Попробовать?.. – не понял Эйхгорн.

– Они не любят, когда им мешают. Лучше постарайтесь обойтись без их помощи.

– И еще попрошу вас здесь не курить, – добавил мужчина.

– А разве я курю? – саркастично осведомился Эйхгорн.

– Просто предупреждаю.

– В таком случае попрошу вас в моем присутствии не пердеть. Просто предупреждаю.

На самом деле курить Эйхгорну хотелось сильно. Он уже очень давно не курил. В Ибудуне на каждом шагу встречались кальяны, трубки с табаком и еще какие-то курительные устройства, но нормальных папирос Эйхгорн там не нашел. В Озирии же он вообще пока не видел курящих.

Но, конечно, курить в библиотеке – дело по меньшей мере неразумное.

Огонь здесь был в принципе под запретом. Коридоры и большая часть хранилищ тонули в полумраке, рассеиваемом лишь редкими волшебными светильниками. Их концентрация несколько повышалась в читальных залах, но у многих посетителей были собственные.

Эйхгорн шагал меж бесконечных книжных шкафов и чувствовал какое-то небывалое умиротворение. Он останавливался там и сям, светил на полки фонариком, брал ту или иную книгу, просматривал, ставил обратно.

И все яснее понимал, что ему не хватит жизни, чтобы прочесть хотя бы десятую часть здесь накопленного.

Сложно даже представить, сколько сокровищ сосредоточили стены Библиограда. В основном привычные книги – бумага, картонный переплет. Однако были и другие. Пухлые пергаментные тома в кожаных обложках, плотно скрученные папирусные свитки, даже каменные таблички с вырезанными на них закорюками.

Довольно долго Эйхгорн рассматривал шкаф с книгами из пальмовых листьев. Скрепленные специальными шнурами, они раскрывались подобно вееру, а обложками им служили деревянные дощечки.

Были здесь и книги, на книги вообще не похожие. На некоторых полках лежали клубки с явно узелковым письмом. На других – небольшие кубики из странного вещества. На третьих – нечто вроде обломков хрусталя.

Большую часть книг Эйхгорн мог читать, хотя по-прежнему не понимал, почему знает парифатский. Но здесь встречалось немало текстов и на других языках. Простые и скупые черты твинского. Нежные и плавные линии эльдуальяна. Руническая письменность подгорного. Заковыристые иероглифы ю-яна. Уже

знакомый Эйхгорну Каш.

Названий перечисленных выше языков Эйхгорн ранее не знал. Но книги были рассортированы по темам, жанрам, а также языкам – и на шкафах висели соответствующие таблички. Правда, оставалось неизвестным, кто именно говорит на твинском или эльдуальяне.

Вероятно, твинцы и эльдуальянцы.

Несмотря на эти таблички, найти что-то конкретное было непросто. В Библиограде имелся целый картотечный зал, но он наводил ужас. Там царила темень, по полу дул холодный ветер, в углах скреблись жирные пауки, а вдоль стен стояли жуткие, похожие на гробы железные шкафы. Эйхгорн так и не сумел ни один из них открыть – да не особо и рвался, честно говоря. Именно из таких шкафов в фильмах ужасов вылезают вампиры и прочая нечисть.

В картотечном зале бродило несколько… видимо, библиотекарей. Эйхгорн не посмел обратиться к ним за помощью – очень уж эти создания напоминали морлоков Уэллса. Он вообще старался не глядеть в их сторону. Библиотекари бесшумно перебирали карточки, переносили туда-сюда книги, подшивали им выпавшие листы, подклеивали корешки и вообще выглядели чрезвычайно занятыми.

Еще в Библиограде были сфинксы. Они сидели на каждом перекрестке. Не такие крупные, как тот, что угрожал убить Эйхгорна возле ворот, но тоже весьма внушительные, причем самые молодые – еще и с крыльями. Сфинксы охотно указывали путь и объясняли, как найти ту или иную книгу, но очень скоро Эйхгорн понял, что сфинксы врут. Не всегда, правда, но часто. В среднем каждые три раза из десяти.

Но ориентироваться по библиотечным карточкам было еще сложнее. Сам черт бы сломил ногу в этих странных обозначениях. Что может означать «Рау оуГр О4 Рё*) ЬО4и»? Эйхгорн спрашивал у сфинксов, но те тоже не знали.

Один, правда, сказал, что знает, но не скажет.

И ехидно замурлыкал.

Сфинксами здешняя мифология не исчерпывалась. В Библиограде были еще и минотавры. Они встречались гораздо реже, но лучше бы уж не встречались совсем. На посетителей минотавры громко рычали и требовали соблюдать тишину, сами ее при этом совершенно не соблюдая.

Несмотря на все эти кошмары, Эйхгорн был воодушевлен и очарован. Он провел в Библиограде трое суток, просмотрел больше тысячи книг, и два десятка из них прочел от корки до корки.

Спал он прямо в залах. Вдоль стен часто встречались скамейки, а под нижними полками размещались лежанки. Было удивительно уютно спать там, в пыльной бумажной темноте, рассеиваемой только призрачным светом волшебных фонарей. Тишина стояла гробовая, нарушаемая лишь шелестом страниц, да ревом редких минотавров.

В этом Эйхгорн оказался не одинок – многие ночевали в бесконечных залах Библиограда. Не возникало проблем и с пищей – среди книжных закоулков притаились мелкие торговцы, а в самом центре имелась и довольно большая харчевня. Запрещен был только алкоголь.

Проведя здесь столько времени, Эйхгорн закрыл большую часть лакун в своих познаниях об этом мире. Он вкратце проштудировал его историю, географию и биологию, выяснил политический расклад и тщательно изучил все, что заслуживало изучения.

В плане географии Эйхгорну особенно понравился пухлый альбом с видами величайших парифатских городов. Магические картины, инкарны, были ничуть не хуже фотографий… даже лучше, пожалуй. Была в них какая-то особая насыщенность… почти что трехмерность. Казалось, что это не картина, а стекло, за которым находится реальный предмет – вот сейчас оживет, начнет двигаться. Эйхгорн битый час разглядывал великолепные пейзажи, изображения, сделанные с высоты птичьего полета… скорее всего, теми же ковролетчиками. Один за другим они представали, точно живые…

Грандтаун, столица Грандпайра, крупнейший город в мире…

Ремиль, город вечного праздника, кишащий пляжами, казино, борделями и прочими увеселительными заведениями…

Твинтиж и Твинол, города-близнецы, две столицы Твинской Империи, настоящий триумф геометрии в архитектуре…

Иеавилль, город в земных недрах, населенный подземными циклопами…

Скалитратир, гремлинская столица, утопающий в смоге и паре промышленный гигант…

Ванна, прекрасный город посреди моря, состоящий из удивительных домов-поплавков…

Сенетроллен, сказочный город-парк, расположенный в живописной горной местности…

Шевлар, златобашенное чудо, один из красивейших городов в мире…

Нивалисолий, город в краю вечной мерзлоты, где даже дома строят изо льда…

Бриароген, город вечной тьмы, над которым всегда клубятся

тучи и никогда не бывает солнца…

Панденис, город всех богов, в котором храмов больше, чем жилых домов, а девяносто процентов населения – духовенство…

Вижугору, пиратская столица, город без законов и правил, в котором даже дети ходят вооруженными до зубов…

Урандален, город астрономов и астрологов, находящийся точно на пересечении экватора и нулевого меридиана…

Валестра, столица Мистерии, самый волшебный город в мире…

И десятки, сотни других, не менее замечательных. С горящими глазами Эйхгорн листал страницы альбома, желая непременно увидеть все это вживую, собственными глазами.

Углубился Эйхгорн и в историю. Он узнал, что нынешний Парифат в каком-то смысле – общество постапокалипсиса. Когда-то, очень-очень давно, здесь царила высокоразвитая цивилизация продвинутого волшебства. Оно тогда было на каждом шагу, и каждый третий житель планеты в той или иной степени умел колдовать.

Но закончилось все страшными мировыми войнами, в которых было применено оружие глобального уничтожения – так называемый Апофеоз. Эта штука никак не повлияла на саму планету, и все города остались там же, где стояли. Она воздействовала только на живых существ – взрывала внутри них то загадочное нечто, которое дает возможность колдовать. Обычные люди от этого не пострадали, но вот волшебники… все волшебники мгновенно погибли.

Треть населения планеты.

Неудивительно, что после этого цивилизация скатилась в тартарары. Что если бы на Земле в одночасье погибли все люди с высшим образованием? Все ученые, инженеры, учителя, врачи, программисты…

Насколько далеко было бы отброшено человечество?

Теперь понятно, почему в совершенно разных странах говорят на одном и том же языке. Когда-то он был официальным языком всей планеты и его знали все без исключения. Да, с тех пор прошли тысячелетия, многие части Парифата это время провели в изоляции, развилось множество диалектов и новых языков, да и сам парифатский во многих краях изменился до неузнаваемости… но примерно две трети стран по-прежнему используют его в качестве государственного. Благо транспорт и связь здесь относительно неплохи – спасибо волшебству, – так что поддерживаются контакты даже между очень отдаленными точками.

Кроме того, в исторических хрониках Эйхгорн неожиданно

нашел ответ и на то, как здесь оказался он сам. Не описание механизма червоточин, конечно, а просто тот факт, что для Парифата такие вот гости из иных миров – не такая уж редкость. Причем перемещения бывают двух типов – массовые и одиночные.

Большинство массовых задокументированы. Трудно не заметить появление нескольких сотен, а то и тысяч представителей иной цивилизации – порой с целыми экосистемами, а то и поселениями. Происходит это примерно раз в сто лет и всегда становится историческим событием. Последними такими гостями стали некие кхенаги, явившиеся на Парифат шестьдесят лет назад.

А вот об одиночных известно мало. Судя по всему, большинство гостей-одиночек либо погибает вскоре после появления, либо врастает в социум и живет тихо-мирно, не афишируя свое происхождение.

Как, собственно, и произошло с Эйхгорном.

А читая труды местных географов, он узнал, что на Парифате существует огромное количество аномальных зон разного рода, где происходят чудеса, диковинные даже для этого мира. Огромные территории, куда не суется никто, кроме оголтелых авантюристов.

Взять хоть Черное море – громадное пятно размером с Индийский океан. Вода в нем действительно очень темная, полная какой-то мути, а в воздухе всегда висит плотный туман. Никто не знает, что творится внутри Черного моря, есть ли там какие-то острова, живет ли там кто-то. Из немногих кораблей, рискнувших заплыть в эту громадную аномалию, три четверти исчезают бесследно, а те, что все же выбираются, рассказывают истории а-ля Стивен Кинг.

Или Мертвая Земля. Двести лет назад там взорвалось нечто вроде магической АЭС, и с тех пор все на сотни километров вокруг заражено вредным колдовством. На каждом шагу творится всякая чертовщина, а люди и животные сплошь мутировали в поганую нечисть.

Говорят, теперь там уже не так мерзостно, как сразу после катастрофы, но все равно жуть.

Или Великий Магнетит – остров, вся поверхность которого представляет чудовищной силы магнит. Именно на него, оказывается, указывает стрелка компаса. Он притягивает любые металлы, кроме благородных – поэтому корабль, неосторожно подошедший слишком близко, теряет все металлические детали и разваливается на куски. Если же металла на корабле много, то он и вовсе со страшной силой несется к этому острову и разбивается

вдребезги. Единственный способ нормально подплыть – построить судно из одного дерева, без единого гвоздя в обшивке и с булыжником вместо якоря… ну или использовать серебряные гвозди и золотой якорь.

Эйхгорн с сожалением пощупал зубной имплант в верхней челюсти и подумал, что эту аномалию изучить будет трудновато.

А еще есть Спейя, Нимбузия, Чудоземье, Черные Грязи, Спящее Королевство, Пылающее Кольцо, Большая Помойка, остров Вечной Ночи, образовавшийся совсем недавно Скатуреш… да этот мир просто кишит аномальными зонами!

Однако сильнее всего Эйхгорна по-прежнему интересовал Алатус. Удивительный летающий остров… хотя скорее таки континент. Именно книги о нем он разыскивал в первую очередь.

К сожалению, полезных разыскать удалось всего две. «Легенды небесного континента», написанную путешественником Игхри Марадосом, и «Заоблачный бестиарий» за авторством мэтра Орроко Тавуане. Первой исполнилось уже почти полвека, второй и того больше – сто десять лет.

Так что сведения в них наверняка сильно устарели.

Конечно, это не помешало Эйхгорну их прочесть. Более того, он снял для себя копии. Из Библиограда запрещено выносить книги, зато можно их копировать – неподалеку от выхода расположена своеобразная мини-типография, где четверо волшебников из Репарина за умеренную плату производят точные дубликаты.

Дело было поставлено на поток. Чародей глядел, сколько в книге страниц, выбирал из стопки аналогичную, но чистую, и клал обе перед собой. Левая рука ложилась на исходник, правая – на дубликат, и начиналось… магокопирование. Обе книги перелистывались одновременно, и на страницах второй словно из ниоткуда появлялся точно такой же текст, что и в первой.

Стоило это дело одно кольцо за десять страниц. Еще два кольца – за переплет. Всего через десять минут в руках Эйхгорна были два новеньких, почему-то пахнущих озоном томика. На обоих красовались штампы: «Из книг Библиограда».

Кроме того, Эйхгорн обзавелся еще одной книгой – хотя для ее поиска таки пришлось обратиться к библиотекарю. Жуткое существо выслушало Эйхгорна с нескрываемым отвращением, но все же ушлепало куда-то в темноту и вернулось с небольшим манускриптом «Словарь и грамматика аборигенов Алатуса».

Да, оказалось, что Алатус населен. Причем не людьми, а удивительными крылатыми созданиями – имниями, что на их языке означает «Крылатые». Внизу они встречаются очень редко, на земле чувствуют себя неуютно, с жителями поверхности

отношений почти не поддерживают.

Вот раньше поддерживали – в прежние века всегда спускались, когда Алатус пролетал мимо той же Озирии, устраивали нечто вроде импровизированной ярмарки, обменивали небесные диковины на местные товары. Но потом почему-то стали спускаться все реже.

Так или иначе, язык у имниев свой. Те немногие, что все еще бывают внизу, сносно болтают на парифатском, но вряд ли они составляют большинство. Так что не помешает овладеть хотя бы начатками их диалекта.

Жаль, нет способа послушать, как это произносится. Но и по транскрипции Эйхгорн смог составить общее представление. Судя по ней, среди земных языков имнийский больше всего похож на гавайский – очень певучий, протяжный, а в алфавите всего пятнадцать букв, причем восемь из них – гласные.

– Шесть лет назад я однажды говорил с имнием, – поведал Эйхгорну один из сфинксов. – Он разгадал мою загадку, но думал над ней непозволительно долго. Если все они таковы, мне жаль этих существ.

– Что это была за загадка? – полюбопытствовал Эйхгорн.

– Элементарнейшая. В мешочке лежит восемнадцать изумрудных запонок и восемнадцать рубиновых. В мешочек нельзя заглянуть, но можно просунуть руку. Сколько нужно вытащить запонок, чтобы точно получить сочетающуюся пару?

– Три, – пожал плечами Эйхгорн.

– Легко, правда? – фыркнул сфинкс. – Одна из самых простых у меня. А он думал минут десять.

Глава 42

Более трех суток Эйхгорн провел в Библиограде, не видя дневного света. А когда наконец вышел… то тоже его не увидел. Алатус за это время сдвинулся на сотни километров к востоку и закрыл небосвод полностью, не оставив ни единой щелочки.

Началось то, что в Озирии именовали Долгой Ночью.

Этот период здесь не любили. Жители экваториальных широт, озирцы привыкли купаться в солнечных лучах, но раз в три года им приходилось подолгу сидеть в темноте и мерзнуть. Алатус проползал над островом очень медленно, и за это время под ним успевало ощутимо похолодать.

Тьма наступила кромешная, рассеиваемая только факелами и свечами. Солнце, луна и звезды скрылись за Алатусом, как за громадной крышей. Динамо-фонарик Эйхгорна присоединился к общему хороводу огоньков – прохожие вышагивали тихо и печально, точно призраки. Этот погруженный во мрак Гнозиат нисколько не походил на тот веселый и залитый светом, что предстал перед Эйхгорном всего пять дней назад.

Еще в Библиограде Эйхгорн узнал, что на юге Озирии Долгая Ночь длится десять дней, на севере – двенадцать, а над самим Гнозиатом – одиннадцать. Однако продолжительнее всего Долгая Ночь точно на экваторе – целых семнадцать дней. Кроме того известно, что Алатус движется по одной и той же траектории и всегда появляется через каждые три года и четыре дня.

Длину окружности Парифата Эйхгорн уже вычислил – без малого сто шестьдесят тысяч километров. Нетрудно подсчитать, что если за три года Алатус огибает всю планету, то за сутки он пролетает около ста пятидесяти километров, а его средняя скорость – шесть километров в час. Следовательно, его диаметр – около двух с половиной тысяч километров. Действительно, настоящий летающий континент – пусть и очень маленький, примерно с Австралию.

Кроме того, в Библиограде Эйхгорн перебрал все возможные способы добраться до Алатуса, и в конце концов решил снова кое-что построить. Только вот здесь он этого сделать уже не успеет – всего через две недели Алатус окончательно покинет воздушное пространство Озирии. А на работу потребуется не меньше пары лун.

К тому же нужно обзавестись деньгами. На повседневные расходы Эйхгорну пока хватает, на задуманный проект – нет. У него уже появились мысли, как это исправить, но времени так или иначе уйдет немало.

Изучив карту Парифата, Эйхгорн выбрал для старта остров Кардегарт. Алатус будет пролетать над ним примерно через шесть лун, и там тоже есть портал. Как раз вдоволь времени, чтобы все приготовить.

Точнее, даже чересчур много. Но Эйхгорну не хотелось покидать Озирию так сразу. Ему положительно пришлась по душе эта страна, и он собирался задержаться в ней хотя бы на пару лун. Осмотреть достопримечательности, пообщаться с местными, еще побывать в Библиограде…

К тому же он уже придумал способ, как заработать денег. Именно в Озирии его навыки и способности возможно обратить в наличный капитал. Ибо здесь, как и по всему Парифату, очень любят разные пари и соревнования. Недаром же одна из главных богинь севигизма – Просперина, покровительница игр и удачи.

Причем Озирия в этом плане заметно отличается от всех прочих стран. В ней нет казино, где все зависит только от везения. Нет и арен, на которых сражаются кулаками либо оружием. Нет и стадионов для спортивных состязаний.

Вместо этого в Озирии проводятся научные турниры.

«Что, где, когда», «Брейн ринг», «Своя игра» – подобного рода викторин в Озирии предостаточно. Но на них Эйхгорну по очевидным причинам мало что светило. Конечно, логические задачки или вопросы на общемировые темы он щелкал бы, как орешки, но в местных истории, географии, биологии и тому подобном по-прежнему сильно плавал.

Поэтому Эйхгорн решил начать с царицы всех наук – математики. В Озирии ее почитали чрезвычайно. Однако развита она при этом была хуже, чем на Земле – озирцы все еще топтались в элементарной математике, не намного опережая античных ученых. Создавалось впечатление, что они особо и не стремятся развиваться, предпочитая бесконечно пережевывать то, что уже известно.

Одобрения это у Эйхгорна не вызывало ни малейшего. Однако ему самому это давало огромное преимущество – ведь за его спиной стояли Виет и Непер, Декарт и Ферма, Ньютон и Лейбниц, Эйлер и Лагранж, Гаусс и Кантор. Он владел такими методами, о которых здесь и не подозревали.

Эйхгорн начал с того, что попытал счастья на математическом турнире. Он каждую луну проводился в одном из крупнейших одеонов Гнозиата – Дворце Чисел. Любой желающий мог зарегистрироваться, внести вступительный взнос и в случае выигрыша получить солидный приз.

В назначенный день Эйхгорн явился на отборочные соревнования – и был поражен, увидев масштабы этого шоу.

Алатус по-прежнему закрывал небо, вокруг царила кромешная мгла, но одеон пылал, как новогодняя елка. Сотни факелов и волшебных светильников ярко освещали сцену, а вот трибуны тонули во мраке – но все равно было заметно, как много на них зрителей. Тысячи людей теснились на каменных ступенях, с нетерпением ожидая… не представления, не гладиаторских боев, а соревнований по устному счету!

Хотя не только устному. На сцене стояли шесть грифельных досок, между ними – ширмы, чтобы не возникало соблазна подглядеть. Распорядитель зачитывал обычный арифметический пример, и все бросались его решать. Решивший тут же произносил ответ вслух, и если тот был верным, ему присуждалось очко.

На трибунах царила полная тишина. Никто не пытался подсказывать – за малейший звук здесь выводят из зала и вроде бы даже как-то наказывают. Отвлекать размышляющего в Озирии считается крайне невежливым.

Поначалу примеры шли легчайшие, и участники выкрикивали ответы мгновенно, чуть ли не хором. Каким образом распорядитель определял среди них первого, сложно сказать, но каким-то образом все же определял.

Постепенно примеры все усложнялись. От двухзначных чисел перешли к трехзначным, потом и к четырехзначным. Вслед за своими соперниками Эйхгорн был вынужден перейти к вычислениям на доске. Он все же не был человеком-счетчиком, и настолько большие числа перемножать в уме не мог.

Арифмомания – это, увы, обсессия, а не сверхспособность.

Но в столбик тоже получалось неплохо. Эйхгорн с самого начала выбился в лидеры, а спустя сотню примеров оставил позади большинство соперников. Ноздря в ноздрю с ним двигался только один – некто Тартак. В девяти случаях из десяти первым ответ давал кто-то из них двоих. Причем если Тартак явно считался фаворитом, то от Эйхгорна, темной лошадки, никто подобного не ожидал.

– Семьсот двенадцать тысяч сто шесть умножить на десять тысяч триста тридцать шесть! – провозгласил распорядитель.

– Семь миллиардов триста шестьдесят миллионов триста двадцать семь тысяч шестьсот шестнадцать! – дал ответ Эйхгорн, опередив Тартака на полсекунды.

– Семьдесят! – объявил распорядитель, пристукнув котурнами. – Семьдесят правильных решений у мэтра Эйхгорна против шестидесяти девяти у мэтра Тартака! Мэтр Эйхгорн побеждает и проходит в следующий тур!

Математики оставили свои доски и вышли на сцену –

благодарить зрителей за поддержку. Те оглушительно стучали каблуками, в свою очередь благодаря участников.

Тартак же подошел к Эйхгорну, отвесив легкий полупоклон. То был невысокого роста лысоватый старичок с глубоко посаженными глазами. На Эйхгорна он смотрел с искренним любопытством.

– Мое почтение, мэтр, – сказал Тартак. – Должен признать, вы хороши. Во всей Озирии наравне со мной считают лишь трое… быть может, четверо. О вас я ранее не слышал. Вы иноземец? Где вы научились перемножать с такой скоростью?

– Из одного очень далекого королевства, – уклончиво ответил Эйхгорн. – И в этом нет ничего особенного – просто обычные арифметические навыки.

– Согласен с вами, но… хм, а что за способом вы пользуетесь? – обратил внимание на его доску Тартак.

– Обычное перемножение в столбик. А вы разве не так считали?

– Нет, я использую иной способ. Не согласитесь ли рассказать мне о вашем?

Эйхгорн, разумеется, не отказал. Тартак выслушал очень внимательно, задал пару уточняющих вопросов и согласился, что способ простой и удобный.

Эйхгорн, в свою очередь, спросил, как это делает он. Оказалось, что в Озирии наиболее популярен метод решетки. Для него рисуется прямоугольник, длины сторон которого соответствуют числу десятичных знаков у множителей. Затем прямоугольник делится на квадратики, а каждый квадратик – по диагонали пополам. После этого один множитель пишется сверху, а второй слева, и цифры на пересечении строк и столбцов перемножаются, причем десятки пишутся в нижнем треугольнике, а единицы – в верхнем. После этого остается только сложить цифры вдоль каждой диагонали.

Поначалу этот метод показался Эйхгорну громоздким и неудобным. Но опробовав его на практике, он убедился, что это довольно просто. Озирские математики рисовали такие решетки с удивительной скоростью, и решения производились моментально.

Закончив объяснение, Тартак пожелал Эйхгорну удачи в следующем туре. До него оставалось еще семь дней – очень уж много набралось участников.

Все отборочные соревнования шли по тому же принципу – просто вычисления на скорость, элементарная арифметика. Десять матчей – десять победителей. Потом провели еще и два дополнительных – среди занявших вторые места.

Эйхгорна ничуть не удивило, что одним из этих победителей

оказался Тартак.

И вот теперь началось уже настоящее состязание. В полуфинал вышли сплошь чемпионы, многократные победители математических турниров и обладатели множества наград. Новичков среди них было всего двое – некий безусый подросток и сам Эйхгорн.

Этих прожженных вычислителей уже не обижали примерами для младшей школы. В ход пошли алгебра с геометрией. Уравнения, теоремы, заковыристые задачи. Эйхгорн по-прежнему щелкал их, как орешки, но соперники от него не отставали. Четыре часа они бились на этой сцене, рвали друг у друга победу.

Эйхгорну было неудобно из-за непривычных методов записи. С элементарной арифметикой проблем не возникало – на Парифате тоже используется десятичная система чисел, а в ее пределах вариантов не так уж много. Плюс и минус обозначались иначе, но это были те же самые плюс и минус.

А вот с алгеброй оказалось посложнее. Слишком много элементов парифатцы все еще не додумались упростить.

Например, возведение в степень они обозначали обычным умножением. Не привычное x^2, а xx. И если с квадратом или кубом это выглядело терпимо, то с высокими степенями запись сильно загромождалась.

А, скажем, отрицательные числа в Озирии воспринимались с некой неприязнью. Мол, да, в некоторых вычислениях без этой гадости не обойтись, но желательно по возможности ее избегать. Обозначали их не просто (-1), как на Земле, а непременно (0–1).

Все эти мелочи сказались на результатах Эйхгорна – в своей группе он занял только третье место. По счастью, этого было достаточно – как и в остальных матчах, в финале участвовали шестеро.

И вот финал оказался поистине зубодробителен. Теперь уже задачи выбирал не распорядитель, но сами участники. Правда, давать нужно было не конкретные условия, а лишь общее направление. Извлечь квадратный корень или найти площадь треугольника, зная такие-то и такие-то параметры.

И здесь Эйхгорн вырвался вперед. Да как вырвался! Не испытывая угрызений совести, он сразу использовал запрещенный прием, потребовав от распорядителя… кубическое уравнение.

Когда он это произнес, по трибунам прокатился гул. Взволнованный, удивленный, возмущенный – все разом. В Озирии ведь до сих пор не нашли способа решать кубические уравнения. Знали методы для некоторых частных случаев, но общее решение все еще не открыли.

И теперь, когда какой-то иностранец оказался столь дерзок…

Но вдвое сильнее был гул, когда Эйхгорн с легкостью решил первое из уравнений, данных распорядителем! А потом второе! Третье! В задачах, выбираемых другими участниками, он двигался наравне с остальными, но как только выбор переходил к нему – гарантированно получал очко, еще немного вырываясь вперед.

– Аль-джебр! – картинно выкрикнул Эйхгорн. – Аль-мукабала!

Сейчас он чувствовал себя почти что настоящим волшебником.

Ничего удивительного, что в этом турнире он стал бесспорным победителем. Занявший второе место Тартак отстал на целых три очка.

Получая денежный приз, Эйхгорн все же испытал некоторую неловкость. Что ни говори, а выиграл он не совсем честно.

Однако другие участники так не считали. Эйхгорна шумно поздравляли, восхищаясь его математическим гением. Едва соревнование окончилось, все сразу бросились к его доске, желая узнать, как решаются кубические уравнения, но большую часть вычислений Эйхгорн делал в уме. Того немногого, что он все же написал, было недостаточно.

– Вы и в самом деле заслуживаете победы, мэтр, – задумчиво произнес Тартак. – Однако я льщу себя надеждой, что мне все же удастся взять реванш. Вы ведь будете участвовать и в следующем турнире?

– Обязательно, – пообещал Эйхгорн.

Он и в самом деле не собирался ограничиваться одной победой. Двадцать золотых кругов, что ему только что вручили, – серьезная сумма, но на задуманный проект нужно раз в десять больше.

А значит, придется продолжать.

– Замечательно, – кивнул Тартак, внимательно глядя на Эйхгорна. – Тогда увидимся через луну, мэтр.

Глава 43

Пошла уже четвертая неделя с тех пор, как Эйхгорн прибыл в Озирию. Давно уже скрылся за горизонтом Алатус, озирцы возвратили теплые одеяла в сундуки, а на улицах снова появились пьяные философы.

За проведенное в этой стране время Эйхгорн обзавелся знакомствами, в том числе и с очень полезными людьми. Победа на математическом турнире принесла ему не только деньги, но и известность – многие считали своим долгом выразить почтение столь одаренному светилу.

А еще Эйхгорн неожиданно для себя зачастил в одеон. Тот самый, где спорили о всякой чепухе. На поверку оказалось, что это весьма интересно – главное, не воспринимать дискуссию слишком серьезно.

Особым уважением пользовались краснобаи, способные защитить очевидную ахинею или опровергнуть очевидную истину. Когда какой-то математик сумел доказать, что дважды два – пять, все чуть с ума не сошли от восторга. Приглядевшись, Эйхгорн заметил в его построениях ошибку, которая и привела к такому результату, но не стал поднимать голос.

Очень уж радовалась публика.

Повидал Эйхгорн и прославленного магистра Воизамона. В его присутствии тот доказал, что на свете не существует островов. Ибо остров – это часть суши, со всех сторон окруженная водой, а полуостров – часть суши, окруженная водой со всех сторон, кроме одной. Но если мысленно разделить остров надвое, то мы получим два полуострова… а значит, островов не существует вообще! Всякий остров – это просто набор полуостровов!

Порой во время диспутов магистр ради забавы менял стороны. Он начинал доказывать одно, а заканчивал прямо противоположное – причем с равным усердием. Злые языки утверждали, что дело в его преклонном возрасте – мол, память уже слаба, так что несчастный просто забывает, о чем он говорил в начале.

Но высшей мудростью здесь считалась чистая логика. Правильная, безупречная… но при этом абсолютно бессмысленная. Если публика, оппонент, а в идеале даже ты сам понимают каждое слово в отдельности, понимают даже отдельные фразы, но никому невдомек, о чем же ты, черт возьми, говоришь… это и есть мудрость.

Это и есть философия.

Со временем Эйхгорн принялся диспутировать и сам. Теперь

он вполне усвоил правила этой игры. При диспуте нельзя приводить практические доказательства – это проще всего. Нельзя ссылаться на авторитеты – мало ли что такой-то мудрец все это уже доказал? Докажи сам, причем другим способом! Используй логику, и ничего, кроме логики!

Логику Эйхгорн и использовал. Старался, по крайней мере. Например, прямо сейчас он диспутировал с одним философом о форме Парифата. Его оппонент утверждал, что тот – плоский круг, качающийся на волнах океана.

– Мы знаем, что Парифат твердый, – излагал свои аргументы философ. – Твердые тела неподвижны, если не оказывать на них воздействие извне. Однако бесспорный факт то, что на Парифате нередки землетрясения. Что является их причиной? Очевидно, что это океанские волны, бьющие в края парифатского круга!

– Мой уважаемый оппонент забывает о звездах над головой, – едко заметил Эйхгорн. – Достаточно немного передвинуться на север или юг, чтобы рисунок звездного неба изменился. Отправьтесь на портальную станцию и посетите несколько порталов в разных странах – и вы увидите такие созвездия, которых никогда не видно в Озирии. Может ли это быть, если Парифат плоский?

Оппонент Эйхгорна ненадолго призадумался и развел руками, признавая поражение. Его аргументы исчерпались.

Разумеется, все здесь и так прекрасно знали, что Парифат имеет форму шара. Это известно даже малым детям. Но за время, проведенное в Озирии, Эйхгорн понял, что истина как таковая тут мало кого волнует. Здешние мудрецы любят диспуты сами по себе, безотносительно к их предмету. Им важно не реальное положение дел, а красивые доказательства. Сумеешь убедительно доказать, что Парифат имеет форму банана – сорвешь аплодисменты.

Однако согласившись, что Парифат все же шар, философ заявил, что в таком случае этот шар несомненно неподвижен и находится в центре вселенной. Ведь элементарная логика подсказывает, что все твердые тела должны естественным образом стремиться к центру… и при этом мы видим, что такие тела всегда падают вниз, на землю. Значит, именно Парифат в центре и находится.

Взгляд Эйхгорна на миг стал снулым… но он напомнил себе, что данный индивидуум нарочно отстаивает заведомую ахинею. А ему, Эйхгорну, по правилам игры нужно ее опровергнуть.

И он принялся опровергать. По счастью, в пользу гелиоцентрической системы существует немало чисто логических аргументов. За несколько минут Эйхгорн вкратце изложил

теорию Коперника, объяснил возвратное движение планет, смену времен года и фазы луны, припомнил затмения…

– Подождите-ка, мэтр! – прервал его оппонент, хитро щурясь. – А что вы скажете о причине вращения Парифата? Что именно заставляет его бежать по орбите вокруг Солнца и в то же время вертеться вокруг самого себя этаким волчком?

Эйхгорн терпеливо принялся излагать азы элементарной физики. Публика поначалу терпеливо слушала, но потом стала проявлять признаки нетерпения. Слишком мало нового было для них в речах Эйхгорна.

– Скучно! – наконец крикнул кто-то.

– Скучно! – тут же присоединился второй голос.

– Ску-чно!.. Ску-чно!.. Ску-чно!.. – принялся скандировать весь зал.

– Соглашусь с уважаемой публикой! – возвысил голос оппонент Эйхгорна. – Очевидно, что у богов есть чувство юмора и чувство прекрасного – достаточно оглядеться вокруг, чтобы в этом удостовериться! А значит, они не могли сотворить мир таким скучным! Лично я предполагаю, что Парифат вертится по совершенно иной причине!

– И по какой же? – снуло осведомился Эйхгорн.

– Да просто Парифат полый, а внутри него бежит со всех сил гигантский хомяк, – наставительно объяснил философ. – Именно он крутит Парифат, заставляя его вращаться и вокруг своей оси и вокруг Солнца. И в других планетах тоже есть свои хомяки – все они бегут по своим дорожкам.

– О-о-о!.. – восхищенно протянули трибуны.

– Смелая теория, – хмыкнул Эйхгорн. – Но есть ли у вас доказательства, коллега?

– Разумеется. Нетрудно убедиться, что земля под нашими ногами воняет. Достаточно понюхать свои ноги, чтобы уяснить это. А следовательно, в глубинах кроется огромный источник вони. Что же это, по-вашему, может быть, если не гигантский хомяк?

– Но…

– Что еще это может быть?! – возопил философ.

Распорядитель пристукнул котурнами. Глядя на снулое лицо Эйхгорна, он принялся загибать пальцы – в озирских одеонах, как в боксе, давали диспутантам десять секунд, чтобы подыскать новые аргументы.

Увы, десяти секунд оказалось недостаточно. Эйхгорн так и не смог опровергнуть логическое построение своего оппонента. И тому была присуждена победа – ибо теория Большого Хомяка, как оказалось, идеально объясняет устройство вселенной.

– Но это же бред! – слабо возразил Эйхгорн.

– А что в этом мире не бред?! – возмутился философ. – Что не бред, спрашиваю я вас?!

В приступе сарказма Эйхгорн заявил, что в таком случае Солнце наверняка холодное и не имеет никакого отношения к смене времен года. Земля нагревается сама, путем трения об атмосферу в процессе вращения. А Солнце всего лишь освещает это безобразие.

И вот эта теория неожиданно сорвала бурные аплодисменты.

– Гениально! – вопили на трибунах. – Грандиозно! Вина оратору! Большой кубок!

Эйхгорн принял пожалованный кубок, отхлебнул и устало покачал головой. Нет, на сегодня с него хватит философских дискуссий.

Хотя вино неплохое.

Уже на выходе со сцены к нему подошел оппонент, приложил руки к груди и любезно сказал:

– Кажется, мы еще не знакомы, коллега. Я Диттрек.

– Эйхгорн, – представился в ответ Эйхгорн.

– Весьма приятно. Вы знаете, мне понравилось с вами диспутировать. Ваши аргументы такие… банальные.

Эйхгорн ответил снулым взглядом, не зная еще, как воспринимать услышанное – как неудачный комплимент или издевку.

– Нет-нет, не примите в обиду! – спохватился Диттрек. – Я имею в виду, что если не считать вашего последнего выпада про Солнце – весьма залихватски, браво! – вы неизменно приверженец классических знаний, и отстаиваете всегда только их. Публика все это знает и сама, поэтому ваши умопостроения не вызывают интереса.

– Да, я уже понял, – хмуро согласился Эйхгорн.

– Но это у вас получается очень хорошо. И поэтому я хотел бы предложить вам работу.

– Какого рода работу? – не понял Эйхгорн.

– Нечто вроде партнера по диспутам. Видите ли, я баллотируюсь в принцепсы и часто выступаю перед избирателями. Многие мои речи… большинство, на самом деле… построены по принципу «диалога с дураком»… понимаете, что это значит?

– Некто недалекий задает вам разного рода вопросы, а вы на них отвечаете.

– Вот-вот! – обрадовался Диттрек. – Только не только вопросы – он еще и спорит со мной… пытается спорить. А я, само собой, блестяще его разбиваю. Понимаете?

– Понимаю. Как белый и рыжий клоуны, так?

– Не очень понял вашу мысль… – осторожно заметил философ.

Эйхгорн вкратце объяснил принцип, и лицо Диттрека просветлело.

– Да, именно так, – согласился он. – Действительно, шуты этот прием используют нередко… но это работает отнюдь не только с комедией. Каждому харизмату нужен простой, обычный, неприметный партнер, который будет его оттенять и в нужный момент взвешенно критиковать. И мне кажется, вы подойдете идеально.

– Я…

– И нет-нет, поймите правильно, я не считаю вас дураком! – перебил Диттрек. – Вы несомненно чрезвычайно умны… да-да, я слышал о вашей победе на турнире! Простой, обычный дурак мне как раз и не нужен – да и не водится таких у нас в Озирии. У нас даже последний пахарь может часами рассуждать о высоких материях. Именно поэтому мне нужен кто-нибудь высокоученый, но с негибкими рассуждениями… как вот вы.

– Ясно, – только и сказал Эйхгорн, равнодушно глядя на Диттрека.

– И я хорошо заплачу.

– Сумма?..

– Тридцать золотых кругов. Ваши обязанности будут необременительны, а с меня к тому же стол.

Эйхгорн подумал… и согласился. Почему нет, в самом-то деле?

И уже со следующего дня он стал оппонировать Диттреку на публичных диспутах. Поначалу он думал, что все это будет заранее срежиссированными спектаклями, однако ж нет – философа подобное предположение возмутило. Просто возражать заученными фразами ему мог бы кто угодно, да и собаку съевшие на диспутах озирцы мгновенно раскусили бы театральщину.

Нет, Диттрек хотел от Эйхгорна именно искренней реакции и настоящего спора. В своих силах он был абсолютно уверен – и не зря, как выяснилось. Да, логику он постоянно использовал вывернутую и сюрреалистичную, но за словом в карман не лез никогда, мгновенно подбирая встречные аргументы. При этом он еще и умел в нужный момент отступить, признать правоту собеседника и поблагодарить за то, что тот научил ему чему-то новому. Это тоже выставляло его в очень выигрышном свете – люди видели, что для него важнее найти истину, чем оказаться правым.

Избирался Диттрек на должность принцепса. И у него были

очень хорошие шансы – в городе он пользовался популярностью, его многие знали, и он действительно умел расположить к себе избирателей. В своей группе он тоже зарекомендовал себя с наилучшей стороны – протофилархом его выбирали вот уже восьмой раз подряд.

Вообще, в Озирии выборными оказались все должностные лица. Каждые тридцать семей объединены в группу и каждый год избирают себе старшину – филарха. Делается это просто на сходке – типа домового собрания. Обязанности у филарха примерно такие же, как у деревенского старосты или управдома – администрирование и решение бытовых вопросов.

А тридцать таких вот семейных групп составляют кафедру, и во главе их стоит протофиларх. Протофилархов избирают из числа филархов, но только тех из них, что являются философами. Они образуют сенат, который избирает большую часть других должностных лиц, заслушивает их отчеты и решает важные городские проблемы. И в отличие от филархов, протофилархов переизбирают лишь раз в три года.

Принцепс же избирается филархами из числа протофилархов, но только тех из них, что имеют широкую народную поддержку. Принцепс – это не правитель, а скорее спикер. Он организовывает заседания сената и осуществляет общее руководство протофилархами. Должность принцепса несменяема, если он не заподозрен в стремлении к тирании.

Вообще, правительство в Озирии не проявляло чрезмерной активности, предоставляя народу жить, как ему заблагорассудится. Большинство мелких вопросов решались на семейных сходках, вопросы покрупнее – в сенате. Четко прописанного законодательства не было, прецедентное право отсутствовало, каждое дело рассматривали индивидуально. Филархи и даже протофилархи не были особо загружены, так что у них оставалось вдоволь времени, чтобы заниматься лабудой.

А в Озирии очень любили заниматься лабудой.

Обязанности Эйхгорна действительно оказались необременительны. Публичные диспуты проводились не каждый день – обычно Диттрек просто ходил по городу, ручкался со всеми подряд и просил филархов за него голосовать. А поскольку филархи обычно голосовали так, как им советовали в их группе, Диттрек обращался и к простым людям. У него для каждого находились несколько слов и обещание сделать нечто, что именно вот этому горожанину нужно позарез.

К каждому встречному Диттрек обращался по имени. При этом сам он, разумеется, не помнил и не мог помнить имен всех горожан – это за него делал номенклатор. Личный секретарь-

твинодак. Эти лишенные всяких эмоций существа с похожими на молотки головами обладали совершенно компьютерной памятью, способной вместить целые терабайты информации. Номенклатор повсюду сопровождал Диттрека и шептал ему на ухо имя, род занятий и семейную принадлежность каждого, кто попадался на пути.

Номенклатор служил хозяину не только живым компьютером, но и буквально записной книжкой. При необходимости Диттрек писал прямо у него на голове – благо волосы у твинодаков не растут, а их кожа грубая и шероховатая, как аспидная доска. Собственно, это вообще не кожа, а нечто вроде мягкого хряща – твинодаки, как с удивлением узнал Эйхгорн, не только не млекопитающие, но даже и не позвоночные.

Сегодня Диттрек с Эйхгорном посетили гнозиатскую выставку чудес. Нечто вроде музея, только с постоянно меняющимися экспонатами. Любой желающий мог притащить туда что угодно и выставить напоказ. Когда в здании заканчивалось место, самые непопулярные экспонаты возвращали владельцам.

Самые популярные же выставлялись подолгу, и их хозяева даже зарабатывали на этом какие-то деньги. Выставка содержалась в складчину группой меценатов, и часть вкладываемых ими средств распределялась между лучшими чудесами.

Никакой системы в экспонатах не усматривалось – все вперемешку. На бархатной подушке возлежал огромный бриллиант, а рядом – заспиртованный уродец в банке. Чучела диковинных животных, великолепные произведения искусств, редкие растения и разные волшебные предметы – все свозилось сюда, напоказ зевакам. Посреди огромного зала прямо из пола росло огромное дерево – его решили не трогать, когда строили здание.

Эйхгорн поражался, как у Диттрека еще не отвалилась рука. Только за последний час он поздоровался по меньшей мере с тремястами человек. Сегодня на выставке проводилось какое-то мероприятие, при многих экспонатах присутствовали их владельцы – они давали пояснения, рассказывали о своих сокровищах, некоторые даже показывали в действии. А поскольку все это были люди известные и уважаемые, Диттрек обихаживал каждого из них.

Особенно Эйхгорна заинтересовал стенд, принадлежащий мэтру Уграну, одному из самых видных натурфилософов. Своего рода озирский Архимед, он был единственным ученым этой страны, которого интересовала прикладная наука. Единственным,

который размышлял, как применить все эти мудрствования на практике.

И именно поэтому он пользовался репутацией чудака, а остальные мудрецы и философы относились к нему в лучшем случае снисходительно. Благо Озирию не осаждал римский флот, и ей не требовались боевые машины.

Впрочем, Угран специализировался не на боевых машинах, а на мирных. На выставке чудес он, например, представлял собственноручно сконструированный механизм, являющийся по сути паровой машиной. Водяной пар заставлял подниматься поршень, вращающий колесо. Вода в котле нагревалась тем же способом, что применил Эйхгорн в своем самолете – обычный жаркамень. Чрезвычайно полезная штука, здорово экономит ресурсы.

Увы, интереса машина Уграна у публики не вызывала. На нее, конечно, смотрели, удивлялись, но только лишь как забавной игрушке. Экая махина, сама крутится, да при этом еще и безо всякого волшебства! Додумаются же люди!

Эйхгорн посочувствовал бедному изобретателю. В этом мире его никто не оценит – просто потому, что здесь есть магия. Кто станет вкладывать деньги в революционное технологическое направление, когда можно нанять волшебника, который сделает то же самое быстрее и дешевле?

Конечно, в долгосрочной перспективе технологии будут эргономичнее и принесут гораздо больше пользы, но когда это среднего обывателя заботила долгосрочная перспектива? Кого волнует то, что окупится только через десятилетия, если не через века?

Эйхгорн попытался даже расписать Диттреку, какие выгоды откроются перед Озирией, если вложиться в машины Уграна, поддержать его изобретения. Насосы! Мельницы! Гидравлический пресс! Самоходный транспорт! Даже на самой ранней стадии развития паровая машина может принести немало благ.

Диттрек мгновенно ухватился за возможность… поспорить. Прямо на выставке он развернул перед импровизированной публикой настоящее полотно ораторского искусства, в два счета доказав, что все измышления мэтра Уграна – суть тлен и суета. К концу его речи даже сам Угран уныло кивал, разочарованно глядя на свое творение.

Впервые Эйхгорн задумался, правильно ли он делает, что поддерживает такого кандидата…

Впрочем, остальные ничем от него не отличаются. И то сказать – кто пойдет в политику, кроме идиотов?

И однако Эйхгорн продолжал предлагать Диттреку разные

нововведения. С парибульским королем у него так ничего и не получилось, но тот был косным ленивым царьком, полностью удовлетворенным своим сонным царством. Этот же чудаковат, но по крайней мере умен – очень умен. Его сложно назвать прогрессивным… но должен же он в конце концов понять!

Но он не понимал. Точнее, даже не пытался. Диттрек снисходительно выслушивал Эйхгорна и на пальцах объяснял, что тот городит чушь.

Например, водопровод. В Озирии уже была вполне приличная система доставки воды – только вот текла та не по трубам, а по акведукам. По всему острову протянулись многокилометровые каналы на высоких каменных столбах, при том что никакой действительной нужды в них не было. Просто когда все это строили, озирцы еще не открыли закон сообщающихся сосудов, и полагали, что вода в принципе не способна течь вверх. Соответственно, все их акведуки были возведены так, чтобы постоянно идти под уклон.

Но с тех пор Озирия все же заметно продвинулась в изучении физики. Теперь все здесь знали, как на самом деле будет вести себя вода в трубах. Однако никто даже не чесался усовершенствовать эту древнюю систему. Ведь она же работает. А если она работает – к чему что-то менять?

Точно так же было воспринято и предложение о переходе на метрическую систему. Парифат в этом отношении был все же прогрессивен – в большинстве стран система мер и весов использовалась одна и та же (озирская). Длину измеряли ногтями, пальцами, локтями, прыжками, вспашками. Вес – песчинками, камешками, камнями, валунами, скалами. Объем – ложками, чарками, ковшами, ведрами.

Только вот соотношения между этими единицами были неочевидными. Так, в одной вспашке – сто тридцать прыжков. В прыжке – девять измеров. В измере – три локтя. В локте – три пальца. В пальце – девять ногтей. В ногте – девять срезов.

С весом и того хлеще. Кроме основной, «каменной» системы использовалась параллельная – где вес мерили в коровах, овцах, кошках, яйцах и зернах. Обе ходили наравне, между собой никак не соотносясь.

Конкретные величины тоже не несли никакого внятного смысла. Вот в метрической системе все просто и элегантно: один миллилитр воды занимает один кубический сантиметр, весит один грамм и нужна ровно одна калория энергии для того, чтобы нагреть его на один градус по Цельсию (который является одним процентом от разницы между температурами точки замерзания и точки кипения). А если взять водород с массой в один грамм – в

нем будет ровно один моль вещества.

А вот в английской, например, системе подобное просто невозможно. Какой объем занимает галлон воды комнатной температуры? Сколько энергии нужно, чтобы его вскипятить? Да черт его знает. Эти величины в принципе нельзя сравнивать напрямую.

Или температура. Шкала Цельсия – самая удобная из существующих. Кельвин лучше при расчетах, но не в повседневной жизни. Неудивительно, что весь мир пользуется Цельсием.

Почти весь. Кое-где по-прежнему отдают предпочтение шкале Фаренгейта. Хотя когда Фаренгейт ее составлял, то собрал все косяки, какие только сумел. За сто градусов принял температуру тела человека… что было, в общем, не самым худшим решением. Только вот он не удосужился замерить температуру хотя бы у двух людей, ограничившись своей женой, которая в тот день как раз простудилась и пылала, как печка. Ну а за ноль Фаренгейт принял температуру таяния смеси воды, льда и нашатыря. Что заставило его выбрать именно эту смесь, он и сам потом не смог объяснить.

Почему этот бред вообще пошел в народ и даже до сих пор используется в некоторых отсталых странах – совершенно непонятно.

Впрочем, на Парифате температурной шкалы как таковой не существовало. Неудивительно, если учесть, что термометр тут все еще не изобретен. Медики определяют температуру тела просто осязательным контактом или в крайнем случае пульсовым методом. Для иных здешних нужд знание точной температуры и вовсе не требуется – хватает обычных человеческих ощущений.

Все эти рассуждения Диттрек выслушал даже с некоторым интересом, а потом рассказал, насколько долго и трудно внедрялась нынешняя система. Причем основная заслуга тут принадлежала вовсе не Озирии, а севигистской церкви – именно она разнесла по всему миру многие общепринятые стандарты. Нынешнюю систему мер и весов, календарь и тому подобное.

Потребовались века, чтобы это все прижилось в каждом уголке света – и теперь мэтр Эйхгорн предлагает начать заново? Опять переучиваться? Переделывать линейки, весы, гири? Пересчитывать географические расстояния, менять указатели и дорожные знаки? Переписывать все справочники, все научные труды?

Эйхгорн мог возразить, что на его родной Земле с подобным как-то справились. Да, на переходном этапе неудобства неизбежны, но это не так страшно, как может показаться. Зато

потом все окупится сторицей.

Но он не стал этого говорить, поняв, что здесь это все равно никому не нужно.

Окончательно его в этом убедила презентация, которую Диттрек устроил для протофилархов. Он пригласил их на Тяганский холм, что возвышался близ Гнозиата, и горделиво заявил:

– Друзья мои! Ученые коллеги! Сегодня я представлю вам совершенно новое, инновационное и воистину потрясающее доказательство того, что Парифат движется.

Все возбужденно загомонили, Эйхгорн воспрянул духом. Значит, все не так уж плохо – в Озирии все-таки ведутся исследования, проводятся эксперименты… интересно, что именно Диттрек собирается показать?

А народу-то собралось немало. В озирском сенате на данный момент было шестьдесят три протофиларха – явились почти все, причем многие с женами, детьми, другими родственниками. Пришли потаращиться и просто зеваки – Диттрек очень широко разрекламировал это свое мероприятие.

– Вы мне понадобитесь, коллега, – шепнул он Эйхгорну перед тем, как начать. – Прошу вас внимательно наблюдать за экспериментом – это как раз одно из тех практических доказательств, что вы так любите.

Эйхгорн и так был весь внимание. Однако он нигде не видел ничего, похожего на астрономические приборы или иные средства проведения наблюдений. Только толпа народу, да гора круглых валунов.

Возможно, эксперимент будет магическим?..

Но он таковым не оказался. По знаку Диттрека парочка дюжих детин принялась скатывать с холма те самые валуны. По склону они катились быстро, приминая траву, на ровной поверхности их движение замедлялось, и в конце концов они останавливались совсем.

И больше ничего не происходило.

– Прошу убедиться! – торжествующе указал на это Диттрек. – Вот оно – доказательство!

– И что конкретно это доказывает? – осведомился Эйхгорн.

– То, что часть Парифата несомненно движется. В этом можно убедиться собственными глазами. А раз движется часть – должно двигаться и целое.

Взгляд Эйхгорна мгновенно стал снулым. Зато все остальные пришли в экстаз. Протофилархи обступили Диттрека и принялись хлопать его по плечам, поздравляя с таким изящным доказательством.

– Можете рассчитывать на мой голос, коллега! – слышалось из леса голов.

– Великолепное умозаключение!

– Воистину вы первый среди нас!

Разумеется, Диттрека избрали принцепсом почти единодушно.

Глава 44

Прошло еще две луны. Эйхгорн совсем обжился в Озирии. Библиоград, одеоны, выставка чудес – все это стало ему почти родным. И каждый день он продолжал обнаруживать в Гнозиате что-нибудь новое и удивительное.

Сегодня, например, он посетил выставку талантов. Это напоминало выставку чудес, только выставлялись здесь не экспонаты, а живые люди. Целыми сотнями они восседали в специальных нишах, хвастаясь всем подряд. Одни пели, другие играли на музыкальных инструментах, третьи что-то декламировали… и никто, в общем-то, никого не слушал. Стоял такой гвалт и кутерьма, что все выступления сливались в бессвязный гул.

Пройдясь по выставке, Эйхгорн нашел в ее «экспонатах» некоторое сходство с телеканалами. Они точно так же выступали не для кого-то, а просто в пустоту, ничуть не волнуясь, смотрит ли кто-то на них в данный момент.

Хотя некоторые все же вели диалог с публикой. Одна девушка, например, приглашала любого желающего с нею потанцевать. Строгого вида усатый дядька обучал столярничать. А какой-то взъерошенный тип хватал неосторожных зрителей за грудки и орал им в лицо, что он вегетарианец.

Эйхгорн сам подумывал здесь выступить – свободных ниш хватало. Но потом решил все же не растрачиваться на всякую чепуху. Уж лучше провести еще диспут-другой в одеоне – там оппоненты хоть и эксцентричные, но внимательно тебя слушают.

Новый принцепс не обманул Эйхгорна, расплатился сполна. В общем-то, работенка действительно была непыльная – знай, стой рядом с саркастичным видом, да высказывай критические замечания. Диттрек каждый раз парировал их с таким изяществом и легкостью, что все впадали в экстаз.

То, что при этом он нес феерическую чушь, никого не смущало.

Эйхгорн был уже близок к необходимой сумме. Более того – в Библиограде он узнал об одном удивительном парифатском веществе, благодаря которому его проект еще удешевлялся. Хотя прочтя его описание, Эйхгорн сначала не поверил, приняв это за чью-то выдумку.

Но потом удостоверился на практике и загорелся пуще прежнего. Насколько было интересно создавать новый тип двигателя на основе жаркамня, настолько же должно быть интересно и… о, Эйхгорн уже предвкушал!

В принципе, он прямо сейчас мог отправиться на Кардегарт и там спокойно заниматься проектом, ожидая прибытия Алатуса. Но он все еще оттягивал – так уж ему нравилось в Озирии. Не будь Эйхгорн так неугомонен, не влеки его постоянно новые горизонты и неразгаданные аномалии, он охотно осел бы здесь навсегда.

Конечно, ученые Озирии по большей части занимались лабудой. Измеряли муравейники, проводили соцопросы, кормили сыром утконосов, коллекционировали божьих коровок, изобретали квадратные колеса, разрабатывали лекарство от всех болезней, выясняли значение имен, создавали идеальные бутерброды, скрещивали человека с овцой и писали диссертации. Но делали они это с таким искренним энтузиазмом, что поневоле заражали им окружающих.

Перед отбытием Эйхгорн собирался еще раз выиграть математический турнир. Он уже три раза становился чемпионом, три раза забирал призовой фонд – и планировал сделать это в последний, в четвертый раз.

Начался турнир так же, как три предыдущих. Отборочный тур, полуфинал. В них Эйхгорн был на равных с другими участниками, так что расслабляться не приходилось.

Но он благополучно прошел. И в финале вновь оказались все те же лица, в том числе и Тартак. В предыдущем турнире тот почему-то не участвовал, но теперь вот вернулся.

Эйхгорна он поприветствовал тепло, пожелал удачи. Тот пожелал удачи в ответ, но мысленно посочувствовал.

По жребию Эйхгорну предстояло выбирать задание четвертым. Первый участник заказал деление дробей, второй – вычисление гипотенузы, третий – нахождение всех младших делителей для трехзначного числа. Пока что все шло ровно, Эйхгорн заработал одно очко, уступив два других Тартаку и еще одному сопернику.

Но вот ход дошел до него. И он, как обычно, заказал кубическое уравнение. Распорядитель, уже готовый к этому, без раздумий произнес:

– $4xxx-19xx+19x+6=0$

Мелок Эйхгорна застучал по доске. Остальные, разумеется, тоже принялись искать ответы – и в конце концов они наверняка их найдут. Если уравнение не слишком сложное, его корни можно отыскать и простым подбором.

Но времени это займет гораздо больше, чем решение по формуле Виета. Еще полминуты, и Эйхгорн…

– Два! Три! И ноль минус одна четвертая! – раздался веселый голос.

Эйхгорн резко развернулся, точно его ужалили. Мысленно доканчивая вычисление, он убедился, что ответы верные… но как?! Кто?!

Тартак. Он стоял с довольной улыбкой, а на его доске красовались стройные ряды символов. То была не формула Виета, а скорее формула Кардано, причем загроможденная лишними деталями… но она была там!

– Коллега… как вы… – не мог найти слов Эйхгорн.

– Да, мне составило немалых трудов найти этот способ, – произнес Тартак, аж жмурясь от удовольствия. – Но я знал, что он уже открыт вами, а следовательно существует. Так что оставалось только приложить усилия для его поиска.

Несколько секунд остолбеневший Эйхгорн просто стоял и хлопал глазами. А потом… согнулся в поклоне. Почтительно поклонился великому, по-настоящему великому математику.

Невелика заслуга – пользоваться формулой, которую узнал еще в школе. А вот открыть ее самостоятельно, да еще в столь краткий срок… этот старик заслуживает исключительного уважения.

Огромная честь – знакомство с таким человеком.

Тартака изрядно смутила такая реакция Эйхгорна. Кажется, сам он не видел в своем свершении ничего особенного. Просто решил заковыристую задачку, делов-то.

– Коллеги, коллеги, к порядку! – воззвал распорядитель. – Мы все потрясены достижением мэтра Тартака, но турнир продолжается! Займите же свои места, коллеги, нам предстоит еще немало вычислений!

Эйхгорн вновь принялся сражаться за очки. И, конечно, он мог продолжать заказывать задачи, решения которых Озирия еще не знает. Хотя бы уравнение четвертой степени – вряд ли Тартак успел разгадать и его.

Но он не стал этого делать. Просто не стал. Ему больше не хотелось пользоваться своим преимуществом, так что теперь Эйхгорн заказывал те же задания, что и все.

Да и Тартак, как он заметил, кубических уравнений не запрашивал. Иначе турнир превратился бы в поединок их двоих.

Без секретного оружия соревнование стало гораздо напряженнее. Однако Эйхгорн все равно выиграл – хотя с разницей всего в одно очко, вырвав его буквально на фотофинише.

И этой своей победой он гордился сильнее, чем тремя предыдущими. Ибо в этот раз победил на равных.

По окончании турнира они с Тартаком беседовали не один час. Эйхгорн раскрыл ему формулу Виета и поначалу хотел

поделиться и другими земными знаниями… но передумал. Озирские ученые ищут не ответов, а решений – и эти решения они хотят найти самостоятельно. Пусть они будут ошибочными, пусть искать придется долго – но это будут их решения, и только их.

С этим Эйхгорн и покинул Озирию. Прекрасная страна, поистине прекрасная. Несмотря на отдельные дикости – лучшая из всех, в которых Эйхгорн бывал. Но пришло время двигаться дальше, и он вновь вступил во врата портальной станции.

На сей раз на поясе Эйхгорна приятно тяжелел мешочек с золотом. Хотя нет, не так уж приятно. Вроде и сумма-то небольшая – всего двести золотых кругов. Все, что Эйхгорн заработал за целые луны разными способами.

Двести монет. Один маленький мешочек. Только вот весит он почти килограмм.

Золото – чертовски тяжелый металл.

Портала на Кардегарт нужно было ожидать дольше суток, так что на сей раз Эйхгорн все-таки прибег к услугам рассчитывателя и прошел сложным маршрутом. Почти полтора часа он ходил через порталы, дивясь фантастическим пейзажам и невероятным существам. Озирия – Новая Страна – Шейзия – Оптималия – Нбойлех – Шевларийская империя – Зиморог – и наконец Кардегарт.

Все-таки удивительные места – эти портальные станции. Чем-то сродни земным аэропортам, но еще более… особенные. Попав на такую станцию, ты оказываешься в волшебной точке, из которой можешь переместиться в любое место в мире… не совсем любое, конечно, но все равно. Один шаг – и перенесешься в другую страну, на другой остров или континент.

Непередаваемое ощущение. Ты как бы одновременно везде.

Эйхгорн даже задумался о том, чтобы отложить основной проект и просто попутешествовать. Благо парифатская система порталов представляла для этого широчайшие возможности. Не во все страны допускали свободно – например, для Новой Страны или Оптималии требовались визы, – но в большинстве с этим не заморачивались.

Но в конце концов он все же решил приберечь это на потом. Его аж жгло желание добраться до Алатуса, разгадать его загадку. И свою временную базу Эйхгорн стал обустраивать на острове Кардегарт.

Тот для этого подходил как нельзя лучше. Кардегарт не славился учеными и философами, как Озирия, не было там и таких свободных нравов, но в целом государство процветало. Здесь уже больше тысячи лет царил мир, а потому жители даже несколько обросли жирком.

Когда-то было не так. Еще в Озирии проштудировав историческую литературу, Эйхгорн узнал, что в прежние времена остров Кардегарт делился на пять государств – и уж тогда они только и делали, что били друг другу морды. Но однажды они объединились, и после этого воевать стало просто не с кем. Кардегарт расположен посреди океана, других стран поблизости нет, а через портал вражеская армия не явится – Мистерия это гарантирует.

Здесь по улицам не бегали голые философы с огурцами. Вместо них расхаживали вразвалочку высокородные богатеи, неся впереди себя необъятные животы. Издали эти сливки общества напоминали свадебные торты – облаченные в роскошные одежды светлых тонов, с прическами-башнями, увешанные драгоценностями так, что не оставалось живого места. Пальцы-сардельки унизывали великолепные перстни, с жирных шей ниспадали тяжелые ожерелья, в ушах висели золотые клипсы, а длинные завитые ресницы походили на крылья бабочек.

За каждым аристократом следовала вереница слуг. Был среди них опахальщик, заботящийся о том, чтобы хозяина не мучил зной. Был кофишенк, по первому слову хозяина подносящий сладости и прохладительные напитки. Был вооруженный до зубов гайдук, устремляющий арбалет на каждого, кто подходил слишком близко. И был даже стулоноша, волокущий на закорках стул… скорее даже, небольшое креслице. Богачу стоило остановиться и чуть согнуть колени – стулоноша уже подставлял кресло, чтобы хозяин мог дать отдых ногам.

Эйхгорн выбрал для проживания уединенное местечко в сельской местности. Неподалеку от крупного города, но не в нем самом. Для задуманного им проекта требовался простор и поменьше любопытных глаз.

Он даже нанял сторожа, чтобы в его отсутствие по рабочей площадке никто не шлялся. Обошлось это недорого – на поданное объявление откликнулся всего один человек, вышедший в отставку наемник. Будучи в преклонных годах, да к тому же с покалеченной ногой, много он не запросил.

Новый сторож оказался не только хромым, но и немым. Насколько Эйхгорн понял по его жестикуляции, язык ему вырезали еще в молодости. Голос наемнику не принципиален, так что это на карьере не сказалось. Вот нога – дело другое.

Инструкции Эйхгорн выдал своему работнику самые элементарные. На территорию никого не впускать, разворовывать имущество не позволять. Дедуган выслушал, издал утробное «А-а-а!..», заменяющее ему все слова, переложил с плеча на плечо пику и уселся у ворот.

Местечко, которое облюбовал Эйхгорн, раньше было дачной усадьбой. Но несколько лет назад она сгорела, хозяин-богатей купил себе другую, а на эту просто махнул рукой. За прошедшее время территория заросла бурьяном, а к обугленным развалинам никто не приближался. Разве что козы иногда наведывались попастись, да хуторские мальчишки прибегали поискать сокровищ.

И теперь прямо здесь, на заброшенном пустыре, Эйхгорн принялся обустраивать взлетную площадку. Только не для аэроплана на сей раз, а для аэростата.

Он решил подняться к Алатусу на воздушном шаре.

Аэростат – самое древнее и самое простое летательное средство. Самый первый поднялся в воздух еще в восемнадцатом веке – шар братьев Монгольфье. Построить подобное вполне реально даже в средневековых условиях.

Проще всего было с гондолой. Эйхгорн нашел в городе артель профессиональных корзинщиков и заказал им корзину… очень большую корзину. Увидев чертеж, мастера ужасно удивились, несколько раз переспрашивали, не напутал ли уважаемый клиент с размерами, но когда убедились, что нет – только пожали плечами. Хозяин барин.

Эйхгорн лично выбрал прочную, но легкую лозу и попросил сделать дно из морской фанеры.

Не возникло проблем и с тросами. Их Эйхгорн приобрел на судоверфи – обычные пеньковые тросы, несмоленые. Конечно, просмоленные прослужили бы дольше, но Эйхгорн не собирался летать на этом шаре годами. Ему важнее была прочность.

Вот с куполом было потруднее. Нейлоновую ткань, конечно, достать не удалось, поэтому Эйхгорн решил действовать по старинке. Он взял обычную шелковую ткань и смочил ее раствором каучука, получив вполне пригодную оболочку.

Каучук обошелся недешево – оказалось, что на Парифате гевеи произрастают в одном-единственном месте, островном государстве Каус. Разумеется, те вовсю пользуются своей монополией, заламывая несусветные цены. Семена драгоценного дерева неоднократно вывозили контрабандой и пытались разводить в других краях, но те по какой-то причине упорно не всходили.

Из-за этого звериного оскала капитализма Эйхгорну пришлось выложить немало монет. Но зато он обзавелся хорошим прочным куполом, только и ждущим, чтобы его надули.

Обдумывая свой проект, Эйхгорн особенно долго размышлял над тем, чем его надувать. Первым делом он отверг вариант с монгольфьером. Нет ничего проще, чем наполнить шар просто

горячим воздухом, но у таких аэростатов слишком мала подъемная сила, и они слишком уязвимы к уменьшению давления. Вряд ли монгольфьер вообще сумеет подняться на высоту Алатуса.

Поначалу Эйхгорн собирался сделать шарльер, только не мог решить – на водороде или на гелии. Водород легче и его проще достать, но он взрывоопасен. Гелий безопасен, но более труднодоступен. Эйхгорн не был уверен, что ему удастся раздобыть нужное количество.

Однако оба варианта отправились в корзину, когда Эйхгорн узнал о наличии на Парифате того, что на Земле существовало только в фантазиях средневековых химиков. Газ, обладающий совершенно невероятными, непостижимыми свойствами.

Флогистон. Вот как назывался этот элемент. Именно флогистоном Эйхгорн планировал наполнить свой шар, создав принципиально новый тип аэростата… эйхгорньер, если можно так выразиться.

Вряд ли, конечно, он здесь первопроходец. Наверняка кто-то на Парифате додумывался до такого и раньше. Но в Библиограде Эйхгорн не нашел о том никаких сведений, расспрашиваемые им ученые тоже о подобном не слышали, так что пусть будет эйхгорньер.

Хорошее же слово.

Флогистон на Парифате встречается пусть и не повсеместно, но достаточно часто. Некоторые растения и животные выделяют его из воздуха – и благодаря этому летают.

Ибо самое невероятное во флогистоне то, что его вес отрицателен.

Это не гипербола, не фразеологизм – он по-настоящему отрицателен. Все вещества падают вниз – флогистон падает вверх. Если хочешь взвесить чистый флогистон, запасись специальными весами – ибо на обычных весах флогистон не удержится, но воспарит ввысь.

Флогистон – идеальный наполнитель для летательных аппаратов легче воздуха. Он инертный, негорючий, и с его помощью можно подняться хоть в космическое пространство. Наполненный флогистоном баллон будет неудержимо рваться вверх и вверх, пока не окажется за пределами атмосферы. Очень интересно, что с ним произойдет в невесомости… эх, доставить бы образец на Землю, исследовать в нормальной лаборатории…

Эйхгорн уже убедился, что периодическая таблица Парифата отличается от земной. Некоторые элементы явно имеют другие свойства, хотя разница в основном и незначительная, едва заметная. Однако Эйхгорн никак не мог сообразить, в какую

клетку следует поместить элемент с отрицательным весом.

Узнав о существовании флогистона, он нашел еще одно возможное объяснение аномально низкой массы Парифата. Если часть его недр составляет флогистон… возможно, в жидком или даже твердом состоянии… да, эта гипотеза имеет право на жизнь.

Уже к концу четвертой недели Эйхгорн вчерне закончил работы, и у него осталось еще сто десять золотых кругов. Корзина, баллон, стропы – все было готово. Остался только самый важный компонент – флогистон.

И завтра утром Эйхгорн планировал его достать.

Глава 45

Очередь продвигалась ужасно медленно. Эйхгорн явился на прием в первом рассветном часу, а сейчас заканчивается второй полуденный, но герцог принимает еще только девятого.

Эйхгорн, сидевший десятым, очень надеялся, что успеет до перерыва на обед. Герцог, как он уже убедился, обедает дольше приснопамятного Лукулла. Если начался перерыв – можешь идти домой, на сегодня прием окончен.

Это был уже третий раз. Третий раз Эйхгорн являлся к герцогу, высиживал длиннющую очередь – и только для того, чтобы услышать «сегодня его светлость более не принимает». Значит, ожидать еще пять дней – именно через такие промежутки герцог является в присутствие. Однодневная рабочая неделя, понимаешь.

Встретиться с герцогом в иное время простому человеку сложно. Большую часть своих пятидневных выходных он проводит на горном озере, где у него усадьба. Там герцог ловит раков, распивает деликатесные вина и… что-то делает с горничными. Что конкретно, Эйхгорн не знал, но если верить слухам, вкусы у его светлости отличаются от стандартных.

А добиться приема Эйхгорну требовалось позарез. Дело в том, что флогистон не продается на развес. Нельзя просто пойти в магазин и купить несколько баллонов. Физические свойства этого газа делают его бесценным сокровищем, но парифатская промышленность этого пока что не прочухала. Флогистон здесь используют так же бездарно, как на средневековой Земле – нефть. Игрушки, увеселения, прихоти богатых аристократов…

Связано это в основном с тем, что добывается флогистон не так-то просто. Выделять его из атмосферы местные химики еще не умеют. Эйхгорн, разумеется, тоже. Вероятно, он смог бы разработать технологию, задайся он этим вопросом, но это придется делать с нуля – потребуются месяцы, если не годы.

Следовательно, придется прибегнуть к альтернативному методу, который здесь используют все. Растения. Некоторые парифатские растения естественным образом абсорбируют флогистон из атмосферы и накапливают в своих тканях, приобретая таким образом совершенно волшебную легкость. Иные из них в результате вырастают до невообразимых размеров, а другие и вовсе могут летать.

Увы, подобная флора не так уж широко распространена. Самые богатые заросли – это как раз Алатус, летающий континент. Вот на нем с флогистоном проблем нет, и он довольно

широко применяется в быту.

Но на поверхности земли с этим гораздо хуже.

На самом Кардегарте есть только одно месторождение флогистона. Заповедная роща лахмедана – дерева, смола которого при нагревании выделяет флогистон. Но принадлежит эта роща тому самому герцогу Уульнарю, и добывать лахмедановую смолу можно исключительно с его разрешения. А разрешения он выдает только лично и крайне неохотно, хотя сам этот лахмедан вовсе ни для чего не использует.

Такая типичная собака на сене.

Тем не менее, при определенных условиях разрешение на добычу получить все-таки возможно. Точнее, при одном-единственном определенном условии. Нужно понравиться герцогу. А поскольку герцог Уульнарь обладает интеллектом и моральными качествами борова, сделать это не так-то просто.

Действовать через его голову тоже невозможно. В своих владениях герцоги Кардегарта практически полновластны. У каждого собственная армия и флот, каждый издает собственные законы.

Власть короля же ограничивается столичной областью. Формально он является сюзереном всего острова, но на практике это означает лишь то, что герцоги выплачивают ему скромную дань. Если же король вздумает что-нибудь приказать своим «вассалам», его просто поднимут на смех.

Сегодня Эйхгорн опять просидел впустую. После того, как девятый посетитель наконец вышел, причем странным образом покачиваясь, стража скрестила топоры. Герцог изволил проголодаться, так что на сегодня прием окончен.

Все прочие ходоки уныло поплелись восвояси. Но Эйхгорну эта волокита вконец осточертела, и потому он решил просто подождать, пока герцог покинет здание. В конце концов, выход из него только один – уж наверное ему удастся улучить минутку и перекинуться с его светлостью парой слов.

Даже странно, что никто больше не пытается так сделать. Перед воротами городской канцелярии не было никого, кроме стражи. Улица даже как будто опустела сильнее обычного.

Битых три часа Эйхгорн простоял на солнцепеке, пока герцог где-то там неторопливо набивал брюхо. Но вот он наконец показался. Облаченный в светло-кремовое платье, этот человек-гора восседал на троне-носилках из слоновой кости. Двенадцать крепких парней несли его на плечах, а еще двенадцать – сопровождали. Из них шестеро обмахивали властелина опахалами, а шестеро помавали устрашающими топорами.

Видно было, что покушал герцог хорошо. Мирно лежащие на

плечах щеки чуть заметно вздымались при выдохе, нижняя губа мелко подрагивала, а на груди расплылось пятно соуса. При этом взгляд владыки оставался острым и внимательным – прищурившись, он осматривал окрестности… пока не узрел Эйхгорна. Тот начитывал на диктофон описание герцога – раньше ему не доводилось видеть его воочию.

– Эй, любезнейший!.. – необычно писклявым голосом окликнул Эйхгорна герцог Уульнарь. – Про тебя закон не писан, что ли?.. Отчего ты до сих пор в шапке?!

Эйхгорн невольно ощупал голову. Та действительно была обвернута во все тот же колпак волшебника. Всю прочую одежду Эйхгорн сменил еще в Озирии, переодевшись по местной моде – а вот с этим колпаком до сих пор не расстался.

– А что не так с моей шапкой? – не понял он.

Два телохранителя отделились от общей группы и нависли над Эйхгорном. Один молча сдернул с него колпак, а второй без предупреждения саданул по почкам.

– В присутствии его светлости следует обнажать голову, – наставительно произнес он, пока Эйхгорн хватал ртом воздух. – Никогда не забывай о хороших манерах.

Герцог поощрительно покивал, продолжая орлиным взглядом осматривать окрестности. Заметив в переулке какое-то движение, он вскинул похожую на окорок руку и пискнул:

– Вон тот человек не приветствует нас отчего-то! Видит своего герцога, но отчего-то скрывается в тенях! Не задумал ли он что худое?

Еще два телохранителя рысью бросились в переулок. Через полминуты оттуда донеслись звуки ударов и чей-то приглушенный вопль.

Теперь Эйхгорн понял, почему местные избегают случайных встреч с герцогом. Но он все еще не оставлял надежды на разумную беседу меж двумя разумными индивидуумами.

– Ваша светлость… – начал он, и тут же был прерван еще одним ударом под дых.

– Теперь за что?.. – прохрипел Эйхгорн.

– Сохраняй почтительное молчание, пока его светлость сам к тебе не обратится, – охотно ответил телохранитель.

Голова герцога тем временем неспешно повернулась к Эйхгорну. Откуда-то из складок плоти его светлость извлек крупную клубничину, со смаком всосал ее целиком, шмыгнул носом и сказал:

– Мы повелеваем тебе говорить, наш добрый подданный! Отчего ты решил, будто дела твои столь важны, что могут задерживать нас на нашем пути? Берегись, коли мы не будем

удовлетворены твоими объяснениями!

Косясь на телохранителей, Эйхгорн почтительно поклонился. Он не был лишен инстинкта самосохранения, и ему совсем не хотелось получить по почкам в третий раз. Стараясь не выдавать своих истинных эмоций, инженер изложил герцогу свое дело.

– Аха-а… – протянул тот. – Значит, ты желаешь получить разрешение на добычу лахмедановой смолы?.. Что ж, что ж… а отчего мы должны тебе его дать? Можешь назвать три причины?

Потом Эйхгорн сделает аудиозаметку о том, что герцог Уульнарь – несомненный идиот. Но сейчас он постарался удержать себя в руках. Будет очень неприятно загубить проект полета на Алатус, а то и бесславно погибнуть из-за каприза местного царька.

– Я могу назвать три причины, – предельно ровным тоном произнес Эйхгорн. – Первая: двадцать процентов всей моей добычи будут поступать в вашу казну…

– Пятьдесят! – тут же возразил герцог. – Но нам нравится эта причина. Каковы же остальные две?

– Вторая: я буду безмерно благодарен вашей светлости и стану рассказывать о вашей щедрости всем, кого только встречу, отчего слава ваша приумножится.

Герцог расплылся в довольной улыбке, опираясь щекой на кулак. Двенадцать носильщиков стояли с каменными лицами, хотя их мышцы явственно вздулись. Эйхгорн невольно посочувствовал парням – вместе со своим троном герцог весил не менее трехсот килограммов.

– И третья причина: совершив добрый поступок, вы заслужите милость богов, и на небесах вам это непременно зачтется, – подытожил Эйхгорн.

Теперь взгляд герцога стал почти милостивым. Тройной подбородок чуть заметно дернулся, и телохранители отошли от Эйхгорна. Кажется, ему таки удалось снискать благосклонность этой горы сала.

– Как жаль, что не все наши подданные таковы же, как ты! – пропищал герцог. – Но скажи, наш добрый подданный, а для чего тебе лахмедановая смола? Нас гложет любопытство!

Эйхгорн замялся. Ему не очень хотелось рассказывать о своем проекте. Конечно, в мире, где в магазине можно купить ковер-самолет, воздушный шар – не особо ценная технология. Но все-таки неизвестно, как герцог отнесется к подобному начинанию.

– Я ученый, – решил сказать полуправду он. – Для моих исследований нужен флогистон. Много флогистона.

– Ученый?.. – оживился герцог. – Нас это весьма радует! Мы весьма любим науки, благосклонны к ученым, да и сами не чужды

естествоиспытательству! Вознеси теперь хвалу богам, ибо у тебя есть наше разрешение на добычу лахмедана, наш добрый подданный!

Эйхгорн чуть расслабился. Все оказалось легче, чем он рассчитывал. Отдавать пятьдесят процентов этому бурдюку, конечно, не очень хочется, но с другой стороны… считать-то будет сам Эйхгорн. Да и нужно ему не так уж много – только чтобы наполнить аэростат и чуток про запас.

Получив от доброго герцога лицензию, Эйхгорн не стал откладывать дело в долгий ящик. Уже на следующее утро он отправился в лахмедановую рощу. Все необходимое оборудование у него уже было – дюжина деревянных туесов и острый нож.

И еще сиракс, растительный клей. Перед тем, как приступить к работе, требовалось воскурить его, чтобы отогнать вредителей – маленьких летучих змей. В лахмедановой роще они порхали сотнями, выискивая добычу. Неядовитые и довольно мелкие, поодиночке они угрозы не представляли, но налетев целой стаей, могли убить и крупное животное.

Опытные добытчики лахмедана надевали специальные доспехи из толстой кожи – крохотные зубки летучих змей не могли их прокусить. Однако работать в них было очень неудобно, поэтому рептилий разгоняли дымом сиракса. По какой-то причине его запах, для человека даже приятный, заставлял летучих змей улепетывать со всех крыльев.

Расставив дымари и ожидая, пока зона очистится, Эйхгорн уселся под деревом с газетой. Да-да, самой настоящей газетой – крупнейшим тиражным изданием Кардегарта. Называлась она «Вести из-за моря», и была по сути дайджестом зарубежной прессы. Подобные издания на Парифате практиковались повсеместно, беззастенчиво перепечатывая заметки друг у друга.

Точнее, переписывая. Как и все прочие издания, «Вести из-за моря» писались от руки. А потом размножались десятками тысяч каким-нибудь волшебником. Хотя подобные «живые типографии» считаются здесь не совсем полноценными волшебниками, поскольку владеют одним-единственным заклинанием. Очень полезным, чрезвычайно востребованным, но всего одним.

Но Эйхгорн уже привык вместо печатного текста читать каллиграфические письмена. Новости экзотических держав и волшебных королевств он просматривал с легкой скукой – как на Земле просматривал известия из Китая и Бразилии.

Вот, например, сообщают, что в Империи Зла наконец-то был побежден Темный Властелин. Злой лорд Бельзедор повержен в отчаянной схватке с группой самоотверженных героев – такой-то, такой-то, такой-то… довольно длинный список. Заметка

выдержана в оптимистическом ключе, в конце выражается надежда, что уж в этот раз ненавистный всеми злодей более не возродится.

В Кардегарте, да и по всему севигистскому миру сегодня празднество. День Бриллиантового Дельфина – Патернидис. Все поздравляют и дарят подарки отцам. Добрый герцог Уульнарь уже получил подношения от восьми своих сыновей и двадцати одной дочери, оставшись ими чрезвычайно доволен.

На архипелаге Турлиа закончился очередной ежегодный Турнир Сильнейших. В напряженном финале сошлись прославленные на весь мир атлеты Скотолло Анньян и великан Гумтаригозир. После продолжительной и даже ожесточенной схватки Гумтаригозир одержал победу и получил свой приз – золотую статую весом в сто сорок яиц. Победа этого великана в очередной раз вызвала волну возмущения среди тех, кто требует ввести в Турнире Сильнейших разделение по видовым категориям. Ибо ни для кого не секрет, что чаще всего побеждают особо крупные существа – великаны, циклопы, гиганты и другие.

В Грандтауне, столице Грандпайра, объявился волшебник-маньяк. Под покровом ночи он нападает на женщин, выбирая самых безобразных. Усыпляя их чарами, мерзавец утаскивает их в свое логово и там глумится, насильно превращая в красавиц, после чего вновь усыпляет и выкидывает за порог. Грандтаунская стража усиленно разыскивает преступника, но пока успехов нет. По каким-то непонятным причинам жертвы злодея уклоняются от дачи показаний – видимо, безумный волшебник околдовал их или запугал.

В самой Мистерии закончен очередной цикл вступительных экзаменов. Клеверный Ансамбль распахнул двери для новой партии школяров. Зодер Локателли, нынешний председатель ученого совета, выступил перед ними с приветственной речью.

В Шевларийской империи объявлена тревога. Еще не полностью оправившаяся от войны с Йордалией и вторжения Легионов Страха, несчастная держава переживает новое бедствие. На их берег выполз Мургребедлиганд – последний бодрствующий Всерушитель из Гороподобных. Пока что он не причинил особых разрушений, но прямо на его пути расположена Элла – один из красивейших городов Шевларии. Через десять-двенадцать дней Мургребедлиганд его достигнет, а всем известно, что за спиной этого чудовища остается только гладкая земля. Власти Шевларии сейчас ведут переговоры со Всерушителем через посредство обитателей его спины, но пока неизвестно, согласится ли колосс изменить направление движения.

Беда пришла и на остров Гуум-Гвен. Вспышка какой-то

ужасной, совершенно новой болезни. Явившийся на помощь отряд монахов из ордена Подорожника ничего не смог сделать – более того, они умерли и сами. Чтобы не дать распространиться болезни, Гуум-Гвен, который уже стали называть Чумным островом, помещен в жесточайший карантин. Его портал закрыт, береговая линия оцеплена боевыми кораблями близлежащих стран. Всех, пытающихся покинуть остров, убивают на месте.

А вот из Нбойлеха сообщают… ого! Взгляд Эйхгорна неожиданно выцепил знакомое имя. В Нбойлехе убит его знакомый, Ук-Хар Матсхариди. Гнуснопрославленный разбойник Мастальдар подстерег его караван, прикончил доброго купца и шестерых его деловых партнеров, выбросив на дорогу перевозимое в фургонах ценное имущество. Имущество разбрелось в разные стороны – часть потом удалось вернуть, но другая часть бесследно исчезла.

Эйхгорн сделал аудиозаметку по поводу смерти дяди Ук-Хара. Своеобразный некролог. Всегда печально, когда умирает кто-то знакомый, даже если это не слишком симпатичный лично Эйхгорну работорговец.

Хотя в целом дядя Ук-Хар был не самым плохим человеком. Что рабами торговал – так не по природной скверности, а лишь как продукт своего времени. На его родине в этом не видят ничего плохого.

Впрочем, печалился Эйхгорн недолго. Погрустил для приличия секунд пять и вернулся к чтению газеты.

Человек ведь не может сочувствовать каждой смерти. На Земле семь миллиардов жителей. На Парифате… точно неизвестно, но предположим, что примерно столько же. Это значит, что каждую секунду умирает три человека. Каждую секунду. Соболезновать каждому из них – значит, круглосуточно рыдать. Жить таким образом не может никто.

Поэтому люди соболезнуют только тем, кого знают. Тех, с чьей смертью из их собственной жизни что-то ушло – пусть какая-нибудь мелочь, пустяк. Прежде всего, понятно, родным и близким. Потом – знакомым, от хороших до шапочных. Потом – разного рода знаменитостям. Чем большее место покойный занимал в их жизни, тем сильнее печаль по поводу утраты.

Тем временем летучие змеи окончательно разлетелись. Эйхгорн позволил себе расстегнуть кожаные доспехи – в них было чертовски жарко! – и принялся расставлять туески под деревьями. Делая надрезы в стволах, он сворачивал кору так, чтобы удивительно легкая, янтарного цвета смола текла прямо в емкости.

То, что лахмедан – непростое дерево, видно уже по его

размерам. Эвкалипт?.. Секвойя?.. Они показались бы коротышками рядом с лахмеданом. Самые низкие из этих титанов достигали двухсот метров. Их громадные листы-зонты собирали из атмосферы флогистон и накапливали его в стволе, заставляя тот уноситься в небеса.

Обычное дерево физически не сможет вырасти до таких размеров – корни и сосуды не могут поднять воду выше, чем на сто тридцать метров. Сто тридцать метров – предел высоты.

Но флогистон открывает растению воистину небывалые высоты…

Эйхгорн очень надеялся, что и ему удастся с его помощью достичь того же.

Глава 46

Лавка называлась «Тату и минимы». Эйхгорн секунд десять изучал вывеску, пытаясь ее расшифровать.

Слово «тату» затруднений не вызвало, хотя он не совсем понял, к чему оно здесь. А «минимы»… что это вообще такое? Мини-Мы?.. Клон Доктора Зло?.. Очень сомнительно.

О самом существовании этой лавки Эйхгорн узнал довольно случайно. Город Кюл, возле которого он обустроил базу, был больше лилипуточного Альбруина, но Ибудуну и Гнозиату уступал на порядок. Сорок… может, пятьдесят тысяч жителей. Эйхгорн посещал его только по прямым надобностям и очень мало интересовался в нем происходящим.

До вчерашнего дня он и не подозревал, что здесь есть волшебная лавка.

Но узнав об этом, Эйхгорн, разумеется, решил ее посетить. Благодаря флогистону ему удалось сэкономить часть бюджета, и он посчитал вложение в магию правильным решением. Какие-нибудь полезные безделушки, амулеты, эликсиры… на что хватит средств.

Но тату?.. Минимы?..

Снаружи лавка выглядела достаточно скромно. Куполообразное двухэтажное здание желтого цвета. В Кардегарте большинство зданий выглядели именно так. Как правило, на втором этаже люди жили, а на первом располагалось какое-нибудь заведение. Кабак, мастерская, деловая контора или, в данном случае, волшебная лавка.

Внутри она оказалась разделена на две секции. Уходящий вперед коридорчик заканчивался лестницей на второй этаж, а налево и направо вели аркообразные двери. На одной красовалась надпись «Тату», а на другой – «Минимы».

Эйхгорн терпеть не мог выбирать из двух равных. Но в данном случае варианты не были идентичны. Слово «тату» на вывеске стояло первым – с них Эйхгорн и решил начать.

И за правой дверью находился… тату-салон. Довольно обычный, насколько Эйхгорн мог судить. На родной Земле он посещал тату-салон лишь раз, и с тех пор прошло больше десяти лет.

В помещении не было окон. Полутемное, оно освещалось лишь дюжиной свечей. Однако и в их голубоватом мерцании вполне просматривался интерьер. Кушетка с твердым валиком вместо подушки, заставленные баночками полки, множество картин и скетчей татуировок. В воздухе витал аромат сандала

или каких-то других благовоний.

А в небольшом кресле, поджав под себя ноги, восседала хозяйка салона – необычайно тощая, обритая почти наголо женщина средних лет. Она курила длиннющую трубку, взирая на Эйхгорна сквозь облако сиреневого дыма.

– Мир вам, мэтресс, – вежливо поздоровался он. – Вы ведь волшебница, правильно?

– Ага, – равнодушно ответила хозяйка. – Чего хочешь?

– М-м… а что конкретно вы предлагаете?

– Тату, – был краткий ответ. – Выбирай любое.

– Я понимаю, что тату, но… разве это не волшебная лавка?

– И тату волшебные. Никогда не слышал?

Эйхгорн попросил объяснить подробнее. Недовольно вздыхая, волшебница все же отставила трубку и снизошла до просвещения невежественного клиента. Оказалось, что она – специалист Скрибонизия, татуировочный факультет. Ее специализация – татуировки постоянного действия. Наносятся они долго, места на теле занимают много, зато придают хозяину некие особые свойства.

Например, татуировка Силы наносится на грудь и удваивает мускульную силу. Татуировка Скорости полностью испещряет ноги и удваивает быстроту бега. Татуировка Незаметности окутывает сеточкой все тело, заставляя окружающих не замечать тебя, пока ты не привлечешь их непосредственное внимание. Татуировка Неотразимости тоже покрывает все тело, но представители противоположного пола будут находить тебя невероятно привлекательным. Татуировка Святой Защиты делает неприкосновенным для нечистой силы – духи, демоны и прочие чудища просто не увидят тебя, пока ты их не коснешься.

Эйхгорн предельно внимательно изучил весь предлагаемый ассортимент. Там были чрезвычайно соблазнительные предложения. Только вот цены, мягко говоря, не радовали. Любая из татуировок сожрет весь наличный капитал Эйхгорна.

Неудивительно, что клиенты в этом салоне особо не толпятся…

– А есть у вас что-нибудь… для интеллекта?.. – поинтересовался Эйхгорн.

– Память, – ткнула пальцем в скетч на стене волшебница. – Если ее нанести, ты никогда ничего не забудешь.

Вот теперь Эйхгорн всерьез задумался. Да, его память и так близка к эйдетической, но ему всегда хотелось сделать ее еще лучше. Это могло бы оказаться крайне полезным…

– Сколько стоит? – осведомился он.

– Двенадцать орбов.

Эйхгорн мысленно перемножил. Мистерийский орб – это очень большая и тяжелая монета, ее нынешний курс – тысяча восемьсот хлебов. Двенадцать орбов – это все равно что сорок семь регентеров, шестнадцать туманов или девяносто золотых кругов. Более трехсот граммов чистого золота – в России за такие деньги можно купить автомобиль.

– Дороговато… – поморщился Эйхгорн. – Но ладно, оно того стоит.

– Молодец, – кивнула волшебница. – Садись, подставляй голову. Ты уже лысый, так что брить не будем.

– Голову?.. А как эта татуировка выглядит?

– Вот так.

Волшебница снова ткнула в скетч на стене. Эйхгорн пригляделся и только теперь понял, что там изображено. Лысая макушка, вся испещренная узорами, похожими на мозговые извилины. Выглядело это откровенно жутко.

– Это что, всю голову так придется разукрасить? – уточнил он.

– Конечно.

– Навсегда?

– Конечно.

Эйхгорн взглянул на картинку еще раз и решил, что оно все-таки того не стоит. Так ведь на улицу потом не выйдешь.

Извинившись, он покинул тату-салон. Волшебница за его спиной вновь взялась за трубку, ничуть не огорчившись потере клиента.

Кажется, ее даже порадовало, что работать не придется.

Если отдел «тату» мало отличался от обычного тату-салона, то отдел «минимы» смахивал на комиссионку. На бесчисленных полках и просто на полу громоздились самые разные предметы – мебель, оружие, книги, картины, статуи. Тут и там вздымались целые горы одежды. Какие-то ящики, тюки.

В глубине всего этого притаился хозяин. Невысокий человечек лет сорока – совершенно лысый, но с тонкими усами, спускающимися аж до подбородка. Вокруг шеи у него бежала причудливого вида татуировка – скорее всего, нанесенная волшебницей-компаньонкой.

Интересно, эти двое просто совместно владеют зданием или их связывает нечто большее?

Этот волшебник встретил Эйхгорна приветливее татуировщицы. Он подпер голову руками, широко улыбнулся и произнес:

– Леблин Шторелли, специалист Энормира, размерный факультет. К вашим услугам, сударь. Желаете что-нибудь

выбрать?

Эйхгорн окинул взглядом витрины, не совсем понимая… но волшебник пододвинул ему нечто вроде планшета для ювелирных изделий. Только лежали в углублениях не кольца или серьги, а голубоватые шарики, похожие на виноградины.

– У меня богатейший выбор, сударь, – сказал Шторелли. – Вас интересует что-то конкретное?

Снова, как и в тату-салоне, Эйхгорн попросил объяснить подробнее. И волшебник, продолжая улыбаться, охотно объяснил.

Оказалось, что эти шарики – это и есть минимы. Так называют предметы, волшебным образом лишенные пространственных измерений – сжатые до идеальной точки. Чтобы предмет не развернулся сам собой, а также для упрощения использования миниму окружают слоем волшебного вещества – псевдоматерии. Если разрезать миниму ножом или просто раздавить – предмет мгновенно приобретет прежний вид.

Приложив миниму к глазу, можно увидеть ее содержимое в натуральном виде. Эйхгорн минут пять рассматривал ассортимент, в очередной раз поражаясь возможностям парифатских волшебников.

В отличие от татуировок, минимы не на шутку его заинтересовали. С их помощью можно взять в дорогу по-настоящему много припасов. Целые горы багажа.

И прайс куда более щадящий. В цену минимы входит стоимость самого предмета и стоимость работы. Но подобная «упаковка» осуществляется довольно простым заклинанием, так что Эйхгорну это вполне по карману.

Изучив все варианты, Эйхгорн отобрал себе восемь «дорожных» миним. Палатку, две бочки воды, четыре ящика галет и корзину свежих фруктов. Жаль, что из минимы нельзя извлечь лишь часть того, что в ней находится, но создавать их для меньшего количества припасов просто непродуктивно.

– А они точно не испортятся… там, внутри? – усомнился Эйхгорн, рассматривая фрукты.

– Внутри минимы время не движется, – успокоил его Шторелли. – Запакованный туда предмет может храниться бесконечно долго. За все с вас орб, три дайка и четыре лема, сударь.

Эйхгорн полез в кошель. Денег Мистерии у него при себе не было, так что он мысленно пересчитал курс, и протянул восемь золотых озирских кругов и пять серебряных овалов.

– Благодарю, – кивнул волшебник. – Могу ли я помочь вам еще чем-нибудь, сударь? Быть может, у вас у самого есть какие-то вещи, которые я могу превратить для вас в минимы? В этом

случае вы платите только за работу.

– Вы и такие услуги предоставляете? – удивился Эйхгорн.

– Ну а вот это все что, по-вашему? – окинул рукой груды вещей Шторелли. – Завален заказами, по уши завален… Вообще, я рад, что выбрал именно эту специализацию. Минимы – это очень молодая магия, ей всего несколько десятилетий, но я уверен, что у нее большое будущее.

Эйхгорн не мог не согласиться. Действительно, у купцов и путешественников подобный сервис должен пользоваться огромной популярностью. Наверняка со временем он распространится так же широко, как порталы, дальнозеркала и прочая полезная, но при этом относительно недорогая магия.

– И вы можете вот так запаковать любой предмет? – осведомился Эйхгорн.

– Практически любой. Но чем он крупнее, тем дороже я возьму. Приносите мне сюда ваши вещи, и я все сделаю.

– А если я захочу запаковать дом?

– Это встанет дороже – выездная работа. К тому же там возня с фундаментом… вы же хотите, чтобы дом на новом месте встал так, словно его там и построили? Придется дополнительно накладывать внедряющие чары. Боюсь, это займет дня три, не меньше. Но если хотите, у меня есть один готовый дом. Один этаж, три комнаты и сени. И еще мансарда с балкончиком.

– И сколько вы за него просите?

– Отдам почти по себестоимости – за сто двадцать орбов. Дешевле нигде не найдете, уверяю вас.

– Нет, это мне не по карману, – без раздумий ответил Эйхгорн.

Сто двадцать орбов, как же. Это же девятьсот озирских кругов. Три килограмма золота. Где Эйхгорну столько взять?

– Что ж, если надумаете запаковать что-нибудь другое – буду рад… хотя вы, надеюсь, никуда не торопитесь, поскольку работы, как видите, и без вас хватает. Качество я вам гарантирую, а вот срочность обещать не могу…

– Да, я понимаю… скажите, а человека таким образом можно запаковать? – вдруг задумался Эйхгорн. – Или лошадь, скажем?..

– Можно, конечно… но с этим не ко мне. Я с живыми существами не работаю, простите.

– Запрещено законом?

– Ну… и это тоже, конечно. Людей, по крайней мере. Но вообще это просто не моя специализация. Я больше по типовым минимам, а одушевленные… там все гораздо сложнее.

– Надо думать, – согласился Эйхгорн.

Он уже прикидывал мысленно, что из скарба можно

запаковать в минимы. До сего дня он и не подозревал о такой возможности, поэтому не собирался брать ничего крупного или тяжелого. Даже с флогистоном грузоподъемность у аэростата не слишком велика.

Но запаковывать в минимы небольшие вещи вроде книг или инструментов нет смысла. Палатку и провизию Эйхгорн только что уже приобрел. Он бы не отказался прихватить верховое или вьючное животное, но их здесь не запаковывают.

Не кровать же тащить на Алатус, в самом-то деле.

И однако кое-что Эйхгорн таки решил себе заказать. Груз. Обычные камни или мешки с песком. До этого он предполагал спускаться на землю традиционным путем – просто выпуская часть воздуха через клапан. В данном случае – флогистона.

Однако минимы предоставляют более удобный способ. В свернутом состоянии они ничего не весят – значит, можно взять сколько угодно дополнительного груза, и при необходимости просто утяжелить аэростат. А если понадобится снова подняться – излишки полетят за борт.

И не придется расходовать драгоценный флогистон. Ведь газовых баллонов у Эйхгорна не будет.

А если бы были… тогда и аэростат, возможно, не пришлось бы делать. Хватило бы просто баллона со сжатым флогистоном. Ведь объем-то в данном случае некритичен – вес флогистона отрицателен! Если бы удалось в достаточном количестве закачать его в некую емкость, ее можно было бы надеть на спину на манер акваланга и… взлететь!

Правда, не совсем ясно, как потом приземляться. Хотя нет, это тоже легко осуществимо – надо просто выпустить часть флогистона из баллона. Небольшую часть.

А если удастся достичь идеального баланса, можно будет плавать в воздухе, как в воде…

Единственная заковыка – нет баллона и оборудования, чтобы закачать в него флогистон.

Интересно, можно ли как-то сделать флогистон жидким? Какая у него температура конденсации? Останется ли он под сильным давлением просто сжатым или станет сжиженным?

Эйхгорн твердо намеревался продолжать экспериментировать в этом направлении. Флогистон – чрезвычайно перспективная субстанция. А поскольку на поверхности она в дефиците, ему вдвойне необходимо добраться до Алатуса.

По слухам, там флогистона больше на порядки.

– То есть, вам нужно запаковать… просто мешки с песком?.. – недоуменно переспросил Шторелли, выслушав заказ.

– Или камни. Булыжники примерно вот такого размера, –

показал Эйхгорн. – Вообще, сгодится любой мусор, лишь бы достаточно тяжелый.

– У меня на заднем дворе есть груда старой щебенки и немного битого кирпича, – с сомнением произнес волшебник. – Осталось после ремонта. Мы с женой все забываем от него избавиться.

– Подойдет.

– Ну что ж, в таком случае, возвращайтесь через пол-луны, – пожал плечами Шторелли. – Этот хлам я вам отдам бесплатно – оплатите только работу. И три дайка попрошу в задаточек… благодарю. Кстати… если не секрет… зачем вам это?

– Утяжелители.

– Утяжелители?..

Эйхгорн промедлил, размышляя, как подоходчивее объяснить концепцию. В помещении было жарковато, вентиляция работала скверно, так что он расстегнул воротник. И… волшебник словно окаменел. Уставившись Эйхгорну пониже шеи, он сглотнул, протянул руку и деланно спокойным голосом спросил:

– Позвольте полюбопытствовать – а это у вас не амулет ли Феникса?

Эйхгорн коснулся висящей на груди побрякушки. Той, что с птичкой. Он так и не удосужился выяснить, что это такое – все как-то не выпадало случая.

Амулет Феникса, значит?..

– Не исключено, – уклончиво ответил Эйхгорн.

– А… а где вы его взяли? – жадно уставился Шторелли.

– Да просто нашел.

– А… так может быть, продадите?

– А он что, ценный?

– Нет, совсем нет, что вы! – замахал руками волшебник. – Просто я именно такие как раз коллекционирую. Дам вам за него… ну, скажем, пять лемов.

– Нет, спасибо. Я к нему как-то привык.

– Хорошо, десять.

– Да зачем мне эти медяки? – пожал плечами Эйхгорн.

– Пять дайков.

– Как-то очень быстро цена повышается, – саркастично произнес Эйхгорн. – Он все-таки ценный, верно?

– Ну не хотите, как хотите, – обиделся волшебник. – Мое дело – предложить.

– Спасибо, не хочу. Удачного дня, мэтр.

– Стойте!!! – едва не выпрыгнул из-за прилавка Шторелли. – Двадцать орбов!!!

– Ничего себе он подорожал. И вы все еще меня убеждаете,

что это просто безделушка? Колитесь, мэтр, что это за талисман такой?

– Вам он ни к чему! – заторопился волшебник. – Вам он совершенно не нужен! Послушайте, я заплачу вам пятьдесят орбов – у меня просто нет больше сейчас свободных денег! Или могу обменять на складной дом! Давайте меняться на дом!

– Нет уж, извините. Если он настолько ценный, я его попридержу. Но если хотите, заплачу вам сам, если расскажете, что это такое и как им пользоваться.

– Отлично, – обиженно фыркнул Шторелли. – Десять орбов.

– А вы не обурели, мэтр? Такую сумму за несколько слов?

– Это мое последнее слово. Вам амулет все равно не нужен, лучше продайте его мне.

Эйхгорн еще некоторое время взирал на волшебника снулым взглядом, а потом хлопнул дверью.

Ничего, на этом типе свет клином не сошелся. После экспедиции на Алатус надо будет найти другого, более сговорчивого. Или даже перед экспедицией.

Талисманчик-то явно непрост – вон как этот продавец трясся, на него глядя…

Глава 47

Прошло еще две недели. Эйхгорн собрал достаточно флогистона, полностью наполнил аэростат и теперь ожидал только прибытия самого Алатуса. От нечего делать он стал заниматься всякой ерундой – измерял соленость здешней воды, проводил опыты с пастеризацией вина…

До отлета ему хотелось еще немного подзаработать – кошель показал дно, все наличные незаметно расточились. Очень уж много оказалось непредвиденных мелких расходов.

К сожалению, в Кардегарте не проводилось научных турниров и оплачиваемых дебатов, а власть имущие не нуждались в услугах Эйхгорна. У каждого герцога уже имелся придворный волшебник, причем не чета захолустному Парибулу.

Герцог Уульнарь, например, держал при себе магистра Трамеза, с транспортирующего факультета. Этот тип служил своему необъятному владыке вестником – в мгновение ока переносился в любую точку Кардегарта, а при необходимости мог и за его пределы. Жаль, груза с собой мог утащить не больше собственного веса – а то бы герцог и сам охотно путешествовал с его помощью.

Конечно, псевдоволшебник с Земли не мог здесь никого заинтересовать. Единственная подработка, которую он сумел найти – помощником счетовода в городской канцелярии. Платили сущие гроши, но это хотя бы помогало сэкономить на счетах. Ну и заодно скрашивало ожидание – до прибытия Алатуса оставалось больше луны.

Сегодня в конторе был обычный день. Сидя в тесной клетушке, Эйхгорн безразлично сводил дебет с кредитом, перепроверял счета, проштамповал несколько денежных расписок для менялы…

Все это не слишком занимало мозг, так что параллельно он составлял в уме судоку. На днях ему пришла в голову интересная бизнес-идея – головоломки. На Парифате они тоже есть, и некоторые из них похожи на земные… но лишь некоторые. Большинство земных развлечений здесь неизвестны, так что можно попытаться ввести их в обиход. С троллем из-под моста ведь получилось неплохо – а то была простенькая игра в спички. Отчего бы не познакомить парифатцев с кубиком Рубика, пятнашками, танграмом, мозаикой, да и теми же судоку?

Вот кроссворды на Парифате уже есть, как оказалось. В точности такие же, как на Земле. Единственное отличие – парифатский кроссворд обязательно представляет собой

симметричную фигуру. Какой-нибудь сложный крест, звезду или колесо.

Подумывал Эйхгорн и о настольных играх. Хотя здесь идей было меньше. В карты на Парифате и без него вовсю играют, свой аналог шахмат тоже имеется, а всякими го с нардами Эйхгорн никогда не увлекался и правил толком не знал.

Может, попробовать внедрить «Монополию»?..

Проблема в том, что Эйхгорн не знал, как все это монетизировать. Он раньше не занимался ничем подобным, и не представлял, с чего лучше начать. С шоколадным фонтаном в Нбойлехе ему помог удачный случай, но вряд ли он повторится. Значит, нужно искать людей, которые занимаются производством и распространением головоломок… вот хоть тех же кроссвордов.

Впрочем, до прибытия Алатуса он это уже не успеет. Потом, после экспедиции.

Снаружи донесся знакомый шум. Здесь Эйхгорн слышал его каждые шесть дней – то с помпой прибывал герцог Уульнарь. Пообщаться с народом, одарить его своими милостями и мудростями.

Эйхгорн старался не попадаться герцогу на глаза. Он ведь так ни разу и не преподнес ему обещанные пятьдесят процентов от добычи. Просто так и не придумал толком, как это сделать.

В самом деле – не смолу же эту лахмедановую герцогу таскать. Да и готовый продукт, флогистон, ему вряд ли нужен. А никаких доходов Эйхгорн с этого маленького предприятия не получает – добывает ровно столько, чтобы заполнить аэростат.

Впрочем, славный герцог и не вспоминал об этих обещанных ему копейках. Вполне возможно, он уже и о самом-то Эйхгорне позабыл – и тот не имел ничего против.

Однако ж спустя пару часов выяснилось, что кажущийся полным дебилом герцог ни о чем не забыл. Более того, оказалось, что он в курсе того, что Эйхгорн подрабатывает в его же собственной канцелярии.

И когда тот понадобился – вызвал к себе.

Поначалу Эйхгорн чувствовал себя напряженно. Всякий бы себя так почувствовал, возьми его под локотки два дюжих стражника. Отказываясь что-либо объяснять, они только что не протащили Эйхгорна через всю канцелярию и втолкнули в приемный зал.

– А, вот и ты, наш ученый подданный! – приветливо махнул рукой герцог. – Входи, входи! Надеюсь, ты не ушибся, пока тебя вели? Мы желали видеть тебя немедля, оттого повелели людям приволочь тебя поелику возможно быстро.

– Было бы еще быстрее, если бы вы просто приказали мне

бежать, – саркастично ответил Эйхгорн.

– В самом деле, твоя правда! – обрадовался герцог. – В следующий раз мы непременно так и сделаем! Теперь же подойди, я желаю получить твою ученую консультацию по поводу сего дива!

Эйхгорн обратил внимание на конструкцию перед троном. На двух мощных опорах восседало водяное колесо с присоединенными к нему насосом и пилой. Сверху и снизу находились две огромные бочки, опутанные кучей ремней и рычагов. У верхней бочки возился с ведром бородатый карлик… похоже, гном.

– Уверяю вас… ваша светлость… – прокряхтел он. – Я… сейчас… настрою… Капризится, проклятая!..

– Вот, ученый, взгляни-ка, – повел дланью герцог. – Что скажешь?

– Ничего, – пожал плечами Эйхгорн. – Мне этот объект ни о чем не говорит.

– Это вечноработающая махина, – заявил герцог. – Вот этот наш добрый, но очень мелкий подданный уверяет, что если налить в нее воды, она будет вечно работать, в одиночку заменяя сразу севигу дровосеков.

– А если заменить пилу на другой инструмент, то и любых других мастеров! – крикнул из-за бочки гном. – Сейчас… настрою…

Эйхгорн окинул нагромождение дерева и металла снулым взглядом. Вечный двигатель, значит. Ну да, само собой разумеется.

Будучи в озирской библиотеке, Эйхгорн узнал, что на Парифате вечные двигатели таки есть. Волшебные. Для волшебников подобная задача – плевое дело.

Однако по-настоящему вечными они все равно не являются. Как современные земные механизмы работают на электричестве, так волшебная техника – на мане. Колдовской энергии. Так что такой «вечный двигатель» будет работать, пока не исчерпается вложенный в него заряд – а потом зови волшебника, подзаряжай.

Существуют, правда, и самозаряжающиеся механизмы, которые сами тянут ману из… откуда-то. Что-то типа ветряных и водяных мельниц – работают на возобновляемой энергии. Но эти гораздо сложнее в производстве и стоят бешеных денег, так что позволить себе их могут немногие.

А сделать действительно вечный двигатель, который будет работать сам по себе, не требуя никакой энергии извне… такого на Парифате тоже пока никто не сумел. Да и не сумеет никогда – законы термодинамики никто не отменял.

Но это не значит, что они не пытаются.

– Магии, как видишь, во всех этих веревках с колесами нет ни капли, – самодовольно заметил герцог. – Нет ведь?..

– Нет, ваша светлость, – коротко ответил стоящий подле трона волшебник.

Эйхгорн глянул на этого типа с любопытством. Ему еще не доводилось встречать магистров. Выше этой степени в Мистерии только профессора – да еще есть лауреаты Бриара, но это уже премия, а не звание.

– Уверен ли ты? – въедливо спросил герцог? – Точно уверен?

– Драконитовые кристаллы, ваша светлость, – мотнул головой волшебник.

Да, драконитовые кристаллы в стенах оставались тусклыми. Эйхгорн уже знал об этом парифатском минерале. В присутствии активной магии он начинает мерцать, а потому его используют в местах, где колдовство нежелательно. На суде, например – мало ли что. Или в казино – а то иные чародеи не прочь подзаработать плутовством.

Эйхгорну весьма повезло, что в парибульском королевстве о драконите и не слыхали. По счастью, эти кристаллы не слишком распространены.

– Ну вот видишь, магии нет, а работает, – подытожил герцог. – Что скажешь, ученый? Дельная махина, не так ли? Полезная?

– Бесполезная, – равнодушно ответил Эйхгорн. – Она не заработает.

– Что значит не заработает?! – подал голос гном, пиная свой агрегат. – Смотрите, ваша светлость!

И вода действительно полилась из верхней бочки на колесо. То некоторое время ворочалось на ремнях, вращая и пилу, но потом замерло.

– Капризится… – сконфуженно произнес гном, отвешивая механизму еще пинка. – До ума б довести, ваша светлость… Средств бы денежных, самую малость… А уж потом, когда до ума доведем!.. эхма, это ж шапкой деньги можно грести будет!

Эйхгорн хмыкнул. В отличие от заплывшего жиром герцога, незадачливый изобретатель был ему чем-то симпатичен.

И однако поступаться принципами он не собирался.

– Вечный двигатель невозможен, – твердо заявил он. – С магией, без магии – невозможен.

– И ты можешь это доказать? – пропищал герцог.

– Конечно. Закон сохранения энергии универсален. Он справедлив для всех мест и времен, и его нельзя нарушить даже волшебством – пусть мэтр поправит меня, если я ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – коротко прокомментировал волшебник.

– Что это за закон? – капризно осведомился герцог. – Мы не издавали такого закона! И наш царственный тесть в столице тоже!

– Это не королевский закон, а… божественный, – нехотя выдавил из себя Эйхгорн. – И согласно ему, энергия может переходить из одной формы в другую, но не возникать и не исчезать. Если в механизме нет внешнего источника энергии, он сможет поддерживать лишь собственное бесконечно долгое движение – и то лишь в теории. На практике же невозможно и это, поскольку любое действие сопровождается трением, а следовательно, энергетическими потерями. Любая сила рано или поздно исчерпается, и машина остановится.

– Нас это необычайно печалит! – возмутился герцог. – Ты разочаровал нас, наш подданный! Отчего ты нас так разочаровал?!

– Это не я вас разочаровал, а законы природы.

– Нам не нравятся твои законы природы! – вспылил герцог. – Мы повелеваем им измениться!

Эйхгорн с тоской вспомнил парибульского короля. Флексиглас Первый тоже не отличался высоким уровнем интеллекта, но все же непроходимым дуралеем не был. И самодурствовал умеренно, как-то даже по-дружески.

Тем временем дрожащий гном-изобретатель отчаянно старался доказать, что его машина все же способна нарушать начала термодинамики. Чего уж он только с ней не делал!

Но та, разумеется, так и не заработала должным образом. Время от времени ей удавалось крутиться довольно долго… обычно когда изобретатель особенно сильно ее пинал. Герцог в эти моменты слегка оживлялся, взгляд Эйхгорна же оставался снулым.

– Поди прочь, – наконец вздохнул герцог. – Ты разочаровал нас, подданный. Вы оба нас разочаровали. Мы не желаем более видеть никого из вас.

Эйхгорна и незадачливого гнома выгнали из канцелярии тычками. Так и не заработавший вечный двигатель выкинули по частям. Еще через несколько минут к Эйхгорну вышел какой-то клерк и передал, что его сиятельство более не нуждается в услугах глупого ученого, так что с должности тот уволен. И лахмедановую смолу ему теперь добывать тоже запрещено.

А то, что он уже собрал – пусть сдаст на склад под опись. Герцог заберет себе причитающуюся ему половину… и вторую половину тоже. В качестве штрафа за… просто за то, что ему хочется взять штраф.

Эйхгорну удалось сохранить непроницаемое лицо и даже покорно кивнуть. Он пообещал, что доставит все в ближайшие

дни.

Разумеется, на самом деле он ничего отдавать не собирался. Смолы набралось ровно столько, чтобы надуть аэростат. Так что Эйхгорн собирался набрать побольше провизии и залечь в логове, подождать там прибытия Алатуса.

Но перед тем, как покинуть город, он зашел в волшебную лавку. Назначенный срок подошел, наверняка заказанные минимы уже готовы. Возможно, не все, но хотя бы часть.

Мэтр Шторелли встретил клиента какой-то напряженной улыбкой. Сначала Эйхгорн даже заподозрил, что дело в герцоге, в его внезапной немилости. Но этого явно не может быть – все случилось только сегодня, слухи никак не могли так быстро расползтись.

Да и какие тут вообще могут быть слухи? Кто такой Эйхгорн, кто здесь его знает? Это в Парибуле он был фигурой – придворный волшебник, не кто-нибудь. В Озирии тоже обзавелся определенной репутацией. А в Кардегарте… если кто и слышал о самом его существовании, вряд ли им есть до этого дело.

Но тогда почему у хозяина лавки такой странный взгляд?

– Скажите, сударь, а вы не передумали продать мне амулет Феникса? – спросил он.

Ага, вот в чем дело. Снова этот амулет. Эйхгорн хотел навести насчет него справки – хоть вот у волшебника герцога, – но по зрелом размышлении передумал. Штучка явно слишком ценная, чтобы светить ею направо и налево. Лучше выяснить все при случае самому.

– Боюсь, не передумал, – максимально вежливо ответил Эйхгорн. – Мой заказ готов?

– Да, я все сделал, как вы просили… – протянул Шторелли. – Но мне все же хотелось бы насчет амулета… Понимаете, в моей коллекции в самом деле недостает именно его, так что я бы… может, мы все-таки договоримся?

– Я не люблю сделок втемную, мэтр, – внимательно посмотрел на него Эйхгорн. – Я не специалист в волшебстве, поэтому не хочу принимать решение с бухты-барахты. Расскажите мне, что это за амулет, для чего предназначен – и я, возможно, пойду вам навстречу.

– Вряд ли, – невольно вырвалось у Шторелли.

– Ага, то есть он все-таки гораздо ценнее, чем вы пытаетесь показать.

Волшебник поджал губы. Зло поглядывая на Эйхгорна, он процедил:

– Я бы на вашем месте не ерепенился так, сударь. Вы дерзите не кому-нибудь – вы дерзите волшебнику. Вы понимаете, что я

могу с вами сделать?

– Что? – ровным голосом переспросил Эйхгорн.

– Многое, сударь! Многое! – погрозил пальцем волшебник.

– Даже не сомневаюсь. Но в этом случае вас объявят магиозом, мэтр. За вами придет инквизиция. Или антимаги. Порадует ли вас такой расклад?

– А вы полагаете, что об этом кто-нибудь узнает?.. – совсем уже зло прошипел Шторелли, нависая над столом. – Полагаете, из-за вас начнут расследование? Кем вы себя считаете, сударь? Я навел справки – вас здесь никто не знает. Если вы исчезнете, никто не спохватится. А я могу, могу заставить вас исчезнуть!

Вот теперь Эйхгорн почувствовал легкое беспокойство. Ему снова вспомнился усатый любитель борща из дальнозеркала.

– Могу я получить свои минимы? – сухо спросил он. – Помнится, я внес за них задаток.

– Нет, – ответил Шторелли, с вызовом глядя на Эйхгорна. – Я передумал. Не вижу причины отдавать вам свое имущество задаром.

– Я заплатил, – напомнил Эйхгорн.

– Только за работу. А сами предметы?!

– Старая щебенка и битый кирпич?.. – саркастично уточнил Эйхгорн. – Хорошо, я заплачу. Сколько с меня?

– Ровно один амулет Феникса, – улыбнулся Шторелли.

Эйхгорн смерил пройдоху снулым взглядом. Ему все меньше хотелось задерживаться в его лавке.

Может, отдать чертов амулет? Стоит ли так уж за него цепляться, если Эйхгорн даже не знает, что с ним делать?

С другой стороны, будет очень обидно потом узнать, что отдал за так нечто вроде Золотого Шара.

– Верните в таком случае мой задаток, – потребовал Эйхгорн. – Три дайка, если я правильно помню.

– А их я оставлю себе, – еще более вызывающе произнес Шторелли. – Жалуйтесь на меня герцогу, если осмелитесь.

Взгляд Эйхгорна стал совсем уж снулым. Жаловаться герцогу Уульнарю бессмысленно, и они оба это знали. Герцог не выносит, когда ему докучают тем, что не касается его лично.

Но однако – сколько же дерьма неожиданно обнаружилось в этом волшебнике. Кто бы мог подумать.

– Ладно, – пожал плечами Эйхгорн. – Оставьте себе эти три сребреника.

Волшебник гневно засопел. Потом нехотя сунул руку в карман, достал злосчастные дайки и бросил их на стол. Эйхгорн насмешливо хмыкнул, сгреб их… и тут волшебник схватил его за воротник!

– Отдай! – прошипел он, пытаясь сорвать амулет Феникса. – Отдай мне!..

Драться Эйхгорн не умел практически совсем. Но Леблин Шторелли явно тоже не имел в этом опыта, да к тому же был хил и плюгав. Эйхгорн без особого труда оттолкнул его, вывернул руку, прижав ее к самому лицу… и сразу же об этом пожалел! Волшебник, совсем уже потерявший берега, что-то… сделал. Эйхгорн толком не понял, что именно – от Шторелли словно бы хлынул поток теплого воздуха.

И в следующий миг он стал расти. Все еще сжимающий его запястье Эйхгорн потерял опору под ногами, взлетел куда-то вверх. Уже не в силах держаться за огромную руку, он отчаянным усилием схватился за то, до чего сумел дотянуться… за какой-то канат…

– БОЛЬНО ЖЕ!.. – раздался громогласный рев.

Ус. То был длинный ус волшебника. Его волоски не уступали теперь в толщине шпагату. Эйхгорн повис на этом усе, изумленно рассматривая громадную… воистину громадную комнату, полную громадных предметов.

В ней мог бы разместиться целый стадион!

Только теперь до Эйхгорна дошло, что Шторелли вовсе не стал великаном. Уменьшился он сам, Эйхгорн. Чертов волшебник заколдовал его, словно Нильса Хольгерсона… а еще утверждал, что с живыми существами не работает!

Громадная ладонь волшебника потянулась к нему. Правда, как-то очень неспешно, словно в замедленной съемке. Понятно, что Шторелли движется с прежней скоростью – а значит, ускорился метаболизм самого Эйхгорна.

Побочный эффект от уменьшения?..

Недолго думая, он ослабил хватку и скользнул вниз по длиннющему усу-канату. Голова волшебника еле возвышалась над столешницей – Эйхгорн легко на нее спрыгнул.

Теперь под ногами оказались словно неструганые доски. Еще минуту назад гладкая поверхность стола стала шершавой, полной ранее невидимых сучков и рытвин. Эйхгорн машинально коснулся амулета – тот по-прежнему висел на шее, уменьшившись вместе с хозяином. Пропорционально уменьшилась и вся одежда.

К Эйхгорну уже снова тянулась громадная ладонь. Оценив ее размеры, Эйхгорн смог прикинуть и свои нынешние. Похоже, его уменьшили приблизительно в тридцать раз.

Он стал лилипутом ростом с палец.

И волшебник явно не собирался на этом останавливаться. Он что есть силы хлопнул по столу, пытаясь буквальным образом расплющить Эйхгорна. Правда, тому казалось, что ладонь

опускается секунд пять, и он без труда успел увернуться.

Удалось ему увернуться и во второй раз. И в третий. Но волшебник не оставлял попыток, дубася все быстрее и быстрее. Занимающая половину небосвода харя была аж перекошена от злости.

Надеяться на какую-то справедливость тут нечего. Сейчас Шторелли просто раздавит Эйхгорна… интересно, не увеличится ли он снова после смерти?.. Даже если да – не имеет значения, волшебник снова уменьшит труп или спрячет его в миниму. И все, никто никогда его не найдет. Никто никогда не узнает, что он вообще здесь был.

А вожделенный амулет убийца, разумеется, приберет к рукам…

Нет уж, перебьется. Эйхгорн в пятый раз увернулся от грохнувшего… теперь уже кулака, и замер на краю стола. Один взгляд вниз – и у него захватило дух. Теперь этот стол ему – что десятиэтажный дом.

Но Эйхгорн моментально совершил мысленный расчет. Он уменьшился в тридцать раз, сохранив все прежние пропорции. Значит, его объем и вес уменьшились в двадцать семь тысяч раз. Раньше он весил неполных семьдесят килограммов – теперь, значит, меньше трех граммов.

Исходя из своей новой массы, Эйхгорн спешно высчитал силу, с которой столкнется с полом. Число получилось мизерное – следовательно, он вряд ли даже ушибется.

Очень надеясь, что в расчеты не вкралась грубая ошибка, Эйхгорн шагнул с края.

Расстояние до пола составляло едва ли метр. И падал Эйхгорн, конечно, всего ничего – какую-то долю секунды. Но для него это длилось гораздо дольше, и он о многом успел передумать.

По счастью, в расчетах он не ошибся. Приземление таки отдалось в пятках резкой болью, и Эйхгорн повалился на копчик, но не более того.

Но оказавшись на полу, он вовсе еще не спасся. Земля гудела и сотрясалась – то Шторелли обходил стол. Он по-прежнему двигался словно в замедленной съемке, но что ему там идти – три шага?

– СТОООЙ! – ревело где-то под потолком. – ОТДАЙ АМУЛЕТ, И Я ТЕБЯ ОТПУЩУ!

Почему-то Эйхгорн ему не поверил. Подобрав полы туники, он задал стрекача.

Гигантский волшебник громыхал следом, но без особого успеха. Эйхгорн уменьшился в тридцать раз – соответственно

уменьшились и его шаги. Но при этом его организм ускорился примерно в десять раз – то есть за то время пока волшебник делал один шаг, он делал десять.

Казалось бы, при таких условиях задачи Шторелли должен был быстро его настигнуть. Однако следует учитывать еще и то, что Эйхгорн бежал спринтом – а вот волшебник не мог так разогнаться в закрытом, заставленном контейнерами помещении. Побеги он – и через секунду-другую просто во что-нибудь врежется. Так что двигался он с той же, или даже чуть меньшей скоростью, чем Эйхгорн.

Конечно, даже при таких обстоятельствах он не смог бы убегать вечно. Пусть даже тело стало необычайно легким, Эйхгорн никогда не был хорош в легкой атлетике. В боку уже начинало покалывать.

Но убегать вечно и не требовалось. Увернувшись от громадной ножищи, Эйхгорн юркнул в просвет меж двух ящиков. Один из них почти сразу же заскрежетал по полу – волшебник потянул его на себя. По счастью, весил он многовато, чтобы этот чахлый человечек сумел его поднять.

В поисках надежного укрытия Эйхгорн продолжал бежать. Он обогнул еще один ящик, пронесся мимо порванной коробки, из которой частично высыпались какие-то белые цилиндры… ах да, это же просто рис!.. достиг угла комнаты… и увидел отверстие в стене. Полукруглую арку, как раз достаточную, чтобы Эйхгорн сумел протиснуться.

Мышиная нора.

Внутри было тесновато, Эйхгорн только что не обдирал плечами стены, но там было безопасно. Низко нагнув голову, он засеменил по темной кишке, спеша убраться от беснующегося позади великана. Вслед ему несся оглушительный рев:

– НУ И БЕГИ СЕБЕ!!! ВСЕ РАВНО ТЫ ДОЛГО НЕ ПРОТЯНЕШЬ!!! ТЕБЯ СОЖРЕТ ПЕРВАЯ ЖЕ КРЫСА!!! ЛЯГУШКА!!! ВОРОНА!!! БЕГИ-БЕГИ!!!

Глава 48

Мышиная нора тянулась бесконечно долго. В ней было темно, грязно и пахло плесенью. Дважды потолок опускался настолько, что Эйхгорну приходилось ползти на карачках. Трижды нора разветвлялась, и Эйхгорн все разы выбирал более широкий отнорок.

Он от души надеялся, что у этого туннеля есть и второй выход… желательно, где-нибудь снаружи.

Идя по норе, Эйхгорн тщательно изучил свое барахло. Одежда, очки и личные вещи уменьшились вместе с ним, ничего не исчезло. Диктофон, динамо-фонарик и вормолеграф по-прежнему работали, водяной амулет по-прежнему вызывал во рту ощущение воды.

Эйхгорн задумался, как произошедшее объяснимо с точки зрения физики. Что именно уменьшило в нем волшебство?

Клетки тела?.. Могли ли они с невероятной скоростью сократиться, «усохнуть»?.. Он не особенно бы этому удивился – здешние волшебники горазды и не на такие трюки, – но ведь и одежда тоже уменьшилась. Значит, процесс не биологический.

Расстояние между молекулами, атомами?.. Нет, тогда его масса осталась бы прежней, и он стал бы невероятно тяжелым лилипутом.

Сами атомы?.. Но это просто невозможно, даже волшебством. А если даже и возможно – кардинально изменилось бы само вещество, из которого он состоит. Он стал бы… Эйхгорн даже не брался представить себе подобное.

Быть может, чары «повыбивали» лишние молекулы?.. Нет, явно отпадает. Во-первых, они куда-то должны были деться. Во-вторых, Эйхгорн и в этом случае изменился бы катастрофически. Лишенный большей части массы мозг просто не смог бы функционировать – однако ж он функционирует.

Какие еще есть варианты? Пресловутые минимы? Свертывание пространства?.. Здесь мысль Эйхгорна запнулась. Он крайне смутно представлял себе этот процесс.

Но это единственный вариант, который не отвалился сразу же. Предположим, что большая часть Эйхгорна сейчас находится в… свернутом виде. Оно по-прежнему где-то там… где-то здесь, но в данный момент у него нет ни массы, ни объема.

Эйхгорн глянул на вормолеграф. Нет, ничего не регистрирует. Никаких червоточин, никаких пространственных аномалий.

Хотя он и на минимы не реагировал.

Размышления Эйхгорна перебил какой-то странный скрежет. Этакое шур-шур-шур… сзади. Он повернулся к звуку – и дыхание перехватило. На него таращилась зверюга размером с сенбернара – шевелила усами, утробно ворчала.

В первый момент Эйхгорн не узнал монстра, но до него тут же дошло – мышь! Самая обычная домовая мышь… только сейчас она опаснее всякого волка!

На пару секунд Эйхгорн с мышью просто замерли. Гигантский грызун не мог пройти дальше – нора слишком узка, двоим не разминуться. Значит, сейчас она… что?..

Очень-очень медленно Эйхгорн поднял руку с фонариком. Пристально глядя в черные глаза-бусины, он ровным голосом, как можно четче выговаривая слова, произнес:

– Назад. Уходи. Иди отсюда.

Мышь попятилась. Не отрывая взгляда от источника света, она поползла обратно – юзом-юзом, пока не скрылась в боковом отнорке.

Эйхгорн выдохнул. Сейчас он был на волосок от гибели. Конечно, животные редко нападают на незнакомую дичь. Если зверь не болен бешенством, не умирает с голоду и не защищает себя или детенышей – он скорее всего предпочтет отступить и не связываться с непонятным существом. Тем более, что мышь – грызун, не хищник.

Но что если именно эта особь оказалась бы исключением из правила?

Вообще, Шторелли прав. Теперь окружающий мир стал чертовски опасным местом. Вряд ли Эйхгорну удастся так же легко отогнать кошку или хорька… интересно, водятся ли в Кардегарте хорьки? У него как-то не было случая поинтересоваться местной фауной.

Вот впереди показался свет. Эйхгорн прекратил крутить ручку динамо-фонаря и ускорил шаг. Похоже, он наконец-то выбрался.

Оказавшись на открытом воздухе, Эйхгорн прислонился к стене, стараясь стать как можно незаметнее. Он действительно выбрался, но… что дальше?

Мозг лихорадочно работал, ища решение столь неординарной задачи. Самостоятельно Эйхгорну прежние размеры не вернуть. Хочется надеяться, что заклинание временное, что со временем оно спадет само, но… вряд ли. Волшебник явно был уверен, что Эйхгорну теперь конец.

Наверняка существуют какие-то способы снять заклятие. Эйхгорн включил диктофон и начал привычно надиктовывать аудиозаметки. Это всегда помогало ему думать.

Вариант первый – попробовать сделать что-то самому. Как там снимают заклятия в сказках?.. Жаб, чудовищ и спящих красавиц расколдовывают поцелуи истинной любви… очень сомнительный способ. Нильсу Хольгерсону пришлось выполнить целый квест из трех частей. А Дюймовочка вообще так и осталась крохотной, да еще и вышла замуж за короля эльфов.

Хотя ее, кажется, никто и не заколдовывал. Просто феноменальный случай гипофизарной недостаточности.

Вариант второй, более реальный – отыскать другого волшебника. Желательно, выпускника Энормира, как Шторелли, но в крайнем случае можно и кого-то другого. Если не поможет, так хоть посоветует, что делать.

Вопрос в том, где его отыскать. Кроме самого Шторелли Эйхгорн знает в Кардегарте еще только двоих – татуировщицу и придворного чародея герцога.

Но татуировщица – по всей видимости, жена Шторелли… возможно, гражданская. Эйхгорн не был точно уверен, что за отношения их связывают. Даже если они просто совместно владеют лавкой, обращаться к ней за помощью слишком опасно.

Что же до придворного чародея… да, пока что это наиболее выполнимый вариант. Вот только где и как его разыскивать? У Эйхгорна раньше не было повода с ним пересекаться, так что он не удосужился узнать, где тот проживает. Кажется, у него особняк где-то за городом… очень-очень далеко за городом. Когда ты умеешь телепортироваться, можно поселиться где угодно.

Конечно, этот волшебник постоянно выполняет всякие задания герцога – но это не значит, что он ходит за ним хвостом. Телепортер же. Герцог просто вызывает его через дальнозеркало в случае надобности – как когда понадобилась консультация по «вечному двигателю».

А солнце уже близится к закату. Еще пара часов, и наступит ночь. Хотя для ускоренного метаболизма Эйхгорна это будет как целые сутки… интересно, не уменьшится ли теперь и продолжительность его жизни? По логике должна.

Если же она не изменится, если он будет стареть с прежней скоростью, но при этом мыслить и действовать в десять раз быстрее… что ж, в таком случае Эйхгорн не возражает даже и остаться лилипутом.

Но это крайне маловероятно.

Лавка супругов (?) Шторелли располагалась не в центре города, но и не на окраине. Ее фасад выходил на довольно оживленную улицу, но Эйхгорн выбрался с торца… хотя применимы ли такие термины к куполообразному строению?..

Впрочем, неважно. Главное, что Эйхгорн оказался даже не в

переулке, а просто на заросшей сорняками тропе меж двух домов. Вряд ли ей вообще пользовался кто-нибудь, кроме случайных прохожих, ищущих укромное место для отправления малой нужды.

Сорняки здесь вымахали порядочно. Даже человек нормального роста прошел бы не без труда, а уж мальчик-с-пальчик вроде Эйхгорна… для него это выглядело сосновым бором. Зеленые, источающие душистый аромат стволы уходили в поднебесье, громадные листья погружали все в полумрак, а под ногами шуршали и стрекотали насекомые размером с кулак.

С подозрением поглядывая на чудовищных, запросто теперь способных прокусить кожу муравьев, Эйхгорн зашагал вперед. Куда именно? Он пока что не представлял. Просто шел, ища выход из безвыходного положения.

Дал уже о себе знать и голод. Эйхгор ничего не ел с полудня, и под ложечкой начинало посасывать. Увы, вокруг не было ничего съестного – разве что все те же насекомые.

Но настолько Эйхгорн еще не проголодался.

К тому же он не был уверен, как теперь его организм воспримет пищу. По каким конкретно принципам он уменьшился, в чем конкретно состоит изменение? Биология, физика или что-то совсем неизвестное? Не окажется ли так, что нормальное вещество для него теперь несъедобно?

Даже для крохотного человечка тропка между домами осталась коротенькой. Полтора десятка метров – Эйхгорн прошагал их за минут за пять… то есть это были пять минут по его личным ощущениям. На самом деле, по всей видимости, он сделал это еще быстрее.

Жаль, нет часов, чтобы поэкспериментировать с изменившимся восприятием времени. Ускорившийся метаболизм… интересно, отчего он ускорился? Эйхгорн сильно сомневался, что это входило в заклинание. Какой-то побочный магический эффект? Или дело в том, что кровяным клеткам, нервным импульсам и всему остальному приходится преодолевать более краткие пути?

В конце тропки открылась уже другая улица. Или, точнее, пространство между домами. В Кардегарте, с его круглыми домами, улиц как таковых не было – здания не примыкали плотно друг к другу, и сверху города должно быть выглядели этаким «горошком».

Но была ли это улица или нет, люди по ней ходили. Живые горы, колоссы размером с высотные здания. Эйхгорн не мог даже толком рассмотреть лиц.

Хорошо, что двигались они медленно, будто под водой.

Перебежать на другую сторону будет явно нетрудно.

Вопрос в том, зачем. На другой стороне все те же самые дома. Куда идти-то?

Вот что-то оглушительно грохнуло. Земля под ногами вздрогнула и заколебалась. Эйхгорн тоже вздрогнул – неужели опять землетрясение?! Ему положительно везет на стихийные бедствия!

Но нет, то всего лишь один из великанов сбросил с плеч тяжелый тюк. Бухая пятками, он прошел к двери и… Эйхгорн метнулся обратно в заросли. Из двери выглянул мэтр Шторелли.

Просто случайное совпадение, конечно. Но Эйхгорн понял, что здесь ему оставаться не следует. Волшебник может решить все-таки окончательно уничтожить улики – и кто знает, нет ли у него магии, чтобы разыскивать сбежавших лилипутов?

Надо уходить, и побыстрее.

Так он и сделал. Перебежками, перебежками Эйхгорн перебирался от дома к дому, прячась в травяных зарослях и мусорных кучах. Дважды едва не угодил под сандалию, лишь чудом избежал встречи с крысой, а потом битый час просидел под разбитой пиалой, пока снаружи топталась какая-то птица. Похожая на ворону, только с тонким кривым клювом, она явно не видела ничего странного в крошечном человечке.

К счастью, в конце концов терпение у птахи лопнуло, и она улетела восвояси. Очень осторожно выбравшись из-под пиалы, Эйхгорн побрел дальше.

Он по-прежнему понятия не имел, куда держит путь. И есть с каждым часом хотелось все сильнее. Быть может, прокрасться в какой-нибудь дом, поискать съестного? Вряд ли кража нескольких хлебных крошек будет таким уж тяжким преступлением.

Именно так Эйхгорн и решил поступить. Он облюбовал небольшую аккуратную мазанку, из которой тянулся запах какого-то печева. Хозяйка как раз точила лясы с соседской кумушкой, дверь была закрыта неплотно, и лилипут ростом с палец протиснулся без труда.

Внутри царил полумрак. Плотно занавешенные окна плохо пропускали свет. Но Эйхгорн все равно разглядел на столе нечто пышное, румяное… нечто вроде калача. Аромат он источал такой, что Эйхгорн невольно сглотнул.

Только вот стол был хотя и низеньким, но для нынешнего Эйхгорна – что пятиэтажный дом. Он обошел вокруг ножки, попытался обхватить – тщетно. Просто не хватало размаха рук.

– Эй, ты, – вдруг раздался чей-то басок. – Мы тут первые были.

Эйхгорн вздрогнул. В первый миг он решил, что его застукала

хозяйка. Но это, разумеется, оказалось не так – хотя бы потому, что голос не в пример тоньше, чем у нормальных людей.

Медленно повернувшись, Эйхгорн обнаружил перед собой… лилипутов. Такого же роста, как он сам, или даже еще меньше. Сразу двое выросли словно из-под пола, а третий виднелся у двери.

И были это явно не люди, а некие человекоподобные существа. Тоже гуманоиды, две руки, две ноги, но телесные пропорции совершенно иные.

Особенно головы. Головы у этих малышей вдвое превышали нормальные – размером почти с туловище, если даже не больше. Человек вряд ли смог бы таскать на плечах такую тяжесть, но эти явно дискомфорта не испытывали.

И то сказать – при их-то росте!

– Вихрастый, – кивнул один из головастиков. – А это Сборщик и Несун. Ты?..

– Эйхгорн.

– Непонятное имя, – заметил Вихрастый. – Что оно значит?

– Ничего. Просто имя.

– Так не бывает, чтобы имя – просто имя, – рассудительно заявил Вихрастый. – Всякое имя обязательно что-нибудь да значит.

Сборщик легонько пихнул его в бок, и Вихрастый встрепенулся. Несун, явно стоявший на стреме, махнул рукой, и эти двое принялись разматывать длинную веревку с крюком… точнее, чьим-то крючковатым когтем.

– Участвуешь? – коротко бросил Вихрастый, раскручивая веревку.

Эйхгорн молча кивнул. Он понятия не имел, с кем повстречался, но его это сейчас не волновало. Главное то, что у них явно общая цель – добыча провизии.

Сборщик, худощавый и цепкий, вскарабкался по веревке с удивительной скоростью и принялся швырять вниз крошки и целые хлебные комочки. Вихрастый и примкнувший к нему Эйхгорн собирали их в мешки из странного материала – тонкого, белого, похожего на полиэтилен. Эйхгорн не сразу понял, что это, но потом догадался – плавательные пузыри каких-то рыб.

Набили их плотно. Получились вьюки в рост человека… человечка. Эйхгорн моргнул, не понимая, как его новые знакомцы собираются их тащить, но Вихрастый с легкостью закинул один себе на спину.

Вообще-то логично. Чем меньше существо, тем относительно больший вес оно способно поднять. Эйхгорн попробовал тоже – и без особого труда забросил на себя второй мешок.

Несун издал пронзительный свист – возвращалась хозяйка. Сборщик скинул вниз веревку и спрыгнул сам – просто шагнул вниз с края стола. Мешков было всего три, и один уже занял Эйхгорн, так что Сборщику ничего не осталось – но он вроде не огорчился.

– Бежим, бежим, бежим! – подбадривал всех Вихрастый, аж подпрыгивая со своим мешком.

У него он был самым огромным – из-под набитого рыбьего пузыря виднелась только пара ножек ниже колен. Эйхгорн поначалу поотстал, но ему было привычно таскать рюкзаки, так что он быстро приноровился.

Впереди возвысились две чудовищно толстые колонны… пара ног! Лилипутики со своими мешками промчались между ними, словно делали это каждый день… хотя почему бы и нет? Эйхгорн еще успел напоследок бросить взгляд на стол с калачом – в боку у того зияла изрядная дыра.

– БУШУКОВЫ КРЫСЫ!.. – раздался рев из поднебесья. Хозяйка тоже заметила испорченный калач.

А вот крохотных воришек она не заметила – да тех уже и не было в доме. Они выбрались наружу и помчались по краю улицы, весело гогоча и поздравляя друг друга с удачным набегом.

– Эта человека печет самые вкусные булки в городе! – поделился с Эйхгорном Вихрастый. – Ты тоже за булкой приходил? А мешок чего не взял?

– Дома забыл, – пробормотал Эйхгорн, пристально изучая своих новых подельников.

– Мы тебя раньше не встречали. Хотя мы в округе всех пигмеев знаем. Ты не местный?

Эйхгорн сразу уцепился за случайно проскользнувшее в беседе слово. Вот, значит, как эти сверхкарлики себя называют. Пигмеи.

Хотя на самом деле они, конечно, произнесли какое-то иное слово… но мозг Эйхгорна упорно слышал «пигмеи». Какой-то странный эффект, связанный… Эйхгорн по-прежнему не знал, с чем это связано.

Да и сейчас ему уж точно было не до этого. Он угодил в какую-то совершенно новую плоскость Парифата и собирался как следует с этим разобраться.

– Я не местный, – чуть подумав, ответил он. – Очень издалека. Заблудился. Можно мне пока с вами?..

– Ну это я даже не знаю, – почесал в затылке Вихрастый. – Я сам-то не могу вот так разрешить. У нас все решают бабки.

– Хм… И сколько нужно? Пара золотых у меня найдется…

Эйхгорн выгреб из кармана уменьшившиеся вместе с ним

монеты. Но пигмей только повертел одну в руке, пожал плечами и протянул обратно.

– Что это за круглые штуки? – поинтересовался он.

– Э-э… бабки.

– Ты, видимо, ушибся головой, – хмыкнул Вихрастый. – Ничего, мы тебя к Микстуре отведем. Булки хочешь?

Отказываться Эйхгорн не стал – благо свою долю он явно заслужил. Калач оказался удивительно вкусным… и по крайней мере во рту ощущения ничем не отличались от прежних. Эйхгорн решил пока не думать о том, как это потом будет перевариваться.

Пигмеи перемещались по городу с поразительной скоростью. При этом они ухитрялись оставаться совершенно незаметными. Дважды группе встречались другие пигмеи – еще одна группа фуражиров, втроем тащившая сардельку, и одиночка, летевший верхом на воробье. Похоже, эти человечки жили здесь повсюду.

Оказалось, правда, что живут они все-таки не среди людей. Вихрастый, Сборщик и Несун вывели Эйхгорна за город и еще дальше – в небольшую укромную рощицу. Там, в самой чаще, и обнаружилось их поселение.

Человечки с огромными головами жили в выдолбленных пнях и даже деревьях. Их здесь оказались целые сотни. Носили они искусно пошитые костюмчики из листьев, птичьих перьев, шкурок мелких животных и лоскутков, тоже очевидно украденных у больших людей.

На Эйхгорна все пялились с нескрываемым любопытством – да он и сам чувствовал, насколько выделяется. Одеждой, чертами лица, а главное – пропорциями. Рядом с пигмеями он казался чуть ли не микроцефалом.

Сопровождающие не дали ему толком оглядеться. Несун прибрал все три мешка с наломанным хлебом и унесся к огромному пню, а Вихрастый и Сборщик провели Эйхгорна к кряжистому, очень старому на вид дереву. Там, между корней, примостилась аккуратная круглая дверца.

Нора за ней чем-то напоминала хоббичью. Очень уютная, обставленная изящной мебелью и украшенная разными безделушками, она закончилась просторным залом. Там, в зеленоватом свете гнилушек, сидели в креслах и что-то вязали три скрюченные морщинистые старухи.

– Так это вот такие бабки у вас все решают? – запоздало сообразил Эйхгорн.

– Ну да, – недоуменно глянул на него Вихрастый. – А какие же еще?

– Это вы нам кого сюда привели? – прошамкала центровая бабка – самая скрюченная и морщинистая. – Зачем он нам тут?

Эйхгорн открыл было рот, чтобы объяснить, кто он есть, но его опередил Вихрастый. Во всех подробностях он рассказал, как они с друзьями добывали булку, когда встретили вот этого странного пигмея. Но он хороший пигмей – помог нести добычу. Так мол и так.

– А еще он показывал нам какие-то круглые штуки, – вспомнил Сборщик.

– Да, точно.

– Что еще за круглые штуки? – недовольно буркнула бабка.

– Покажи, – пихнул Эйхгорна в бок Вихрастый.

Тот снова выгреб из кармана монеты. Бабки пристально их осмотрели, поводили кривыми носами, а потом центровая заявила:

– Я однажды видела такую штуку. Только она была размером с мою голову.

– Да, знаю, – подтвердила другая бабка. – Это штука человеков.

– Человеки называют их «деньгами» и очень любят, – добавила третья.

– Почему? – не понял Вихрастый.

– Потому что они человеки. У них все очень глупо.

– А тебе они зачем? – спросил Вихрастый у Эйхгорна.

– Просто он тоже человек, – ухмыльнулась центровая бабка. – Ты ведь человек?

– Человек, – решил не отрицать очевидного Эйхгорн.

– А-а!.. – протянул Вихрастый. – А я-то думаю – до чего же уродливый пигмей… Такая крошечная головенка…

– Но человеки же не бывают размером с пигмея, – напомнил Сборщик.

– Да, один палец человека размером с пигмея.

– Меня уменьшили, – честно признался Эйхгорн. – Один волшебник.

– У-у, волшебник!.. – аж передернуло Вихрастого.

– Фу-фу-фу! – прошипела центровая бабка. – Волшебники не несут ничего хорошего. От них одно зло.

– А у вас самих есть волшебники? – живо заинтересовался Эйхгорн.

– Есть где-то, – неохотно призналась бабка.

– Но мы их не любим! – добавила другая.

– Мы их прогоняем, если увидим! – усилила эффект третья.

Это Эйхгорна огорчило. Значит, в этом отношении пигмеи ему ничем не помогут.

Но они хотя бы могут научить его жить в этом мире гигантов. Рассказать, что тут к чему. Как не умереть с голоду и самому не

стать пищей.

Об этом он и попросил пигмейских бабок. Те выслушали Эйхгорна, переглянулись и зашептались… ну как зашептались? Были они явно глуховаты, так что шептали громче, чем иные люди говорят.

– А что ты умеешь делать? – наконец спросила центровая бабка уже у Эйхгорна.

Эйхгорн задумался. Умел он, в общем-то, многое, но что из его навыков может пригодится пигмеям?

– Ну… я могу работать руками, – попробовал он. – Умею чинить разные вещи. Или собирать новые.

– Полезное ремесло, – согласилась бабка. – А вот, скажем, тубаретку сделать смогёшь?

– Конечно, – пожал плечами Эйхгорн.

– Ну тогда живи у нас! – великодушно разрешила старая пигмейка. – Не прогоним!

Глава 49

Жизнь среди пигмеев оказалась не так уж плоха. К Эйхгорну они отнеслись доброжелательно, хотя и несколько бесцеремонно. Каждый прекрасно говорил на парифатском языке и первым делом спрашивал, почему у Эйхгорна такая крошечная голова.

Оказалось, что такие племена пигмеев распространены по всему Парифату. Одни постоянно живут на одном месте, другие кочуют. Многие вовсе странствуют поодиночке или маленькими группами. Человеки и другие большие существа о них знают, но несколько отвлеченно – пигмеи редко попадаются им на глаза.

Все у пигмеев было общее. Отсутствовала не только частная, но даже и личная собственность – если кому что было нужно, он спокойно брал. Денег у пигмеев тоже не водилось, и они вообще не знали, что это такое.

Такие экономические отношения они переносили и на внешний мир. Беззастенчиво воровали у людей все им нужное – от свечного воска до цветных стеклышек. Причем сами они это кражей не считали – да и само слово «кража» в их лексиконе отсутствовало.

Просто добывание.

Конечно, люди страдали от этого не сильно. Много ли нужно таким лилипутикам? Большую часть ими утащенного списывали на крыс или сорок.

Хотя пищу пигмеи обычно добывали не в домах, а на огородах. Самые обычные растения были для них гигантскими, так что одного огурца или помидора хватало на обед всему племени. Естественно, при таком изобилии сами они сельским хозяйством заниматься даже не пытались.

А вот охотились многие. На соразмерных им животных, конечно – грызунов, мелких птиц, лягушек и ящериц. Некоторых из таких зверьков пигмеи и приручали – Эйхгорн пару раз видел наездников на воробьях, а кое-кто водил на поводках крупных жуков.

Эйхгорн быстро перезнакомился со всем племенем. Народом пигмеи оказались очень непосредственным, во многом вели себя совершенно как дети. Правда, глупыми или простодушными назвать их было нельзя. Просто создавалось впечатление, что некоторые аспекты жизнедеятельности им в принципе непонятны.

Например, такая штука, как размножение. Пигмеи двуполы, но у них отсутствует брак или иные формы отношений. Поскольку как-то они все же должны размножаться, Эйхгорн решил, что эти дела у них, видимо, предельно табуированы.

Ребенка Эйхгорн тоже видел всего раз. Потом случайно выяснил, что дети пигмеев рождаются совсем крошечными, но растут с поразительной скоростью и уже через полтора-два месяца ничем не отличаются от взрослых.

За пару дней пигмеи полностью привыкли, что среди них живет странный пигмей с малюсенькой головой и уже не отличали Эйхгорна от всех остальных. Имени его они, правда, так и не запомнили, дав вместо него обидную кличку – Очкарик.

Сами они, впрочем, обидной ее не считали. У всех пигмеев вместо имен были такие вот прозвища, даваемые либо по роду занятий – Сборщик, Лучник, Микстура, Стряпуха; либо по каким-то чертам внешности или характера – Вихрастый, Спун, Толстуха, Большеглазка. Дети обходились без имен… во всяком случае, того единственного ребенка, что Эйхгорн встретил, не звали никак.

Как правило, пигмеи, носившие «профессиональные» имена, занимались только чем-то конкретным. Остальные же трудились где придется и как попало – участвовали в набегах, убирали мусор, работали по дому или помогали «специалистам».

Эйхгорн без труда влился в эту систему. Благо пигмеев окружало такое изобилие, что работали они в целом куда меньше, чем люди. Да и вообще жили беззаботно, не утруждая себя законами и правилами. У них напрочь отсутствовали политические отношения, материальных благ хватало на всех, а самыми страшными преступлениями считались вандализм и хулиганство. Ничего более скверного они даже не могли себе представить.

Правительства как такового у пигмеев тоже не было. Во всяких спорных ситуациях они обращались за советом к бабкам – но те были не вождями, а просто старейшинами. Не было определено даже их количество – просто группа самых старых женщин в племени.

– А почему только бабки? – спросил Эйхгорн у Вихрастого. – Почему не дедки?

– Потому что бабки умнее дедок, – ответил тот.

– Кто сказал? – удивился Эйхгорн.

– Бабки сказали, – пожал плечами Вихрастый.

Впрочем, кроме бабок в этом обществе имелись и неформальные лидеры. Тот же Вихрастый постоянно всеми командовал – и его все слушались. Например, на третий день пребывания Эйхгорна в племени пигмеи устроили нечто вроде субботника – чистили территорию от мусора, истребляли в домах-деревьях личинок, вытряхивали половики, мыли окна, – и руководил мероприятием именно Вихрастый.

Эйхгорн тоже помогал. Меланхолично махал сделанной из веточки метлой, размышляя про себя, как построить здесь летательный аппарат. При его новых размерах задача упрощается во много раз – что сложного в создании игрушечного самолетика? Или добыть буквально капельку флогистона, наполнить им хоть тот же рыбий пузырь, привязать к спине… и парить!

Ну или хотя бы высоко прыгать.

Тем более, что падения теперь стали практически безопасными. Пигмеи без страха скатывались с самых высоких пней, прыгали с деревьев. Всюду у них были лесенки и горки, с веток спускались канаты, а квартиры-дупла встречались даже на самых вершинах. Поселок занимал совсем небольшое пространство – всего-то тринадцать деревьев, – но каждое являлось по сути многоэтажным домом.

Хотя по внутреннему устройству эти квартиры напоминали скорее норы, чем дупла. Выдолбленные в дереве, но довольно извилистые, со множеством комнат. Обычно имелась одна большая, из которой отнорки вели в комнатушки поменьше. Спаленки, кухоньки, мастерские и, конечно, кладовочки.

Кладовочек было особенное изобилие. Не все, но многие пигмеи были жуткими барахольщиками, собирая и скапливая все, что казалось интересным. Найденное в лесу, добытое у людей, сделанное собственными руками – хватало разнообразнейшего добра. Изрядная часть этого мусома хранилась в пигмейских закромах уже годами.

Каких-то контор или общественных зданий у пигмеев не было. Все специалисты работали на дому, массовые развлечения устраивались на открытом воздухе, а торговля отсутствовала как явление. По сути, был только зал для собраний – тот самый, в котором Эйхгорна принимали бабки.

Отсутствовали и культовые сооружения. У пигмеев имелось нечто отдаленно похожее на религию, но оно было напрочь лишено богов и вообще сверхъестественных сущностей. Это скорее напоминало закон кармы – считалось, что если ты будешь хорошо относиться к окружающим, то и у тебя лично все всегда будет хорошо. Ну а если плохо… тогда случится какая-нибудь ерунда. Лягушка съест или еще что-нибудь в таком роде.

Впрочем, к смерти пигмеи относились очень спокойно, даже с каким-то равнодушием. Жили они, как понял Эйхгорн, всего лет десять, но при их ускоренном метаболизме это было очень даже продолжительным сроком. Старость длилась недолго – те же бабки сменялись достаточно часто. Умерших не хоронили – просто уносили подальше в лес и почти сразу же забывали о их существовании.

Истории у пигмеев не было в принципе – ни общей, ни личной. Никто из них не знал даже имен своих родителей. События хотя бы недельной давности казались им несказанно древними и не вызывали ни малейшего интереса.

Строить самолет или воздушный шар Эйхгорн быстро передумал. Ему просто некуда было лететь. Конечно, можно продолжать изучать этот микромир и его обитателей, но он все же хотел вернуться в нормальное состояние. Где-то там немой охранник по-прежнему стерег аэростат и запасы флогистона, и Алатус с каждым днем подплывал все ближе.

А как именно вернуться в нормальное состояние, Эйхгорн уже придумал. Идея пришла к нему, когда он участвовал в охоте на огненную агаму. Не слишком крупная, едва ли сорока сантиметров вместе с хвостом, пигмеям она казалась чудовищным драконом. И однако они одолели ее всего лишь впятером – поймали в веревочные силки и затыкали насмерть копьями.

Копья после этого почему-то просто выбросили – и это вызвало у Эйхгорна недоумение. Он спросил, в чем дело – оказалось, что огненная агама очень ядовита. На нее охотятся не ради мяса, а ради крови и внутренностей – из них пигмейка Микстура делает лекарства.

Но использовать испачканные в этой крови копья уже нельзя – убьют они, конечно, кого угодно, но мясо станет несъедобным.

Эйхгорн выслушал с интересом, а когда пигмеи разошлись – прихватил одно отравленное копье себе. А потом еще и выпросил у Микстуры флакон агамовой крови. Любой человеческий врач отнесся бы к такой просьбе с подозрением, но пигмейка лишь предупредила, чтобы Эйхгорн был осторожен и не вздумал это пить.

Обзаведясь оружием, Эйхгорн стал подыскивать средство передвижения. Конечно, он мог вернуться тем же путем, что и сбежал, но ему почему-то не нравилась эта идея. Наверняка Шторелли давно замуровал ту нору или поставил у входа мышеловку.

Нет, лучше попробовать нестандартные пути проникновения. Через окно, например… или через печную трубу. Кардегарт расположен на экваторе, климат жаркий, но печи в домах все равно есть – для готовки.

Хотя это скорее камины, чем печи. В центре каждого здания расположен каменный стержень, который одновременно служит несущей колонной, вентиляционным отверстием и жаровней. Кардегартцы пекут в них лепешки, жарят мясо, рыбу, картошку…

хотя насчет картошки Эйхгорн не был уверен. Кажется, у местных она не в почете.

Через трубу Эйхгорн и решил проникнуть. А чтобы сделать это – начал брать уроки у Летуна, лучшего в племени воробьиного наездника.

Пигмеи ловили воробьев силками. Тех, что постарше, попросту ели, а вот молодых выхаживали и приручали. У них имелась самая настоящая воробьюшня на одиннадцать голов – птицы привыкли получать пищу от двуногих и не возражали носить их на спинах.

На одной из птиц Эйхгорн и стал учиться. Самолет, вертолет, воздушный шар… если ты никогда не поднимался в небо на спине воробья, ты просто не знаешь жизни. Попробуй, удержись на скользких перьях, не свались с довольно-таки мелкой птички.

Но с каждым днем у Эйхгорна получалось все лучше и лучше. Он уже мог заставить воробья выделывать фигуры… ну пусть не высшего пилотажа, но хоть какого-то. Если бы птице – да и ему самому! – не требовался отдых, Эйхгорн пожалуй и вовсе бы не опускался на землю.

Пигмеи не обращали внимания на его полеты. У них каждый развлекался по своему усмотрению, и никто не возражал, пока это не мешало остальным. Ворчала разве что Зернышко – ходящая за воробьями пигмейка. Ее раздражало, что Очкарик катается на воробье просто так, безо всякого толку.

В свободное от полетов время Эйхгорн учился пользоваться копьем. Именно копья в основном использовали пигмеи на охоте. Большие и тяжелые рогатины – когда имели дело с крупными зверями вроде крыс и лягушек. Тонкие костяные остроги – когда шли на мелкую дичь вроде жуков и шмелей. И совсем маленькие легкие копьеца – для метания.

Эйхгорн обзавелся самым большим и тяжелым. Стараясь не касаться отравленного наконечника, он день за днем повторял приемы, которыми охотно делился Шрам – старый, побитый жизнью охотник. Возрастом он ненамного уступал бабкам.

– Размахнулся – и коли, – терпеливо говорил он, взирая на отработку ударов. – Размахнулся – и вонзай. Всем телом навались на древко.

Эйхгорн послушно наваливался. Про себя при этом думал, насколько же странным делом занимается… и насколько вообще странен его нынешний образ жизни.

Семнадцать дней в итоге провел Эйхгорн среди пигмеев. Семнадцать дней, которые при его новом ускоренном метаболизме длились как полгода. А утром восемнадцатого на горизонте показалась темная, почти еще неразличимая полоса.

Алатус.

Это заставило Эйхгорна слегка ускориться. Он предполагал, что у него в запасе еще около недели, но погрешность оказалась больше допущенной. Все-таки расчеты приходилось делать, оперируя довольно приблизительными данными.

Так или иначе, вечером того же дня Эйхгорн стал собираться в путь. Он распрощался с пигмеями, поблагодарив их за гостеприимство, оседлал воробья и взял курс к гигантским бурым куполам.

Люди. Отсюда, с высоты птичьего полета, они казались нормального роста. Очень легко было забыть, что сейчас любой из них может раздавить Эйхгорна сапогом, свернуть голову просто пальцами. Крепко держась за воробьиные перья, Эйхгорн высматривал ту волшебную лавку, что доставила ему столько неприятностей.

Сверху она ничем не отличалась от большинства домов Кардегарта. Но Эйхгорн уже летал здесь вчера… да и сегодня тоже. Он давно нашел искомое – теперь осталось только направить воробья к нужной трубе.

Благо уже почти совсем стемнело…

Глава 50

Этой ночью Леблин Шторелли собирался спать особенно крепко. Он выпил на ночь бокал охлажденного вина, заел его пресным печеньицем и опустил усталую главу на подушку.

Вторая половина ложа оставалась нетронутой. Супруга еще с утра отбыла порталом в родную Мистерию, гостевать к маменьке. Мужа с собой не позвала, да тот и не напрашивался. С тещей у них отношения всегда были прохладными… смешно звучит, если знать, что мэтресс Накса Оллодере – магистр Элементурия, стихийный факультет, элемент – Лед.

Закрыв глаза, Шторелли мысленно стал подсчитывать минимы, что сторговал за день. Восемнадцать запаковок материала заказчика, да еще одиннадцать – продажи готовых штук. В том числе – прекрасный мебельный гарнитур на семь предметов. Столик обеденный, к нему два стула, диван, мягкое кресло, шкап для одежды, да секретер для бумаг – и все в одной миниме!

Очень хороший доходец капнул с этой сделки.

Жаль, все не удается никому всучить складной дом. Шторелли в свое время взял его очень удачно, за бесценок, но что толку, если теперь он лежит мертвым грузом? За целый год никто так и не заинтересовался…

С этой мыслью Шторелли и заснул. Он не видел, как в камине мелькнул лучик света, а из трубы спустилась длинная шелковая нить. По ней соскользнул крохотный человечек с копьем в одной руке и динамо-фонариком в другой.

Пару секунд он стоял, с досадой оглядывая пепел, в который погрузился почти по колено, а потом спрыгнул на пол. По комнате прокатывался тягучий гулкий рокот, в котором не всякий смог бы узнать обычное похрапывание.

На кровать Эйхгорн вскарабкался с помощью кошки. Пигмеи использовали такие сплошь и рядом, делая их из обычных ниток и крохотных рыболовных крючков.

То и другое они, разумеется, «добывали» у людей.

Опытный альпинист, Эйхгорн покорял и довольно высокие пики. Эвереста в его достижениях, правда, не было, но Казбек и Пик Коммунизма присутствовали. Случалось ему и ходить под парусом – в том числе по штормовому морю. Но взбираться по спящему великану… это оказалось совершенно новым ощущением.

Одеяло, под которым возлежал Леблин Шторелли, было мягким-премягким, и Эйхгорн с трудом сохранял равновесие. Он

словно шел по болоту, зыбучим пескам… или громадному матрасу.

Помогая себе копьем, лилипут добрался до головы. Почти полминуты Эйхгорн просто стоял молча и пристально изучал лицо спящего гиганта. Очень уж завораживающим оказалось зрелище.

Но мэтр Шторелли не был картиной Брюллова, так что длительного интереса вызвать не мог. Спрыгнув с одеяла, Эйхгорн двинулся вдоль щеки – и остановился возле виска.

Здесь кожа тоньше всего.

Кожа. Читая «Гулливера», Эйхгорн полагал, что тот преувеличивает, описывая жителей Бробдингнега. Но нет – пожалуй, даже преуменьшал. При таком масштабе человеческая кожа выглядела по-настоящему неприятно – грубая, шершавая, покрытая рытвинами и толстенными волосинами. Издалека – еще ничего страшного, а вот вблизи…

Примериваясь, Эйхгорн чуть коснулся копьем виска. Пожалуй, умелый копейщик-пигмей смог бы убить спящего человека даже без яда – но Эйхгорн таким навыком не обладал. Да и вообще убивать он никого не собирался – это ничем не поможет вернуться в нормальное состояние.

Или заклятие развеется, если убить того, кто его наложил? В сказках вроде было что-то такое, но сказки – источник сомнительный и противоречивый. Как с этим обстоит в реальности, Эйхгорн не знал и проверять пока не планировал.

Есть же такое надежное средство, как рэкет.

Эйхгорн перевернул копье и потыкал Шторелли тупым концом. Как тыкали когда-то его самого парибульские егеря. Было не больно, но неприятно.

От первого тычка волшебник не проснулся. Не проснулся и от второго. Но когда Эйхгорн саданул со всей дури, Шторелли все же что-то почувствовал. Он издал сдавленный рокот, повернул голову, приоткрыл глаза… и заморгал, ослепленный крошечным фонариком.

– ЧТОООООО… – тягуче начал Шторелли.

Начал – и заткнулся. Ему в губу уперлось копье.

Теперь острый его конец.

– ТЫ… ТЫ ЖИВ?.. – изумленно пробасил волшебник. – А… А ЭТО ЧТО?..

– Копье, – любезно ответил Эйхгорн. – Не шевелись, а то уколю.

– УКО… У…

Шторелли рефлекторно дернулся, взмахнул рукой, но Эйхгорн оказался быстрее. Вообще, ускоренный метаболизм

давал неплохое преимущество даже при крошечных размерах. Живя среди пигмеев, Эйхгорн приобрел новые навыки – и теперь легко увернулся от громадной, но такой медленной ручищи.

– Я же велел не шевелиться, – укоризненно повторил он, снова тыкая копьем в губу. – В следующий раз точно уколю. А тут яд огненной агамы, между прочим.

– Я… ЯД?!

– Яд. Один укол и… хотя, может, на волшебника он не подействует?

– Н-НЕ ПОДЕЙСТВУЕТ! – торопливо заверил Шторелли.

– Значит, не будет и ничего страшного, если я кольну разок?

– Н-НЕ НАДО!

– Тогда быстро возвращай мне мой рост, – потребовал Эйхгорн.

Он старался говорить жестко и решительно, но волшебник, разумеется, слышал трескучий комариный писк. Что-то типа тех голосочков, которыми болтают всякие мультяшные бурундуки. Хотя Эйхгорн еще и нарочно растягивал слова.

Фразы же Шторелли звучали кошмарно медленно. Медленной стала и мимика. Удивление, страх, растерянность – все эти эмоции теперь открыто читались. Особенно пристально Эйхгорн следил за движением зрачков – куда этот гигант смотрит, что затевает?..

– Эй, вы там, присматривайте за ним! – крикнул он куда-то в сторону. – Если что – колите в ноги!

Взгляд Шторелли потускнел. Похоже, волшебник обдумывал возможность снова что-то колдануть. Уменьшить Эйхгорна до размеров муравья или вообще свернуть в миниму – кто уж его знает, на что этот тип способен?

Но, по счастью, благоразумие взяло верх. Убоявшись невидимых союзников Эйхгорна (о существовании пигмеев Шторелли явно знал), он шевельнул губами – и от него снова изошла та странная, ни с чем не сравнимая волна энергии.

Эйхгорн сразу почувствовал ее воздействие. Ощутил себя так, словно потягивается… всем своим существом. Гигантский Шторелли стремительно уменьшился, на кровати стало гораздо теснее, а копье просто выскользнуло из рук. Оно, как и все прочие пигмейские предметы, сохранило прежние размеры.

Оставшись без оружия, Эйхгорн не стал терять времени даром. Пока Шторелли не опомнился со страху, он любезно сказал:

– Мне тут говорили, что если плюнуть волшебнику в лицо, он не сможет колдовать, пока не утрется. Это правда?

– Н-не совсем, – уже нормальным голосом ответил

Шторелли. – Сам плевок значения не имеет – просто для применения заклинания нужно сосредоточиться. Если концентрацию нарушить, заклинание с высокой долей вероятности прервется. Для этого годится что угодно – удар, плевок, даже громкий крик… Конечно, работает это только со слабонервными волшебниками…

Эйхгорн смачно харкнул ему в лицо. Шторелли заверещал, принялся утираться… а Эйхгорн деловито саданул его в висок вазой. Без звука, без стона волшебник обмяк и упал на кровать.

Так-то оно надежнее. Эйхгорн не собирался становиться убийцей, но и поворачиваться спиной к этому подлецу не собирался тоже. Пусть побудет пока в бессознательном состоянии – а когда очнется, Эйхгорна уже и след простынет.

Покидая лавку, Эйхгорн не забыл сунуть нос в кладовую, прихватить горсть миним. Вором он становиться тоже не собирался, поэтому взял только свое – те минимы, за которые внес аванс. Ну и еще парочку сверху – просто как возмещение морального ущерба.

Подумать ведь только – целых семнадцать дней пробегал лилипутом! И это при том, что в том состоянии они длились как полгода! Эйхгорну теперь было уже и неудобно ходить в нормальном виде – тело стало жутко тяжелым, руки и ноги словно налились свинцом. Каждый шаг с отвычки давался трудно, сам себе казался громоздкой тушей.

Уже выйдя из лавки и пройдя добрых полпути до аэростата, Эхйгорн чертыхнулся, едва не хлопнув себя по лбу. За всеми этими перипетиями он забыл спросить о проклятом амулете. Так и не узнал, для чего нужна побрякушка, из-за которой волшебник был готов убить человека. Собирался ведь, да совсем из головы вылетело.

Ну и черт с ним. Не возвращаться же теперь.

Эйхгорну казалось, что отсутствовал он невероятно долго. Но для нормальных людей, конечно, не прошло и трех недель. Немой охранник при виде нанимателя только выпустил дымное кольцо из трубки, указал на небо и поднял один палец.

– Да, последний день, – согласился Эйхгорн.

– А-а-а?.. – сложил пальцы кружочком охранник.

– Нет, продлевать не буду. Ты свободен, спасибо.

Как только охранник собрал пожитки и удалился, Эйхгорн развел костер побольше и принялся возиться с шаром.

Ночь была лунная, светлая. Вокруг ни души, ни огонька. Только вдали тявкало… квакало… издавало странные звуки некое местное животное. Эйхгорн неторопливо выпаривал лахмедановую смолу, заполняя аэростат флогистоном с примесью

сложных эфиров. В воздухе стоял необычный, но довольно приятный запах, похожий на аромат китайской груши.

Сейчас прямо на глазах Эйхгорна происходило немыслимое – вес шара становился отрицательным. Заполнявший оболочку флогистон занимал все больший объем. Вот уже гондола оторвалась от земли, удерживаемая только привязанными к столбикам канатами. Эйхгорн закинул в нее несколько мешков с песком, и та снова опустилась.

На востоке зарозовел рассвет. В его лучах стала видна бескрайняя темная масса, надвигающаяся с запада. Алатус. За ночь он продвинулся на полсотни километров и теперь занимал уже полгоризонта.

Эйхгорн не был уверен, насколько твердое днище у этой гигантской Лапуты, поэтому не хотел биться в него аэростатом. Вместо этого он собирался подняться немного выше, а потом уже приземлиться на… поверхность. Так что ему следовало поторапливаться – Алатус плыл медленно, но безостановочно.

К тому же теперь, когда аэростат наполнен газом, его видно издалека. Не ровен час, в городе кто-нибудь заинтересуется – а что это за здоровенная штука там болтается? Эйхгорн не красил оболочку, так что шар получился желтовато-бурым – цвета натурального каучука. Но и подобный пузырь может вызвать подозрение.

Вон, кстати, на дороге уже и виднеется какой-то зевака. Остановился, таращится… даже повернул было к шару, но потом двинулся прежним путем. Но все равно постоянно оглядывается.

Неудивительно – аэростаты даже и на современной Земле неизменно собирают любопытствующих, а уж здесь, где народ в глаза такого не видывал…

Конечно, Эйхгорну особенно незачем таиться. Он не делал ничего плохого, не нарушал никаких законов. Он специально проверял – местное законодательство ничего не имеет против полетов, и для них не требуется даже регистрация. Хоть на ковре-самолете в воздух поднимайся, хоть на крыльях. На востоке Кардегарта, кстати, есть небольшая слобода гарпий – они облюбовали ряд каменистых островков и выстроили нечто вроде поселка.

Но о воздушных шарах в гражданско-уголовном уложении, разумеется, ничего не сказано. А если что-то не запрещено – это еще не значит, что оно разрешено. Герцог Уульнарь не того типа правитель.

Эйхгорн проверил пенал с минимами, переложил в него те несколько, что добыл этой ночью. Заново пересчитал припасы. Даже с флогистоном грузоподъемность аэростата получилась

невеликой, так что большую часть он вез в виде миним – удобная все-таки штука! – а обычным путем лишь кое-что на первые дни.

Сверток сушеного мяса, немного сухарей, бочонок воды. Десяток плиток шоколада – Эйхгорн неожиданно нашел их в лавках Кардегарта. Теплую одежду. Одеяло. Запасные очки. Инструменты. Подзорную трубу.

В общем, все те вещи, что обычно берут в дорогу воздухоплаватели.

На дороге появились еще люди – и теперь они двигались прямо к аэростату. До них оставалось еще метров пятьсот, так что Эйхгорн не мог отчетливо различить лиц или расслышать голоса, но судя по активной жестикуляции, они были чем-то возбуждены.

Нетрудно догадаться, чем именно.

Эйхгорн не стал дожидаться их приближения. Он отвязал канаты, сбросил один мешок с песком и подставил лицо воздушным потокам.

Его ожидали небеса.

Глава 51

На своей «Переперделке» Эйхгорн не поднимался над уровнем моря выше километра. От силы полутора. Теперь же он собирался подняться выше – и гораздо выше! Алатус, если верить Игхри Марадосу, парит в девяти, если не десяти километрах над землей. Если придется лететь над Джомолунгмой – он о нее даже не оцарапается.

Эйхгорна это несколько беспокоило. На Земле жить на такой высоте нельзя. Девяносто девять процентов людей живет ниже двух километров над уровнем моря. Уже на трех километрах начинает проявляться горная болезнь. На пяти желателен дополнительный кислород. На восьми без него уже невозможно обойтись.

А девять или даже десять километров…

Однако именно на этой высоте парит Алатус. И он обитаем. Причем люди тоже могут там жить – все тот же Игхри Марадос провел там, по его утверждению, более семи лун. И в своей книге он ни словом не упоминает о какой-либо магии или иных дыхательных средствах – значит, скорее всего, ничего подобного не применял.

А следовательно, можно предположить, что тропосфера Парифата действительно в несколько раз толще земной, и девять-десять километров здесь – это как два-три километра на Земле. Эйхгорн уже получил косвенные свидетельства тому с помощью самолета, пусть и на куда меньшей высоте.

И сейчас он продолжал получать подтверждения. У него не было высотомера, но судя по визуальным наблюдениям, он преодолел уже больше половины пути. Пять, а то и все шесть километров. Однако на самочувствии это никак не сказывается, личные ощущения не изменились. Давление, плотность атмосферы – Эйхгорн практически не чувствовал разницы.

Хотя давление эту теорию несколько портило. На Парифате оно явно почти такое же, как и на Земле, – отличия если и есть, то незначительны. Экспериментов Эйхгорн не проводил, но здесь достаточно и личных ощущений.

Значит, должен присутствовать еще какой-то неучтенный фактор… может, все тот же флогистон? В парифатском воздухе он присутствует, это уже известно. Сложно судить, как должен сказываться на атмосферном давлении газ с отрицательным весом, но как-то он сказываться обязан…

Эйхгорн решил при случае непременно исследовать этот вопрос глубже.

С такой высоты был отлично виден весь город с окрестностями. Эйхгорн попытался найти рощицу, в которой притаился поселок пигмеев, но не смог отличить одни зеленые насаждения от других. Отсюда все выглядело одинаковым. Крошечные, едва различимые домишки, похожие на блошек повозки, совершенно уже невидимые пешеходы…

Шар стремился все выше и выше. Эйхгорн на всякий случай проверил клапан, через который собирался стравливать лишний флогистон. И парашют, лежащий в углу гондолы. В его планы таки не входило проверять толщину парифатской атмосферы на практике.

По мере того, как Эйхгорн поднимался, Алатус тоже подплывал все ближе. Стало уже возможно рассмотреть его более детально – и зрелище было до невозможного прекрасным.

Алатус на поверку оказался не летающим островом, а скорее летающим лесом. Бескрайними небесными джунглями. Эйхгорн раскрыл «Заоблачный бестиарий» и принялся рассматривать иллюстрации, сверяя их с тем, что открывалось взору.

Вот эти бледно-зеленые штуковины – так называемые небесные баньяны. Вместо листьев у них сотни тысяч пузырей с флогистоном, распределенные по всему стволу. Именно с их помощью баньяны удерживаются в воздухе. А влагу они тянут корнями из облаков – те в огромном количестве плавают аккурат под Алатусом. Словно этакая снежная шапка… или скорее воротник. Корни небесных баньянов тоненькие, легкие, но их огромное количество, так что воды хватает.

Другой представитель местной флоры – пузырь-древо. Толстый, но очень легкий мясистый стебель, а сверху – гигантский баллон, наполненный флогистоном. Как и небесный баньян, пузырь-древо выделяет флогистон из атмосферы, химическими реакциями. Своего рода одуванчик размером с высотное здание.

А еще это прямо готовый воздушный шар – надо только прицепить гондолу. Даже странно, что никто здесь до этого не додумался.

Аэростат влекло прямиком к зеленым зарослям. Это гигантское летающее образование несло с собой еще и чудовищную воздушную толщу. А поскольку сам Алатус являлся непреодолимой преградой для любых ветров, дуть они могли только в одном направлении – к нему. Соответственно, все, плавающее вблизи небесного континента, рано или поздно выбрасывало на его берег.

Как вот аэростат Эйхгорна. Его тащило отнюдь не ураганным ветром, скорость – по личным наблюдениям – составляла не

более двадцати пяти метров в секунду, но и этого вполне хватало.

Вверх и на запад – вот куда все быстрее плыл аэростат. Эйхгорн приложил к глазу миниму с битыми кирпичами – похоже, килограмм десять. Ему еще не доводилось вскрывать эти волшебные «архиваторы», и он немного опасался делать это на воздушном шаре.

Стоило, конечно, провести испытания на земле, но это означало истратить одну миниму, а Эйхгорну не очень этого хотелось. Обратно ведь потом уже не запакуешь.

Судя по визуальным наблюдениям, аэростат достиг уже восьмикилометровой высоты. До Алатуса еще около полутора километров по вертикали и пять-шесть – по горизонтали.

И это уже настоящее его преддверие. Близ аэростата все чаще проплывают отдельные пузырь-древа, во множестве витающие вокруг Алатуса живыми спутниками. Стали появляться и животные – удивительные, ни на что не похожие небесные животные. Эйхгорн только успевал листать книгу, определяя образчики фауны.

Вот эти гиганты, видные издали – несомненно, гелиевые киты. Огромные рыбоподобные создания, парящие высоко в воздухе безо всяких крыльев. В отличие от большинства местных животных, внутри у них не флогистон, а гелий – настоящие живые дирижабли. Подобно рыбе-шару, они могут сдуваться или раздуваться – и в зависимости от этого менять высоту. Плавниками и хвостом же они меняют направление, выискивая попутный ветер или даже идя против него.

А вот эти существа помельче – небесные спруты. Затылочная часть их голов – пузырь с флогистоном, что позволяет держаться в воздухе. А движутся они по принципу реактивного двигателя – втягивают воздух с одной стороны и выталкивают с другой. Вокруг головы-пузыря венец тонких щупалец, а в мантийной полости воронка, через которую спрут выбрасывает воздушную струю.

У спрутов есть собратья помельче – раковины-поплавки. Тоже моллюски, но уже без надувной головы, зато с кожаной раковиной-бочонком, наполненной все тем же флогистоном. Щупальца обращены вниз, там же дырки для глаз. Эти передвигаться направленно не могут – просто планируют по ветру, процеживая сквозь себя воздух и вытягивая из него планктон.

Да, именно планктон. В воздушной толще Алатуса парили целые сонмы крохотных созданий, всю жизнь проводящих в небе. Они делились на растительных, получающих питательные вещества от солнца и водяного пара, и животных, питающихся

растительными. Гелиевые киты же и раковины-поплавки поглощали их всех, без разбору.

Но были в этой экосистеме и хищники. Небесные спруты опасности не представляли – они охотились в основном на все тех же раковин-поплавков. Однако в вышине парили и совсем другие создание – крупнее и куда опаснее. То были рассу – воздушные хищники, похожие на мант.

В отличие от прочих местных животных, рассу не воздухоплаватели. У них нет внутренних полостей с гелием или флогистоном. Летают они по принципу планеров – держатся на восходящих потоках. Их плоские словно раскатанное тесто тела улавливают каждый ветерок, каждую воздушную струйку, идущую снизу – а над Алатусом их предостаточно.

На этой высоте воздух был уже весьма прохладен, но Алатус со своим изобилием растительности согревал его, создавая постоянную разность температур. В итоге рассу словно кувыркались на ветряных волнах, «ныряя» глубже, выхватывая животное помельче или целой стаей разрывая гелиевого кита.

– День Бумажного Горностая тысяча пятьсот четырнадцатого года, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Местное время – четвертый полуденный час. Нахожусь в королевстве Кардегарт, ближайший крупный населенный пункт – Кюл. Веду наблюдение из гондолы воздушного шара. Ясно, температура воздуха – плюс четырнадцать по Цельсию, ветер свежий, местами до сильного. В большом количестве наблюдаю местные формы жизни.

Описывая все увиденное в диктофон, Эйхгорн занимался зряшным трудом. Последняя батарейка приказала долго жить еще три дня назад. Но Эйхгорн все равно по привычке делал аудиозаметки… точнее, имитацию аудиозаметок.

Смысла в этом не было никакого, но Эйхгорн в общем-то и так никогда не прослушивал записанное. Это просто помогало сосредоточиться, привести в порядок мысли.

А забывать он и так практически ничего не забывал.

По мере того, как аэростат приближался к небесным джунглям, он все чаще встречался с летучей живностью. Но если гелиевые киты были существами совершенно безобидными, а небесные спруты и раковины-поплавки не отличались размерами, то вот рассу Эйхгорна серьезно беспокоили. Кроме гигантских крыльев-плавников эти небесные манты обладали и страшными когтистыми лапами, которыми на лету хватали добычу. Сама природа снабдила их инструментами для разрывания живых аэростатов… или не живых.

Вот наконец воздушный шар поднялся выше уровня небесной тверди. Толщина Алатуса составляла не менее километра, но это

было ничто в сравнении с его площадью. Эйхгорн зачарованно воззрился на открывшуюся ему картину – бесконечный ярко-зеленый «блин», плывущий в небе континент. Бескрайние летающие джунгли, состоящие из миллиардов сплетшихся меж собой баньянов, пузырь-древ и других удивительных образчиков флоры.

Оказавшись на десятикилометровой высоте, Эйхгорн накинул плащ. Температура упала далеко не так значительно, как было бы на Земле, но все же упала. Да и воздух явно стал разреженнее, хотя не настолько, чтобы нуждаться в кислородном аппарате. Эйхгорн ощущал себя как просто в горной местности.

Приземляться он пока не собирался. Войдя в воздушное пространство Алатуса, аэростат оказался увлечен общим потоком, и теперь двигался на восток с той же скоростью, что и весь этот лесной массив. Эйхгорн вооружился подзорной трубой и принялся рассматривать проплывающие внизу пейзажи.

Его раздражала невозможность управлять средством передвижения. Эйхгорн подумывал сделать аналог дирижабля – вот хоть с тем же термодвигателем, – но на это банально не хватало времени и средств. А ему, в конце концов, требовалось только подняться.

Кстати, аэростат продолжал потихоньку подниматься. Все медленнее, но он явно стремился еще выше. А поскольку уходить в стратосферу Эйхгорн не собирался, он таки взялся за миниму с грузом.

Кажется, вот в этой вещества меньше всего. Очень сложно определить извне, но вроде бы там только горка щебня – на вид килограммов семь-восемь. Как раз будет достаточно.

Эйхгорн взвесил миниму на ладони… внимательно осмотрел… подумал… положил на дно гондолы… занес над ней ногу… еще подумал…

– Начинаем эксперимент, – произнес он в неработающий диктофон и с силой опустил ногу.

Эффект получился впечатляющим. Минима лопнула легко, как виноградина – и на ее месте выросла груда мелких и крупных камней… скорее крупных, чем мелких! И их оказалось больше, чем Эйхгорну казалось – намного, намного больше! Не меньше сорока килограммов!

И когда эти килограммы прибавились к весу гондолы, та стремительно пошла вниз.

Морщась от боли, Эйхгорн принялся выкидывать щебень горстями. «Высыпавшись» из минимы, несколько камней ощутимо ударили его по щиколоткам.

Ему положительно следовало вначале поэкспериментировать

с этой новой техно… магией.

И он не успевал. Просто не успевал достаточно облегчить шар. Тот шел вниз все быстрее… потом вроде бы немного замедлился… Эйхгорну уже стало казаться, что он все-таки успеет… и тут сверху раздался по-настоящему жуткий хлопок.

Беда не приходит одна. Один из парящих в вышине рассу все это время с интересом наблюдал за странной формы существом, за его нелепыми движениями вверх-вниз – и вот наконец решил попробовать на вкус. Страшная когтистая лапа цапнула оболочку… и без труда ее прорвала.

Но результат испугал рассу даже сильнее, чем Эйхгорна. Те же гелиевые киты никогда так не реагировали. Из прорехи брызнула плотная струя флогистона, рассу торопливо отвернул в сторону и поднялся повыше, а воздушный шар стал снижаться еще быстрее.

Эйхгорн надел рюкзак и покрепче ухватился за стропы. Он уже не пытался выкидывать щебень – просто держался, ожидая удара. Благо аэростат снижался все же не настолько быстро, чтобы угрожать жизни.

И вот он наконец приземлился. Гондола плюхнулась и тут же вновь подскочила, качаясь под флогистоновым баллоном. Еще трижды она подпрыгивала, как резиновый мячик, а Эйхгорн трясся и стучал зубами. Он уже сделал предварительные выводы – переломы и даже серьезные травмы ему не угрожают, но вот ушибов будет вдосталь…

И менее чем через минуту Эйхгорн получил практическое подтверждение своих умозаключений. Аэростат совершил последний прыжок, гондола накренилась, и ее пассажир вывалился на землю… точнее, на ковер сплетенных корней и лиан. Не сумев удержаться, он отпустил стропы и покатился кубарем…

…И почти сразу же аэростат снова пошел кверху. Лишившись изрядной части груза, он стал заметно легче, а баллон, несмотря на прореху, потерял еще не так много флогистона.

Лежа в совершенно неестественной позе, Эйхгорну оставалось только провожать воздушный шар взглядом. Он поднес к губам диктофон и пробормотал:

– День Бумажного Горностая тысяча пятьсот четырнадцатого года. Местное время… черт его знает. Нахожусь в аномальном образовании «Алатус», ближайший крупный населенный пункт… черт его знает. Ситуация… хреновая.

Глава 52

Эйхгорн лежал неподвижно почти десять минут. Все тело ныло и болело. Двигаться не хотелось. Вообще не хотелось привлекать к себе лишнее внимание.

Две добытые книги об Алатусе Эйхгорн прочел от корки до корки, но вовсе не мог поручиться, что там содержится вся необходимая информация. Гораздо вернее, что наоборот. Кто даст гарантию, что прямо сейчас из чащи за Эйхгорном не наблюдает какой-нибудь зверь?

Или разумное существо. Неизвестно еще, что хуже. Если верить «Легендам небесного континента», имнии – существа полудикие и некультурные. По описанию автора, их уровень развития примерно соответствует полинезийцам времен капитана Кука… а Эйхгорн прекрасно помнил, что стало с капитаном Куком.

Хотя в людоедстве они не замечены. По крайней мере, в книге об этом ни слова – а такую немаловажную деталь автор просто не мог опустить.

Но пока что вокруг тихо. Кажется, рухнувший и вновь улетевший аэростат распугал всю живность. Изумрудная зелень лежит сплошным ковром, не нарушается ни единым шорохом. В воздухе стоит одуряющий запах – гниющие растения пополам со спелыми плодами. Прямо над головой висят какие-то фрукты, похожие на небольшие коричневатые дыньки, усеянные выпуклостями-пуговками.

Эйхгорн поправил очки, благодаря Кого-То-Там, что те уцелели. В рюкзаке есть запасные, но хорошо, что они пока не требуются.

Поднимаясь на ноги, он ощущал каждую косточку. Болели все до единой, но ни одна – слишком сильно. Значит, переломов и серьезных травм нет – уже хорошо.

А самое главное – несмотря на небольшую аварию и потерю аэростата, он таки добрался до Алатуса. Его ноги попирают небесный континент. Это не так замечательно, как открытие целой новой вселенной, но в прыжке на Парифат особенной заслуги Эйхгорна нет. Просто удачно угодил в кротовину. Конечно, он долгие годы таковую целенаправленно разыскивал и даже изобрел прибор для их обнаружения… кстати о приборе!

Эйхгорн жадно уставился на вормолеграф – но тот ничего интересного не регистрировал. Стрелка, кажется, чуть подрагивает… или это в глазах у Эйхгорна все еще двоится? Он не был уверен полностью.

Оставив пока вормолеграф, он принялся копаться в рюкзаке. Там ничего не изменилось – вещи пережили падение лучше, чем их хозяин. Вот разве что шоколад пострадал – на него пришелся основной удар.

Но съедобность от этого не уменьшилась.

Ничего не случилось и с минимами. Эйхгорн быстро перебрал их, сложив припасы в один карман, а утяжелители – в другой. С потерей аэростата весь этот щебень и кирпич утратил нужность, но в виде миним он почти ничего не весит, так что пусть лежит себе.

Мало ли – вдруг да пригодится?

Завершив инвентаризацию, Эйхгорн задался вопросом, что делать дальше. Создавая воздушный шар, он не строил далеко идущих планов – ему просто хотелось добраться до Алатуса. Побывать на нем, увидеть собственными глазами. Какой-либо дальнейшей цели у него не было – как нет ее у альпиниста, покоряющего очередную вершину. Просто достичь определенной точки. Доказать всему миру и себе самому, что ты на это способен.

Но теперь он даже не может вернуться. Аэростат улетел, парашют остался на его борту. Средств для спуска в наличии нет.

Хотя… аэростат по-прежнему отлично виден. Он все еще парит в небе, но продолжает терять флогистон и постепенно снижается. Сложно сказать, сколько он продержится, но вряд ли дольше получаса.

После этого он будет доступен – Эйхгорн сможет его заклеить, заново наполнить флогистоном и снова подняться в воздух. Ну или хотя бы забрать из гондолы парашют и покинуть Алатус прямым путем.

Кардегарт – большой остров, около восьмисот пятидесяти километров вдоль параллели. Так что эта часть Алатуса будет находиться над сушей еще минимум пять суток. Времени вполне достаточно.

Не упуская из виду дразняще болтающийся в воздухе шар, Эйхгорн взвалил на спину рюкзак и зашагал.

Передвигаться приходилось с предельной осторожностью. Корни и ветви небесных баньянов плотно переплелись, связывая весь лес в исполинскую паутину, но отверстий оставалось достаточно. Один неверный шаг – и ухнешь в бездну. К тому же постоянные туманы – ведь снизу поднимаются облака, оседают на корнях, и водяной пар просачивается даже сквозь километровую толщу растительности.

Почти сразу же Эйхгорн понял, что без палки не обойтись. Он срезал ножом подходящую ветвь, очистил ее от сучков, слегка

обстругал, и дальше скрупулезно проверял дорогу, словно шагал по болоту.

В каком-то смысле так оно и было. Тарзан или Маугли чувствовали бы себя в этих зарослях нормально, но обычному человеку приходилось куда тяжелее. Не будь у Эйхгорна опыта в экстремальном туризме, он вряд ли бы справился с такой трудной местностью.

Вокруг колыхались невесомые стебли. Всю эту растительность пропитывал флогистон, и каждый ствол, каждое небесное дерево в целом весило столько же или меньше, чем вытесняемый им объем воздуха. Хотя встречались и более тяжелые представители флоры – лозы, лианы и прочие паразиты, живущие на тех, кто составлял основу Алатуса.

Тем временем подхваченный ветрами аэростат улетал все дальше и дальше. Видимо, проделанная рассу дырка оказалась не так уж велика, и флогистон покидал оболочку не так уж быстро. Эйхгорн понял, что до заката нагнать свой шар не успеет.

К тому же ему ощутимо хотелось есть. Во рту с утра не было ни крошки. Вот внимание Эйхгорна привлек крупный, очень аппетитный на вид плод – и он невольно остановился. Эта штука напоминала спелую грушу и удивительно вкусно пахла.

Не исключено, что она несъедобная. Или вообще ядовитая. Эйхгорн бегло полистал раздел «Заоблачного бестиария», посвященный флоре, но таких фруктов там не нашел. Он повертел головой – нет, других подобных рядом не видно. Видимо, остальные уже все сорвали, этот уцелел случайно.

Рискнуть? Или все-таки ограничиться припасами в рюкзаке?

Поразмыслив, Эйхгорн принял компромиссное решение. Плод сорвать и взять с собой, но не есть. Отложить до тех пор, пока не выяснит, что это, либо изведет всю знакомую провизию. Он дернул «грушу» на себя… и едва успел отпрыгнуть!

Прямо из зарослей, из густого сплетения ветвей, выметнулась пара… челюстей! Огромная пасть клацнула в том месте, где мгновение назад была рука Эйхгорна! Так и не сорванный плод взметнулся кверху… и оказалось, что висит он не на ветке, а на гибком пруте… луче… удочке… да, удочке!.. Она росла из макушки уродливого, но невероятно хорошо замаскировавшегося животного.

Явного хищника.

Поняв, что чуть не угодил в ловушку, Эйхгорн отступил предельно поспешно. Но он мог бы не очень торопиться – зверь не пытался за ним гнаться. Он только немного высунулся из укрытия, обнажив ярко-зеленую, покрытую буграми и наростами голову, раззявил широченную пасть и издал раздраженное

ворчание. Монстр явно досадовал, что добыча ускользнула.

Судя по его методу охоты, быстро бегать он не умел. И однако Эйхгорн не стал задерживаться, чтобы изучить животное подробнее. Джунгли Алатуса оказались небезопасными.

В течение следующего часа Эйхгорн заметил еще двенадцать подобных «плодов». Пахли они просто одуряюще – даже зная, что за каждым прячется зубастый хищник, Эйхгорн невольно облизывался.

Пройдя еще с километр, он окончательно убедился, что сегодня аэростат не догонит. Эйхгорн выбрал укромное место, где не было «плодов», а ветви баньянов образовывали настоящую ложбину, и выкатил на ладонь несколько миним. Среди купленных у волшебника была одна, которую ему особенно хотелось опробовать.

На сей раз он размышлял и колебался еще дольше, чем тогда, в гондоле. Ему снова подумалось, что с минимами наверняка следует обращаться как-то иначе. Не очень все-таки удобно, когда куча предметов просто вот так вываливается из воздуха.

Рассмотрев несколько вариантов, Эйхгорн положил миниму между ветвей, немного отошел и стал искать, чем в нее кинуть. Ничего подходящего не попадалось – за полным неимением почвы камни в небесном лесу тоже отсутствовали. Сухие ветки, куски лиан и разного рода плоды были недостаточно увесисты.

В конце концов Эйхгорн срезал еще одну ветку – на сей раз почти трехметровой длины. Словно игрок за бильярдным столом, он тщательно нацелился и саданул по шарику размер с виноградину. Тот лопнул, и прямо из воздуха выросла палатка… или скорее небольшая юрта. С каркасом из жердей, обшитая плотной материей, она была как раз такого размера, чтобы вместить одного путешественника.

Какое-то время Эйхгорн обдумывал еще и разведение костра, но все же отказался от этой мысли. Не очень-то правильно жечь буквально землю у себя под ногами. Так что он набил живот просто суджуком и сухарями – привычная, проверенная трапеза.

Спал Эйхгорн беспокойно. Все время слышались какие-то шорохи, шуршания. Посреди ночи кто-то вдруг стал тявкать – да громко так, переливчато.

К тому же было жестко и неудобно. Одеяло осталось в гондоле, так что пришлось разместиться практически на голых ветках. И хорошо еще, что у Эйхгорна нашлось укрытие – а то ветер в сумерках дул пронизывающий.

Даже дождик стал накрапывать… очень-очень мелкий, правда, едва ощутимый. Все-таки большая часть облаков парила ниже Алатуса.

Но в целом ночь прошла без происшествий. Однако утром… когда Эйхгорн рано утром выполз наружу, его взору предстала интереснейшая картина. В небе, примерно в полукилометре от юрты, шла воздушная битва.

Хотя скорее охота. Довольно крупного рассу атаковали с нескольких сторон крохотные в сравнении с ним фигурки. Человекоподобные, но с крыльями за спиной – несомненные имнии. Аборигены Алатуса.

Эйхгорн решил не привлекать к себе внимания. Поглощенные охотой, имнии его не замечали, так что он мог спокойно понаблюдать за туземцами в их естественной среде обитания. Достав диктофон и подзорную трубу, Эйхгорн принялся скрупулезно комментировать происходящее.

– Четыре особи, – говорил он. – Нет… пять особей. Пятая была незаметна за животным. Рост на таком расстоянии трудноопределим, но я предполагаю, что он находится между ста пятьюдесятью и ста восьмьюдесятью сантиметрами. Существа четвероруки, ноги оканчиваются ладонями, на спинах перепончатые крылья. Пока непонятно, третья ли это пара конечностей или же удлиненные и выгнутые назад ребра. Кроме того, можно заметить на спинах необычного вида горбы… их предназначение пока неясно.

Одежды на имниях было немного. Трое из пяти носили нечто вроде укороченных штанов, еще один – странного вида наплечники и высокую шапку. Возможно, вожак.

Рассу они атаковали умеючи, с явным знанием дела. Летающий хищник был гораздо крупнее имниев, размах его крыльев достигал восьми метров, но он не отличался маневренностью. Его страшные когти предназначались для охоты на медлительных созданий – живых аэростатов. Мелкие, зато очень юркие существа с ловкими конечностями стали для него крепким орешком.

Но имниям все равно приходилось стеречься. Эта небесная манта могла убить любого из них одним укусом, случайным взмахом крыла. Они держались в основном сверху – там гигантский зверь был практически беззащитен.

Оружие… имнии орудовали длинными кривыми ножами, похожими на непальские кукри. Вожак был вооружен трезубцем. Пролетая мимо рассу, они чиркали тому по шкуре, оставляя глубокие разрезы – один за другим, один за другим. Несчастное животное теряло все больше крови – и вот его повело боком, рассу стал терять равновесие… и полетел вниз.

Имнии восторженно засвиристели. Голоса у них оказались тонкие и очень мелодичные – словно у певчих птиц. Кружа над

падающей добычей, охотники будто пели победную песнь.

Рассу рухнул в паре сотен метров от Эйхгорна. Судя по силе удара, весило чудовище меньше, чем должно при своих размерах. Видимо, полые кости… или вообще никаких костей. В «Заоблачном бестиарии» на этот счет ничего не говорилось.

Но как бы там ни было, весила эта туша все же порядочно. Всего пятеро имниев не могли и надеяться уволочь ее целиком. Так что они облепили мертвого рассу и принялись кромсать, вырезая, похоже, особо лакомые куски. Вожак выхватил откуда-то из середки еще колотящийся кровавый кусок – явное сердце.

Возможно, если бы Эйхгорну повезло чуть больше, имнии просто закончили бы разделку и улетели с трофеями. Но сегодня был не его день. Один из охотников вдруг вперился взглядом точно в наблюдавшего за ними человека – и вскрикнул.

Имнии мгновенно оставили в покое мертвого рассу и бросились к Эйхгорну. Крылатые, они преодолели эти двести метров за считаные секунды. Не желая устанавливать первый контакт скрючившись в шалаше, Эйхгорн вылез и выпрямился во весь рост.

Теперь, когда имнии оказались совсем рядом, стало видно, что они мельче людей. Едва по плечо Эйхгорну, довольно щуплые, со впалыми животами. Однако они не выглядели голодными, отощавшими – просто такова уж, видимо, их телесная конституция. Как у борзых собак.

Эйхгорн вызвал у них живейшее любопытство. Куда более сильное, чем у парибульских егерей в свое время. Обступив его полукругом, имнии залопотали:

– Ползун, кхра?..

– Настоящий кьялк ползун?..

– Откуда илль ползун на оол Алатусе?

– Улулл, ты что, волшебник?

– Или ковролетчик?

– Улулл!

– Где твой ковер, кьялк ползун?

– Где твой ковер, икли?

Эйхгорн понимал едва половину этой тарабарщины. Имнии трещали с удивительной скоростью, причем не на парифатском, а на своем полуптичьем. Эйхгорн овладел им чисто теоретически, по книгам, и живой практики у него до этого не было.

– Кто-нибудь здесь говорит на парифатском? – попробовал он.

– Я говолю, – подал голос до этого молчавший вожак. – Кто ты такой будей?.. Говоли.

– Добрый ветер, странник, – сказал Эйхгорн. – Да не ослабнут

твои крылья.

– И тебе ветел доблый, тланник, – кивнул имний. – Цепких тебе лук.

Эйхгорн мысленно сделал зарубку в памяти – приветствие у имниев за минувшие полвека не изменилось. Здороваются все так же, как описано в «Легендах небесного континента».

– Так откуда ты такой на Алатуе, польюн? – поинтересовался вожак. – На тем плилетел? На ковле?

– Нет, не на ковре, – покачал головой Эйхгорн. – На… большом пузыре, надутом легким газом.

– Флогистоном? – уточнил имний. – А, понятно. И где он, твой пузыль?

– Улетел, – мрачно признался Эйхгорн. – Наверное, уже упал. Вы мне не поможете его найти?

– Мы бы с ладостью. Но плоблема в том, тьто ты тепель лаб, польюн. Тебе болье не нуен никакой пуыль.

– Раб?.. – не понял Эйхгорн. – Чей?..

– Най, – указал на себя и других имниев вожак. – И вьей делевни. Мы тебя поймали – тепель ты най лаб. Таков якон.

– Закон, говорите… – медленно повторил Эйхгорн. – И что… вы со мной сделаете?

– Отведем в делевню. А потом плодадим или дань яплатим.

– Пойдем, кляя ползун! – пискнул уже на своем языке другой имний.

– А если я не хочу становиться рабом? – уточнил Эйхгорн.

Имнии недоуменно уставились на него и зашептались. Кажется, вопрос поставил их в тупик.

– Он не хочет!.. – доносилось до Эйхгорна. – Утуулукки ползун не хочет! Ляа! Оо!.. Иниили аа ль кико тха!..

Последнюю фразу Эйхгорн не понял вообще. Хотя выучил большую часть имнийского словаря и всю грамматику. С транскрипцией, конечно, возникли проблемы, но вообще он овладел туземным наречием достаточно, чтобы понимать процентов шестьдесят.

Видимо, это что-то непечатное.

– Хотей не хотей, а ты тепель лаб, польюн, – сочувственно улыбнулся вожак. – Пойдей с нами.

Становиться рабом Эйхгорну почему-то не улыбалось. Он быстро обдумал все варианты, прикинул «за» и «против», после чего… оказал невооруженное сопротивление. Кажется, именно так пишут в полицейских отчетах?

Вообще, он предпочел бы вооруженное. Но из оружия у него была только палка, а она серьезного преимущества не давала. Особенно против ножей и трезубца.

Хотя именно сейчас ножей и трезубца при имниях не было – они легкомысленно оставили их в туше рассу. Видимо, были уверены, что Эйхгорн воспримет обращение в рабство как должное.

Только по этой причине он сумел какое-то время сопротивляться. Да, один против пятерых, но зато с палкой. В то же время имнии оказались довольно хилыми. Первый же удар вывел одного из них из строя – парень жалобно зачирикал, держась за явно сломанную руку.

Судя по тому, с какой легкостью та переломилась – кости у этих существ полые.

Правда, физическую слабость и хрупкость конструкции имнии компенсировали кое-чем другим. Способностью летать. Почти сразу двое из них вспорхнули в воздух, и пока вожак увертывался от неловких тычков Эйхгорна, схватили того за плечи нижними руками. Четвертый имний вырвал палку и отбросил ее далеко в сторону.

– Ну, я обязан был попытаться, – равнодушно произнес Эйхгорн, прекращая сопротивление.

Для острастки и в отместку за сломанную руку его немного побили. Но не сильно. Имнии оказались в целом дружелюбными ребятами, и ничего личного против Эйхгорна не имели. Как не имели ничего личного против убитого рассу. Просто охота – ради мяса ли, ради рабов ли. Никто же не обижается на добычу, если она подрала охотника?

Хотя вожак из-за сломанной руки расстроился и долго журил Эйхгорна. Ибо травмированный имний резко сбавил в грузоподъемности и взвалить на него удалось только половину нормы. Сам он, кстати, остался этим довольнешенек, так что не очень даже разозлился на Эйхгорна. Насколько тот понял, кости имниев срастаются почти втрое быстрее человеческих.

Скудное имущество Эйхгорна имнии тоже разграбили. Выпотрошили рюкзак, забрали всю провизию и сколько-нибудь ценные вещи. Палку выбросили.

Но хотя бы одеждой имнии не соблазнились. Верхняя одежда на крылатое существо просто не налезет, для штанов человеческого покроя у них неверно изогнуты ноги, а обуви они не носят в принципе.

Не тронули и талисманы – по той же причине. Из-за горба и вздутой груди имнию очень неудобно носить что-нибудь на шее.

А из личных вещей оставили фонарик и вормолеграф. Просто не поняли, что это за штуки, так что не посчитали ценными.

Зато кошелек с минимами они отобрали. А жалко – там была парочка полезных штуковин. Не говоря уж о куче еды.

Приведя пленника в состояние непротивления и отняв у него все понравившееся, имнии вернулись к потрошению рассу. Еще добрый час их кукри вырезали самые лакомые куски. Эйхгорн некоторое время взирал на это снулым взглядом, а потом сделал аудиозаметку… попытался сделать. Диктофон у него тоже отобрали – причем совершенно непонятно, почему.

Эйхгор печально вздохнул. Этот диктофон сопровождал его по всему Парифату, там скопилось множество часов аудиозаметок. И хотя извлечь их теперь оттуда уже невозможно, с севшими-то батарейками, расставаться все равно оказалось грустно.

Немного подумав, Эйхгорн сделал аудиозаметку в собственный кулак.

В общем-то, никакой разницы.

Глава 53

Идти в деревню пришлось пешком. И имниям это совсем не нравилось – даже с тяжелым грузом, по воздуху они добрались бы минут за десять. Но увы, с ними был бескрылый пришелец с Нижних Земель, как здесь называли поверхность Парифата.

Поначалу они пытались поднять в небо и Эйхгорна, но у них ничего не вышло. Имний мужского пола в среднем весит сорок килограмм. Поднять на своих крыльях он может себя плюс треть собственного веса. Эйхгорн весит чуть больше семидесяти килограмм. Соответственно, чтобы нести его, требуется пять с половиной имниев. Элементарная арифметика.

Так что Эйхгорн топал на своих двоих, а имнии конвоировали его сверху. Заодно они взвалили на свежепойманного раба килограммов тридцать мяса – его стянули тонкими ремнями, сварганив этакую огромную фрикадельку. Улюлюкая и посмеиваясь над «ползуном», имнии погнали нагруженного раба в свое стойбище.

По дороге они не прекращали болтать. Удивительно говорливый это оказался народец. Они делились впечатлениями насчет охоты, описывали друг другу убитого рассу – хотя каждый из них все прекрасно видел сам. Расспрашивали обо всем подряд и Эйхгорна, хотя ответить толком не давали, перебивали на полуслове.

Наименее отягощенный имний со сломанной рукой почти сразу улетел вперед. Остальные, нагруженные мясом рассу и награбленным, тащились медленнее. Эйхгорн шагал, как навьюченный ишак, снулым, но очень внимательным взглядом изучая своих конвоиров.

В прочтенных им книгах не говорилось о том, каким образом имнии летают. Понятно, крылья, но их тяги явно недостаточно – существа они все же крупноватые. Те же парифатские гарпии ненамного крупнее обычных кондоров и весят не более двадцати килограммов – при этом размах их крыльев относительно тела весьма значителен.

У имниев же крылья невелики, а телесная масса значительно больше. Полые кости ее уменьшают, но недостаточно.

Однако Эйхгорн уже подметил их горбы и выпуклости на груди. Те почти совсем исчезали при приземлении и зримо раздувались в полете, когда имнии раскрывали крылья. Нетрудно догадаться, что там полость, на манер плавательного пузыря у рыб. Заполнена она, разумеется, гелием или флогистоном.

– Тебя йвать-то как, польюн? – полюбопытствовал вожак.

– Эйхгорн, – коротко ответил пленник.

– Эйхгольн, – повторил имний. – Клаивое имя. А я Туулекки.

– Тоже красивое имя, – согласился Эйхгорн. – Ты вождь, Туулекки? Многие из вас говорят на парифатском?

– Не, не войдь. Плосто охотник. Говолю… я говолю, талойта говолит, дядя Миихелле говолит – он ланье с польюнами толговал. Многие говолят. Вот эти не говолят, – презрительно махнул рукой на остальных троих Туулекки. – Молодые, ейё пятнадцати вёйен не видели.

Эйхгорн по-новому взглянул на конвоиров. Так они, выходит, всего лишь подростки?.. Или имнии взрослеют быстрее людей?

Впрочем, у дикарей, даже крылатых, детство обычно заканчивается рано.

В целом дорога до деревни заняла около полутора часов. По нормальному лесу Эйхгорн дошел бы вдвое быстрее, но эти небесные буреломы отличались крайней труднопроходимостью. И он окончательно утратил надежду отыскать упавший аэростат.

Поселок имниев оказался экзотичным местечком. Совсем крохотный, максимум на сотню жителей, он напоминал какую-то птичью колонию. Никаких домов – вместо них круглые гнезда, похожие на беличьи гайны. Имнии лепили их на деревья куда придется, не заботясь о хоть какой-нибудь упорядоченности.

Появление Эйхгорна не осталось незамеченным. Имний со сломанной рукой явно уже все рассказал соплеменникам, так что гостей ожидали. Взмахивая крылами бесшумно, точно летучие мыши, имнии спускались со всех сторон, и вскоре Эйхгорн оказался в центре толпы.

Крылья – единственное, что в имниях было бесшумным. Рты у них почти не закрывались, и Эйхгорн ощутил себя в середке птичьего базара. Вряд ли они слышали хотя бы сами себя – с таким азартом каждый галдел.

Снуло глядя в никуда и даже не пытаясь поговорить с этой ватагой, Эйхгорн терпеливо ожидал наступления тишины. Чисто машинально он пересчитывал кишащих на земле и в воздухе имниев – и всего насчитал девяносто девять. Из них тридцать семь мужчин, тридцать девять женщин и двадцать три несовершеннолетних индивида.

Женщины имниев оказались еще мельче и субтильнее мужчин, телосложением напоминая подростков. Вторичных половых признаков Эйхгорн у них не заметил. Дети вовсе были мелкими и юркими, как летучие обезьянки.

Наконец объявился и староста. То оказался очень старый и очень толстый имний – килограммов семьдесят, не меньше! В отличие от остальных, передвигался он пешком, ужасно

медленно. Крылья за его спиной болтались скомканными тряпками, явно уже не в силах поднять хозяина в небо.

Но зато мозги у этого деда работали неплохо. И на парифатском он говорил преотлично – даже почти правильно произносил свистящие и шипящие звуки. Бегло осмотрев и расспросив Эйхгорна, он разрешил тому свободно передвигаться по деревне, но подтвердил – тот теперь раб. И если он, староста, поручит ползуну что-нибудь, тот должен выполнять.

Того, что Эйхгорн сбежит, староста не боялся. Тот уже и сам понял, что здесь у него ничего не получится. Чтобы нормально передвигаться по Алатусу, нужно уметь летать или обладать обезьяньей ловкостью.

Да и куда бежать? Куда ни пойди – вокруг все тот же Алатус, все те же имнии. У них здесь сотни таких деревенек, и разницы между ними никакой. Причем это вовсе не независимые племена, Алатус – таки государство.

И, как понял Эйхгорн, надолго он в этой деревне не задержится. Местным имниям рабы-ползуны ни к чему – толку от них, нелетучих? Эйхгорном они заплатят налог, время которого уже приближается. Каждая деревня, дескать, обязана ежегодно поставлять сипе шестерых живых рабов или иного добра равной стоимости. Так что это очень удачно, что Эйхгорн появился здесь и сейчас – им заменят кого-то из деревенских.

Вот так Эйхгорн и оказался снова среди дикарей. Только позавчера покинул пигмеев – а теперь раб имниев.

Хотя как раб?.. Работой, надо отдать должное, имнии его не напрягали. Разве что иногда отнести что-то или поднять. Чисто физически Эйхгорн был сильнее любого из них.

Кроме того, ему поручили кормить скотину. У имниев ее было три вида – причем совсем не похожих на обычных коров и брабулякров.

Преобладали летающие черепахи. Конечно, на самом деле они не были черепахами и даже рептилиями, но выглядели довольно похоже. Особенно пока ползали. А потом их «панцирь» просто раскрывался, оказываясь парой сложенных крыльев, и «черепаха» взлетала.

По деревне таких порхали десятки. Имнии разводили их в качестве мелких мясных животных – вместо голубей или кроликов. Эйхгорну в первый же день довелось отведать такую – и черепаший бефстроганов оказался нежнейшим.

Но черепахами Эйхгорн не занимался. Бескрылый, он просто не мог за ними угнаться. Черепах ловили, кормили и гоняли по всей деревне в основном дети. Эйхгорн же, и еще один меланхоличный парняга ходили за животными, благодаря

которым у имниев были молоко, сыр и сметана. Сметану эти дикари любили необычайно, добавляя чуть ли не везде.

Их молочные животные были крупными, малоподвижными млекопитающими с вечно набухшим выменем. Большую часть времени они спокойно паслись в теньке, перемалывая ветви небесного баньяна. Крылья у них тоже были, но несоразмерно маленькие. Зверюги махали, или даже скорее трепетали ими круглыми сутками, но чисто для того, чтобы отпугивать насекомых.

Увидев их впервые, Эйхгорн долго пытался понять – кого же ему напоминают эти туши с тонюсенькими крылышками? А потом понял – склиссы. Они ужасно напоминали склиссов.

– А летать они не умеют? – как-то уточнил Эйхгорн во время очередной кормежки.

– Да не, летают, чего ж им не летать… – ответил напарник. – Только не очень далеко. Крылья-то маленькие.

– Не очень далеко – это сколько?

– Ну вот залезет такой зверь на… вот это дерево какой высоты?

– Локтей пятьдесят, – прикинул на пальцах Эйхгорн.

– Ага. Ну вот залезет на это дерево, прыгнет с него и пролетит… локтей пятьдесят.

С напарником Эйхгорн говорил уже на наречии имниев, парифатским тот не владел. Эйхгорн не был уверен, что правильно выговаривает слова и строит фразы, но напарник вроде бы все понимал.

Кроме склиссов этот парень ходил еще и за хватами, но это уже один, без Эйхгорна. На редкость жуткие твари, хваты заменяли имниям собак. И описать их оказалось… непросто.

Ни на какое земное животное хваты похожи не были. Добрая половина массы их тела приходилась на голову – огромную круглую голову. Вся ее верхняя часть была этакой каской – круглой, гладкой, очень прочной. Глаз нет, ноздрей тоже не видно, вместо ушей – круглые отверстия.

Внизу – пасть. С мягкими губами, без зубов, зато с очень длинным гибким языком, снабженным тремя отростками-когтями. Языком хват мог выстреливать довольно далеко.

Туловище же у животного почти отсутствовало. Втрое меньше головы, оно оканчивалось толстым коротким хвостом и болталось на весу. Опирался хват на руки – чрезвычайно длинные, костлявые, но очень сильные. Бегал он не очень быстро, зато по веткам и лианам перебирался с удивительной скоростью, напоминая этакий циркуль.

И хваты были еще одной причиной, по которой Эйхгорн даже

не пытался бежать. Он видел, как эти монстры выслеживают добычу – и ему не хотелось услышать за спиной их пыхтение. Какими бы средствами биолокации хваты ни пользовались, делали они это на редкость эффективно.

Подбрасывая очередную кипу веток склиссам, Эйхгорн размышлял о том, что вот уже год живет в каком-то походном режиме. Сначала продуваемая всеми ветрами башня, потом исколесившая весь Парибул бричка, потом долгая череда трактиров, хостелов и съемных квартир, потом дупло в деревне пигмеев, а теперь вот самодельная хижина рядом с хлевом. Даже умывание порой превращается в проблему, не говоря уж о чистке зубов. Хорошо еще, что он лысый – можно не волноваться о шампуне.

Как и пигмеи до них, имнии быстро привыкли к человеку и перестали обращать на него внимание. Сами они не так уж много времени проводили на «земле», перемещаясь во всех трех измерениях. Эйхгорн довольно скоро приучился постоянно поглядывать вверх – подобно птицам, имнии имели обыкновение справлять нужду прямо в полете.

А еще разумные существа.

С каждым днем Эйхгорну давали все больше свободы. Имнии убедились в его хорошем поведении и позволили бродить где вздумается. Лишь бы не манкировал обязанностями.

Но далеко от деревни он не отходил. За ним по-прежнему приглядывали – неоднократно Эйхгорн замечал имния, словно бы случайно летящего прямо над ним. И вроде бы это каждый раз был один и тот же имний… хотя в этом он уже не был полностью уверен. Эти крылатые пока что казались ему похожими, как капли воды.

Так прошло несколько дней. Эйхгорн гулял, кормил склиссов и размышлял на тему побега. Было очевидно, что бежать нужно не из деревни, а с Алатуса как такового. Но сделать это в данный момент просто невозможно. Даже если разыскать упавший где-то в джунглях аэростат, забрать парашют… ну или смастерить новый… Эйхгорн все равно просрочил время. По всем прикидкам Алатус уже покинул территорию Кардегарта и сейчас плывет над океаном.

Но он не терял надежды отыскать свой шар… хотя странно, что его еще не нашли те же имнии. Быть может, он таки вылетел за пределы Алатуса и рухнул вниз, на парифатскую твердь?

От нечего делать Эйхгорн уже для собственного развлечения провел в деревне такую же перепись, какую проводил в Парибуле. На этот раз, правда, управился за два дня.

Труднее всего было пересчитать летающих черепах – они

выглядели абсолютно идентичными и постоянно перемещались. Эйхгорну пришлось метить их краской, чтобы не повторяться – и всего черепах в деревне оказалось восемьдесят девять… восемьдесят восемь. Пока он считал, одну черепаху сварили и съели.

В конце концов Эйхгорн докатился до того, что стал пересчитывать ветки в своей хижине. Казалось, что их бессчетно – но Эйхгорн доказал, что это не так. Меньше чем через час он бесстрастно произнес в собственный кулак:

– Тысяча семьсот сорок девять.

Сложившаяся ситуация ему категорически не нравилась. Рутинные дни, однообразная работа, никаких занятий для мозга – Эйхгорн буквально чувствовал, как тупеет. Среди пигмеев почему-то было полегче – там он даже не испытывал настоятельной потребности все пересчитывать.

Может, из-за того, что был уменьшен?

А потом такая однообразная жизнь закончилась… и Эйхгорн об этом пожалел.

Глава 54

Сборщики налогов прилетели на рассвете. Сочная зелень небесных баньянов окрасилась в оранжевые тона, и в этом золотистом свете появился он.

Летучий корабль.

Эйхгорн смотрел на него без удивления. Он уже знал, что у имниев есть такие. Своими глазами до этого не видел, но наслышан был порядочно. И авторы обеих найденных книг об этом писали, и жители Озирии упоминали, и сами имнии уже не раз об этом болтали. Единственное – до этого Эйхгорн полагал, что речь идет о волшебстве. Таком же, как в летучих коврах.

Однако ж нет, ничего подобного. Когда корабль подлетел ближе, стало ясно, что это дитя технологий – не магии.

По сути то был огромный аэростат – или даже дирижабль. Единственное, чем он отличался от земных – грузоподъемность. Гондола по-настоящему огромна и действительно очень похожа на корабельный корпус. Баллон же относительно мал – и несомненно заполнен флогистоном.

Именно об этом размышлял Эйхгорн, когда экспериментировал с фантастическим газом – и вполне логично, что кто-то здесь тоже до этого додумался. Немного странно, что это сделали дикари-имнии, но с другой стороны – как раз флогистона у них просто завались. Да и летающим существам гораздо проще строить такие и использовать.

Насколько им это проще, стало видно уже при посадке. Посадке, которой не было. Небесный корабль просто подлетел к деревне и имнии привязали его тросом к особо крупному дереву. Для спуска им не требовались ни лестницы, ни канаты – они просто прыгали за борт и планировали вниз на собственных крыльях.

Староста встретил гостей хлебом-солью. В их честь зарезали и зажарили целого склисса, а девушки надели праздничные юбочки из птичьих перьев и станцевали топлес.

Впрочем, они и так всегда ходили топлес.

Сразу по окончании культурной программы имнии перешли к взаиморасчетам. Мытари торопились. Причем странные это были мытари – с длинными кривыми саблями, в ярких цветастых штанах, причудливых шляпах. Капитан корабля вовсе носил повязку через глаз и выглядел совершенным пиратом.

Впрочем, в каком-то смысле это и были пираты. Как уже знал Эйхгорн, налоговые сборы на Алатусе отданы частным коллекторам. И большинство их – отпетые головорезы, в случае

неуплаты просто отнимающие все силой. Именно поэтому староста всеми силами старался задобрить гостей, даже не пытаясь утаить хоть крошку.

На Алатусе были такие же товарно-денежные отношения, как и внизу – разве что вместо монет ходили дорогая ткань и зерна одного редкого растения. Но у жителей таких вот мелких деревенек не было и этого, поэтому налоги они выплачивали натурпродуктом – скотом, шкурами, мясом, изделиями.

Или рабами.

Собственно, в рабах налог и высчитывался. С каждой сотни имниев – шестерых в рабство. Такой вот закон. Если в рабство не хотите – а большинство почему-то не хотело! – давайте что-нибудь равноценное.

Обвязав канатами, на корабль одного за другим подняли трех склиссов. Это приравнивалось к двум рабам. Больше деревня пожертвовать не могла – без этих трех, да еще зарезанного у них оставалось всего шесть голов. Новые телята пока-то еще народятся!

Следующими грузили мелкий скот. То есть летающих черепах. Их деревня пожертвовала двадцать пять штук – и это оценили всего в одного раба.

Потом пошли накопленные за год шкуры, засоленное мясо рассу и другой дичи, две бухты веревки из растительных волокон и еще какая-то мелочь. Все это оценили в еще одного раба.

Стоимость пятого раба староста, сложив губы куриным гузном, выплатил наличными. Встав вполоборота, он передал капитану налоговых пиратов четыре перьевых стержня, заполненных золотым порошком.

Ну а шестой раб пошел как есть – в виде Эйхгорна. Мытари удивились редкой в этих краях птице – человеку, – но и обрадовались. Эйхгорна тщательно осмотрели, пощупали мускулы, проверили зубы, похлопали по лысине, сняли и снова надели очки, после чего велели карабкаться на корабль. Одного матроса капитан приставил для страховки – а то вдруг бескрылое существо со всего двумя руками сверзится с каната?

– Хороший раб, хороший! – довольно приговаривал капитан, трепля жирную щеку старосты. – Не очень молодой, но хороший. Молодец, хорошо охотишься. А из вещей у него было что хорошее?

– Не было ничего, господин, – ответил честным взглядом староста. – Вот только одежка, что на нем.

Эйхгорн, еще не успевший влезть достаточно высоко, издал тихое хмыканье. На миг ему захотелось заложить старосту, перечислив все, что было в рюкзаке, а главное – минимы.

Впрочем, миним уже нет. Имнии понятия не имели, что это такое, а спросить им в голову не пришло. В первый же день кто-то нечаянно раздавил одну миниму – и деревня была в шоке, когда из той вывалилась корзина фруктов.

Ужасно обрадовавшись, крылатые идиоты тут же передавили и остальные, заполучив две бочки воды, четыре ящика галет и целую гору щебенки и битого кирпича. Трое суток потом дети объедались незнакомыми им сухими лепешками и лопали земные фрукты.

Приняв мыто, капитан вручил старосте расписку. Точнее, просто веревочку с двумя хитрыми узелками. После этого, торопясь обобрать и другие деревни, налоговые пираты отдали концы.

Эйхгорна они в перемещениях не ограничили. Троих других рабов, взятых в предыдущих деревеньках, держали запертыми в трюме, а ему, бескрылому, дозволялось гулять свободно. Все равно же сбежать не сможет.

Да он пока что и не собирался. Возможно, позже, но не сейчас. Благо летучий корабль держал курс именно туда, куда стремился и сам Эйхгорн – в столицу Алатуса, к всевластному правителю-сипе, господину всех имниев.

Эйхгорну очень хотелось его увидеть – хотя он понимал, что это вряд ли удастся. Просто деревенские жители рассказывали о нем какие-то восторженные чудеса. Мол, это настоящий полубог, он живет уже больше ста лет, и никто в подлунном мире не может сравниться с его мудростью и величием.

Летающий корабль действительно оказался лишен всякого волшебства – достижение исключительно технической мысли. И очень продуманное. Вместо парусов наверху был закреплен раздутый просмоленный баллон, полный флогистона. Под ним – большая стеклянная бутыль, соединенная с баллоном шлангом. Когда надо спуститься – часть флогистона перегоняют в бутыль, в результате чего объем кораблета уменьшается, а вот вес остается неизменным. Если надо подняться – флогистон возвращают в баллон, вновь увеличивая объем.

А для перемещения по горизонтали в команде имелись специальные матросы – они летали над и под кораблем, ища попутный ветер. Найдя его – кричали об этом, и кораблет поднимали или опускали. Алатус, режущий атмосферу, точно громадный нож, создавал настоящий хаос воздушных потоков, и ориентироваться в них было делом непростым. Хорошие ветроискатели ценились не меньше, чем на морских судах – лоцманы.

Из разговоров уже с матросами Эйхгорн узнал, что кораблеты

на Алатусе весьма распространены. Более того, их продают и вниз, ползунам, но те, разумеется, не могут нормально с ними управляться. Даже те, кто использует волшебство для создания попутного ветра, все равно в подметки не годятся настоящим покорителям небес – имниям.

Имнии действительно были царями воздушной стихии. Эти крылатые создания покорили небеса раньше, чем научились говорить – и они по сей день остаются лучшими матросами для воздушного корабля. Ведь они не боятся выпасть за борт. Собственно, им не так уж и нужен летучий корабль для путешествия, но он весьма удобен и выгоден. Корабль, в отличие от них самих, способен нести очень большой груз и вообще служить передвижным домом.

По своей обычной привычке Эйхгорн очень быстро пересчитал имниев на борту – и всего их оказалось тридцать два. Капитан, штурман, судовой врач, боцман, плотник, газовик, старший абордажник, два ветроискателя, восемнадцать матросов, двое юнг женского пола и три раба в трюме.

Матросы делились на две вахты – пока одна лазала по вантам, чинила корпус, смолила баллон и ходила за скотом, вторая играла в кости, развлекалась с юнгами или просто дрыхла. Спали они вверх ногами, как летучие мыши, – привычка, которой Эйхгорн не замечал у деревенских имниев.

Вообще, кораблет был не очень приспособлен для существа без крыльев или хотя бы второй пары рук. Даже посещение гальюна доставляло Эйхгорну серьезные проблемы. Расположенный на носу, тот был замаскирован резной фигурой сирены и не имел пола. Имнии справляли нужду на весу, держась руками и ногами за скобы в стене. Причем скобы эти были вбиты вертикально, совершенно не подходя для человеческих ступней.

Зато на борту всегда была свежая пища. В отличие от классических моряков, эти воздухоплаватели парили над цветущими джунглями, где всегда хватало плодов и дичи. Попадались и деревеньки, с которых сбирали дань, в том числе скотом. Пираты нередко охотились на рассу и других летающих зверей.

Излюбленной их добычей были лентяйники – млекопитающие, похожие на очень крупных белок-летяг. В отличие от своих мелких сородичей, лапы они расставляли не горизонтально, а под углом в сорок пять градусов, и провисающая перепонка образовывала нечто вроде колокола. В этой емкости лентяйники удерживали пузыри флогистона, медленно-медленно дрейфуя по ветру. Когда их подносило к деревьям, они кормились, но большую часть времени просто плавали в воздухе –

и имнии брали их почти голыми руками.

Но культура питания у налоговых пиратов отсутствовала напрочь. Не было ни кока, ни вообще камбуза или столовой. Прямо на палубе стояло нечто вроде гриль-печи – в нижней ее части постоянно тлели угли, а в верхней располагался казан с вертикальным вертелом в центре. В этой хитрой посудине имнии и стряпали все подряд.

На вертел обычно насаживали целые туши, обрезая ножами еще полусырые куски. В казане же плескалось липкое, постоянно пополняющееся месиво. Туда сваливали и остатки мяса, и всякую зелень, и молочные продукты, и вообще все, что попадалось под руку. Соответственно, вкус похлебки все время менялся, всегда был непредсказуем, но неизменно – омерзителен.

Причем туда не клали ни специй, ни даже соли. Приправы в кухне имниев почти не употреблялись, а соль встречалась редко, стоила очень дорого и каждый день ее вкушали только богачи. Обычные имнии видели соленые блюда только по праздникам.

К тому же казан и вертел, судя по их виду, никто никогда не мыл. Вдыхая запах застарелой, многократно переваренной подливы, Эйхгорн мрачно размышлял, насколько же это все негигиенично. Пищевое отравление гарантировано почти наверняка.

Но пираты не видели в этом ничего особенного. Каждый просто зачерпывал из казана своей плошкой и уплетал варево за обе щеки. Мутную жижу и куски загадочного происхождения. О том, что посуду надо хотя бы изредка мыть, никто из них не задумывался.

Зато корабль они чистили и скоблили, как еноты-полоскуны. Боцман очень ревностно относился к внешнему облику своей посудины и нещадно гонял матросов. Если сейчас твоя смена, но ты бездельничаешь – береги спину. Боцман только и глядел, кого бы хлестнуть кошкой-треххвосткой.

Дважды от него доставалось и Эйхгорну – ну просто так, чтоб знал свое место. Хорошо хоть, бил не в полную силу – так, мазнул легонечко.

Вообще, в отличие от гигиены, дисциплина на кораблете была жесткая. В трюмах лежали целые груды добра, взятого в деревнях, но никто не смел к нему даже подходить. Любого приказа офицеров матросы слушались беспрекословно. За малейший проступок получали линьков.

Крохотные деревеньки имниев были разбросаны по джунглям в несметных количествах. Кораблет двигался причудливыми зигзагами, каждый день окучивая два, а то и три поселения. Везде по одной и той же таксе – шесть рабов с сотни. Или, гораздо чаще,

что-нибудь взамен.

Скот мытари брали очень неохотно. Место в трюмах уже заканчивалось, а животных надо было кормить, и они ужасно все пачкали. Налоговые пираты даже делали небольшие скидки, если мыто выплачивали чем-нибудь дорогим и компактным. А сделав остановку в особенно крупной деревне, где добывали какую-то ценную смолу, они обменяли на нее часть уже собранного скота.

Но не рабов. По какой-то причине рабы сипе требовались в первую очередь, и их везли прямиком в столицу. Хотя у имниев, как показалось Эйхгорну, рабовладение не очень-то распространено – «живым товаром» мыто выплачивали редко, почти все предпочитали откупаться чем-нибудь еще.

И далеко не везде сбор дани проходил мирно. Нередко староста буквально ползал на коленях, упрашивая дать отсрочку или простить часть долга. Женщины завывали, расцарапывали себе лица, взывали к состраданию мытарей.

Хуже всего получилось в одной уединенной деревеньке. Там недавно случился падеж скота, все склиссы передохли, и у жителей возникли серьезные проблемы с продовольствием. Выплатить мыто полностью означало обречь себя на голод. Единственной альтернативой было отдать нескольких из своих в рабство, но этот вариант привлекал их еще меньше.

А поскольку сжалиться мытари не сжалились, деревенские оказали сопротивление. Вооружились и напали на кораблет. И при более удачных обстоятельствах у них могло даже получиться – мужчин в деревне было почти вдвое больше, чем пиратов.

Но зато пираты были опытнее в бою. И гораздо лучше вооружены. Так что после ожесточенной воздушной схватки – вот когда Эйхгорн пожалел об отсутствии видеокамеры! – деревенских разогнали по гнездам. С визгом и воплями, сжимая всеми четырьмя руками длинные кинжалы, пираты преследовали несчастных, пока те окончательно не сдались.

Не обошлось и без жертв. Тринадцать погибших и девять тяжело раненных. Из них три трупа и два калеки – пираты, остальные – деревенские.

После расправы и усмирения деревню выпотрошили. Здесь мытари взяли не только положенный налог – вычистили из домов все мало-мальски ценное. В рабство обратили восемнадцать самых молодых и здоровых имниев – больше просто не влезло в трюм. Пираты жадно потирали руки – пусть за добычу и пришлось заплатить жизнями, она оказалась куда больше обычной.

Эта деревня стала в рейде последней. Капитан планировал

посетить еще три, но корабль был уже ощутимо перегружен. Баллон пришлось накачать флогистоном до предела, но и этого едва хватало. К тому же в бою погиб газовик – а без него на летучем корабле лучше не ходить.

Объявив о конце рейда, капитан объявил и о том, ради чего эта орава занималась своим делом – дележе добычи. Все награбленное было скрупулезно подсчитано и оценено, после чего капитан лично принялся распределять доли. Остальные члены команды стояли рядом и пристально следили за каждым его движением.

Вначале от добычи была отделена ровно половина. Капитан громко объявил, что это «доля сипы», и все закивали. Потом оставшееся было еще раз поделено пополам. Капитан вновь громко объявил, что это «доля корабля», и все снова закивали.

Оставшиеся двадцать пять процентов делились уже между членами команды. Четырнадцать матросов получили по одной доле, юнги – по половинке. Ветроискателям досталось по полторы доли, боцману, плотнику и старшему абордажнику – по две, врачу – две с половиной, штурману – три. Капитан получил четыре доли. Кроме того, двойную долю выдали матросу, которому в бою выбили глаз, и тройную – тому, который потерял крыло. Троим погибшим не досталось ничего – над ними просто постояли минутку в молчании, а затем так же молча спихнули за борт.

Эйхгорн ожидал, что лишившегося крыла матроса спишут на берег, однако этого не произошло. Парень остался в команде и лазал по мачтам почти так же ловко, как и прежде. Хотя летать, конечно, уже не летал – оставшегося крыла хватало лишь на то, чтобы притормаживать падение.

В честь окончания рейда пираты зарезали целого склисса и целый день объедались шашлыками. Даже рабов накормили до отвала – настолько доволен был капитан.

Откупорили и бочонок… чего-то алкогольного. Имнии подвергали брожению некие местные плоды и получали бледно-желтый напиток со вкусом и консистенцией льняного масла, однако при этом весьма крепкий. Чтобы захмелеть, хватало трех-четырех чарок.

Эйхгорну, впрочем, досталось только пригубить – на большее щедрость пиратов не распространялась. После этого он лишь восседал в углу, мрачно наблюдая за все более разгульной оргией. Опьянев, пираты выволокли из трюма всех рабов женского пола и принялись употреблять их по прямому назначению. Стесняться они не стеснялись нисколько – в некоторых отношениях имнии все еще недалеко ушли от

животных.

Когда это только начиналось, Эйхгорн подумывал воспользоваться ситуацией. Дождаться, когда все перепьются, и устроить побег или, если повезет, даже бунт. Возможно, захватить корабль.

Ему очень хотелось захватить корабль.

Но с каждой минутой становилась очевиднее тщетность идеи. Пить-то имнии пили, пьянеть-то пьянели, но не до бесчувственности. Два матроса с кислыми лицами вовсе оставались трезвыми и стерегли рабов.

Будь они безоружны, Эйхгорн, пожалуй, еще рискнул бы – все-таки в сравнении с человеком имнии существа хлипкие. Но матросы были вооружены, как капитан Смоллетт в мультфильме Черкасского. А поскольку им не досталось выпивки – еще и злы, как тысяча чертей.

На остальных рабов рассчитывать было нечего. Совершенно сломленные, они тихо сидели в трюме и дожидались… чего?.. Эйхгорн все еще не знал, что их ожидает в Авиуме – столице Алатуса. Пираты на этот вопрос отвечали уклончиво или не отвечали вовсе.

Создавалось впечатление, что они и сами не знают.

После этого кораблет в деревни уже не заходил, летя строго по прямой – точно в центр Алатуса. Матросы, число которых уменьшилось, работали теперь в трехсменном режиме. Стояли по две вахты через третью.

Незадолго до прибытия в Авиум корабль попал еще и в шквал. Всего за три минуты ветер усилился до ураганного, да вдобавок хлынул ливневый дождь с грозой.

Боцман протрубил аврал, и все высыпали на палубу. Громадный флогистоновый баллон состоял из нескольких секций, но сейчас, при таком перегрузе, потеря даже одной означала падение. Капитан распорядился раскрыть люки в днище и подтащить к ним наиболее тяжелое – в случае прорыва оболочки оно сразу полетит вниз.

Конечно, для имниев кораблекрушение не так катастрофично, как для людей. У них даже шлюпок нету – просто покидают корабль на собственных крыльях. Потом спускаются к нему и чинят.

Капитан даже распорядился на время открыть трюм. Если рабы погибнут – они пропадут навсегда. А если разлетятся – их можно будет снова поймать.

На Эйхгорна же капитан глянул и… махнул рукой.

По счастью, шквал продлился недолго, и кораблет почти не пострадал. Двадцать – двадцать пять минут его влачило

ураганом, а потом все стихло почти так же быстро, как и началось. Все промокли до нитки, и порвались два троса, но это, в общем, пустяки, дело житейское.

– Что, ползун, жив еще? – хмыкнул боцман, увидев кислую рожу Эйхгорна. – Готовься – завтра Авиум!

Глава 55

Эйхгорн ожидал, что Авиум окажется таким же, как и бесчисленные деревеньки имниев, разве что крупнее – однако ничего подобного. Сверху он действительно был густо покрыт обычными гнездами, но внизу начинался металл. Громадный металлический объект, летающий остров в форме сплющенной чечевицы. Тоже густо заросший растительностью, ползучими лианами и лозами, толстыми невесомыми стеблями и зелеными пузырями с газом – но металлический.

Почти двадцать километров в длину, шесть километров в ширину, полтора километра в толщину.

Авиум – настоящая сердцевина Алатуса. Все остальное – все эти бесконечные воздушные джунгли, чащи небесных баньянов и других летающих деревьев – просто ему сопутствует. Летит в заоблачной выси, медленно вращаясь вместе с Авиумом, как кольца Сатурна.

Имниев в Авиуме оказалось бессчетно. Причем привилегированные классы жили во внутренних его областях, практически под землей, а в воздух поднимались только изредка. Самые богатые и знатные вообще связывали концы крыльев шелковым пояском – в знак того, что им не нужно летать.

Эйхгорну это показалось странным. Если бы он умел летать, то уж точно не стал бы от этого отказываться. Но с другой стороны – на Земле тоже многие люди неохотно пользуются ногами. Да и на Парифате. Вспомнить хоть герцога Уульнаря – тот, верно, уже забыл, когда передвигался сам. Возможно, если ты умеешь летать с рождения, полет для тебя – такое же обыденное и неинтересное занятие, как ходьба.

Впрочем, у Эйхгорна не было возможности полюбоваться достопримечательностями. Корабль налоговых пиратов пришвартовался у воздушной пристани – множества высоких шпилей, окруженных громадными ширмами-молами. Те защищали корабли – их здесь оказались сотни! – от буйства ветров.

Из люков в днище кораблета стали спускать добычу. Скот, шкуры, драгоценную смолу и прочее добро. Мясо, соль, веревки и тому подобные припасы пираты оставляли себе. Капитан лично нес в руках ларец с деньгами и другими мелкими, но дорогими вещицами.

Внизу уже поджидали приемщики. Два строгого вида имния, один из которых был крайне стар и сгорблен. Они внимательно выслушали отчет о рейде, сочли каждую мелочь на борту,

проверили и перепроверили все несколько раз, после чего забрали в казну ровно половину добычи.

В эту половину вошли все рабы. Двадцать два имния и один человек. Человеку традиционно удивились – даже в Авиуме бескрылые существа встречались нечасто. Сами имнии уже несколько лет почти не контактировали с Нижними Землями, а путешественники вроде Эйхгорна добирались до Алатуса редко. Разве что какой волшебник по личным делам или ковролетчик в поисках сокровищ.

Так что верхние области Авиума были плохо приспособлены для бескрылых и двуруких. В самых верхних дороги вообще отсутствовали – горожане просто перелетали от пункта к пункту. Ниже передвигаться становилось возможным, но опять-таки требовалось обладать цепкостью обезьяны… или имния.

Именно из-за этого Эйхгорна сразу отделили от остальных рабов и отправили в самые нижние, практически подземные области. Там, в просторных, с высокими потолками, но все же коридорах, имнии передвигались так же, как и люди.

Очень-очень долго Эйхгорна вели по этим стальным туннелям. Его взгляд как обычно был снул, словно у мертвой рыбы, но обстановку землянин разглядывал цепко, внимательно. Очень уж необычными оказались недра Авиума.

Металл. Везде сплошной металл, причем какой-то необычный, доселе не встречавшийся Эйхгорну. Вероятно, какой-то редкий сплав. Серо-белый, изумительной гладкости, он явно когда-то был покрыт краской, но ее давным-давно ободрали. Лишь кое-где Эйхгорн замечал отдельные пятнышки или штришки. Местами – граффити. Какие-то символы и упрощенные рисунки, похожие на средневековые гравюры.

Свет исходил от… вероятно, волшебных светильников, но они имели мало общего с теми, что Эйхгорн видел в Библиограде и других местах. Там были ярко-голубые хрустальные шары, иногда горящие сами собой масляные лампы или комки призрачного света над держателями для факелов. Здесь же в потолке встречались крошечные глазки, испускающие однако довольно мощное сияние.

Почти наверняка создавали это не имнии. Да, они умеют обрабатывать металл и достигли немалых высот в воздухоплавании, но вот все это… явно не их уровень. И уж конечно, это не природные образования.

Кто же тогда?

И что вообще такое Авиум? Если остальной Алатус не вызывал у Эйхгорна вопросов – флогистоновая сверхлегкая растительность, необычная, но понятная экосистема, – то

Авиум… Авиум пока оставался загадкой.

Эйхгорн надеялся со временем ее разгадать. Благо как раз времени у него теперь хоть отбавляй – в рабстве он явно надолго…

– Советую тебе помолиться своим богам, ползун, – произнес сопровождающий. – Завтра утром тебя принесут в жертву.

В первый момент Эйхгорн решил, что неправильно что-то понял. Все-таки имнийский язык он знал еще нетвердо – какие-то смысловые нюансы иногда ускользали. Так что он на всякий случай уточнил:

– А как именно меня… принесут в жертву?

– Стандартным способом, как всех, – уныло ответил имний. – Сердце вырежут.

– Ясно, – только и ответил Эйхгорн.

Поставьте себя на его место. Не так уж много найдется новостей, способных огорошить сильнее. И хотя выражение лица Эйхгорна не изменилось ни на йоту, внутри он испытал настоящую бурю эмоций.

Вероятно, следовало выразить хотя бы формальный протест, задать дополнительные вопросы, но Эйхгорн этого уже не успел. Его втолкнули в небольшое помещение без источников света, похожее на кладовку. Там отсутствовала даже лежанка – ну правильно, к чему удобства тому, кто завтра все равно умрет?

На последний ужин Эйхгорн даже не надеялся.

Дверь заперли на засов, и он остался в темноте. Тщательно ощупал пол и стены (до потолка не дотянулся), но не нашел ничего интересного. Разве что паутину в углу.

После этого Эйхгорн некоторое время сидел неподвижно, ловя разбегающиеся мысли. Заняться было решительно нечем. От нечего делать он стал мысленно прокручивать перед глазами «Сравнительное сравнение способов богам поклонения», пытаясь понять, во славу каких именно богов его прирежут.

Честно говоря, Эйхгорн так и не удосужился узнать о религии имниев. Да и вообще пока не видел на Алатусе никаких признаков религии. Ни культовых сооружений, ни священнослужителей, ни проведения ритуалов.

Ну ладно, завтра он узнает об этом во всех подробностях.

Хотя умирать все равно не хотелось. При всем своем фатализме и спокойном отношении к смерти Эйхгорн все же предпочел бы еще немного покоптить небо. Он ведь только начал исследовать этот новый огромный мир.

Последнего ужина так и не принесли. Заснуть тоже не получалось. Эйхгорн снова стал размышлять насчет грядущего жертвоприношения.

Впрочем, ничего интересного в этом не было. Так или иначе, все его предположения сводились к одному – какие-то идиоты решили, что богам или иной высшей силе нравится, когда в их честь льется кровь. Совершенно неразумная, лишенная всяких оснований, но почему-то очень популярная гипотеза.

То есть Эйхгорн бы понял, если бы это и вправду действовало. Если бы после жертвоприношения на самом деле повышалась урожайность почвы или происходило еще что-нибудь полезное. Убийство от этого не перестает быть убийством, но у него хотя бы появляется логичная причина.

Но ведь это же не действует. Даже если допустить на секунду, что боги действительно существуют, они явно никак не реагируют на какие бы то ни было попытки людей обратить на себя их внимание. За многие века практических экспериментов так и не было замечено никакой корреляции между ритуалами и последующими событиями.

А если никакого результата нет – к чему это делать?

От безделья Эйхгорн решил даже сам провести практический эксперимент. Чисто чтобы отвлечься, занять немного времени. Он не знал ни одной молитвы, поэтому просто поднял лицо кверху и отчетливо произнес:

– День Медного Вепря, тысяча пятьсот пятнадцатого года. Нахожусь в неустановленной точке Авиума. Приступаю к эксперименту по установке связи с высшими силами, попытка первая. Проверка, проверка. Прошу всех, кто меня слышит – богов или иных гипотетических представителей высших сил, – помочь мне, Исидору Яковлевичу Эйхгорну, спастись завтра от смерти. При этом считаю себя обязанным заметить, что я не верю в ваше существование, однако элементарная логика подсказывает, что исчезающе малый шанс лучше нулевого, так что попытка оправдана. Меня хорошо слышно? Я в первый раз это делаю, так что могу где-то ошибиться… наверное, надо на колени встать, но тут пол грязный, так что я не буду. Надеюсь, это не является критичным условием. Продолжим. В случае моего спасения я буду очень благодарен… Кому-То-Там… и обязуюсь тоже что-нибудь для вас сделать. Не знаю, правда, что именно я могу для вас сделать, но если что-то могу – буду рад помочь. Конец связи.

Окончив эксперимент, Эйхгорн криво усмехнулся. Конечно, это не поможет. Никаких богов не существует. А даже если бы и существовали – черта с два бы они откликнулись на такую молитву.

Поржали бы разве что.

Впрочем, надо же как-то занять мозг. Здесь ведь даже нечего пересчитывать или измерять. Не стихи же читать.

Пришли за Эйхгорном только утром. Когда дверь открылась, он сидел к ней спиной и монотонно бормотал:

– Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века – все будет так. Исхода нет. Умрёшь – начнёшь опять сначала и повторится всё, как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь.

Имнии с пониманием переглянулись. Они такого уже навидались.

– Пошли, ползун, – тронул Эйхгорна за плечо один. – Твоя очередь.

Эйхгорн ответил снулым взглядом. Читая стихи, он в бешеном темпе перебирал возможные варианты спасения. Однако сколько-нибудь исполнимых среди них не было.

Слишком уж дрянная сложилась ситуация.

Накормить Эйхгорна по-прежнему никто не озаботился. Разве что дали попить, да разрешили сходить в уборную. Как только он закончил свои дела, двое имниев с кривыми ятаганами, похожими на огромные серпы, вновь повели его по стальному туннелю.

Теперь, когда Эйхгорн знал, для чего здешним властям рабы, вся обстановка стала как-то зловещее. И по ногам подул холодок, и тени легли по углам, и имнии приобрели недобрый вид. В голове сама собой зазвучала дикая смесь «Дойчен зольдатен» и «Имперского марша».

Да еще и стрелка вормолеграфа вдруг дернулась, но Эйхгорн посмотрел на нее с нескрываемой печалью. Ему это теперь уже безразлично.

Да, Эйхгорну неожиданно стало себя жалко. Ну все-таки – неужели именно вот ради этого он провалился в червоточину? Чтобы какой-то психопат в рясе вырезал ему сердце?

Конечно, такой ход событий не менее вероятен любого другого. Эйхгорн в этом мире по чистой случайности. И ему еще очень повезло, что он протянул в нем целых десять месяцев.

В общем-то, он и так уже несколько раз был на волосок от смерти. Его мог убить тролль на мосту. Могла растерзать разъяренная толпа во время землетрясения. Могло убить молнией в самолете. Мог сожрать тысяченог. Мог растоптать волшебник. Могло убить при падении на Алатус.

Да, если так на это посмотреть, ему везло уже слишком долго.

И в конце концов везение закончилось.

Эйхгорна привели в огромный зал и заставили опуститься на колени. Слева и справа в той же позе поставили еще двух рабов – причем один из них тоже был человеком! Эйхгорн попытался с

ним заговорить, но тот лишь промычал что-то нечленораздельное. Судя по потухшему взгляду, парень совершенно отчаялся.

Всего же рабов оказалось пятеро – два человека и три имния. Эйхгорн не был уверен, есть ли среди них те, кто летел на пиратском кораблете – он все еще плоховато различал имниев.

Однако того имния, что сидел в дальнем конце зала, он точно бы узнал из тысячи. Там, в окружении суетящихся… видимо, жрецов, на горе подушек покоилось нечто вроде живой мумии. Невероятно старый, лысый, костлявый, испещренный морщинами и пигментными пятнами имний.

Температура в зале на пять-шесть градусов превышала комнатную. Однако старик на подушках был закутан во множество одежд и все равно трясся, словно в лихорадке. Хриплое дыхание разносилось по всему залу, а его взгляд горел огнем… диким, безумным огнем.

– Это что еще за струльдбруг?.. – вполголоса произнес Эйхгорн.

– Это наш великий сипа, – неожиданно ответил сосед справа. – Самый мудрый и благородный имний на Алатусе.

– Это вот он?.. – скептически уточнил Эйхгорн.

Старик на подушках вовсе не производил впечатление мудрого и благородного. Он производил впечатление одряхлевшего наркомана на последней стадии. Его не спасало даже окружение – зал утопал в дикой, кричащей роскоши. Волшебных светильников не было – свет лился с потолка, из огромного, забранного хрусталем «иллюминатора».

Все присутствующие тоже были облачены в удивительно пышные, совсем нетипичные для имниев одеяния. Жрецы носили высоченные шапки и мешковатые, полностью скрывающие крылья балахоны. Целая дюжина их стояла полукругом за сипой, заунывно гундя какое-то песнопение.

Еще двое, самые пышно разодетые, с постными лицами выжимали сипе на макушку… сначала Эйхгорну показалось, что это губка. Большая губка, испачканная в чем-то красном…

– Твою же мать, – только и смог сказать он, разглядев «губку» получше.

Сердце. То было кровоточащее, еще слегка трепещущее сердце человека или имния. И по мере того, как алые капли падали на морщинистую плешь, сипа словно… оживал. Из дыхания пропадали хрипы, дрожь прекращалась, взгляд замасливался…

– Хорошоооо… – чуть слышно прошипел он. – Хорошоооо…

– Это что вообще такое? – осведомился Эйхгорн, наклонив

голову к соседу справа.

– А ты не знаешь, ползун? – усмехнулся тот. – Как давно ты уже на Алатусе?

– Около луны, – медленно ответил Эйхгорн, отвлекшись на двух служителей. Те волокли бездыханное тело с дырой в правой половине груди. Обвисшие крылья мели пол.

Почему-то Эйхгорну подумалось, что ни Игхри Марадос, ни Орроко Тавуане не упоминали, что у имниев сердце справа.

Хотя конечно, они-то их не вскрывали…

– Так что тут у вас происходит? – повторил Эйхгорн вполголоса. – Можешь рассказать?

– Могу, – пожал плечами сосед. – Тем более, что времени у нас с тобой еще много…

И он рассказал. Этот имний вообще оказался разговорчивым и не склонным к панике. Скорее всего, ему тоже не хотелось умирать, но он ничем этого не показывал.

Выяснилось, что сипа – это действительно правитель всего Алатуса. Его должность пожизненная, но выборная, по наследству не передается. И вот этого конкретного сипу возвели на трон больше двадцати лет назад – в то время он действительно был незаурядным политиком, известным своим интеллектом. Первые десять лет он правил мудро и достойно – сейчас те годы вспоминают с ностальгией. Но потом…

Чуть менее десяти лет назад сипа тяжело заболел. Собственно, ничего особенного, обычный возрастной недуг. Будь он рядовым имнием, никто бы не увидел в этом ничего такого, и спустя луну-другую старик умер бы естественной смертью.

Но он был всемогущим сипой. Причем самым популярным сипой за минувший век. До него Алатусом правили сплошь моральные уроды, взбиравшиеся на трон путем интриг. О них никто не сожалел, а многим приближенные даже помогли отправиться в лучший мир.

Но возможная потеря этого всех не на шутку встревожила. В том числе и самого сипу – ему вдруг ужасно захотелось пожить еще хоть немного. И поскольку обычная медицина и всякие народные средства уже не помогали, он обратился к Черной Корпорации.

Здесь имний-рассказчик сделал небольшое отступление. Узнав, что Эйхгорн понятия не имеет, что такое Черная Корпорация, он дал небольшую справку и о ней.

Оказалось, что магия Парифата знает множество способов продлить жизнь. Но большинство их доступны лишь самим волшебникам. Причем наиболее эффективные – только самым великим. Эти действительно порой доживают до двухсот, а до и

до трехсот лет.

Обычные же люди или имнии, да и рядовые волшебники… у них не все так здорово. Да, существуют всякие целебные и омолаживающие чары, но они далеки от того, чтоб зваться панацеей. Не говоря уж о внушающих страх ценниках.

Но кроме разрешенной магии, существует еще и другая. Черная. В Мистерии изучают и ее, но с опаской и ограниченно. Ибо черная магия умеет много всяких полезных гитик, но к ним прилагается и разное дерьмо.

Порой несмываемое.

В частности, Черная Корпорация – это тайный конклав черных магов, занимающихся «торговлей бессмертием». Настоящего бессмертия от них все-таки тоже не дождешься, но продлевать жизнь они мастаки. Очень задорого и очень неправильными способами.

Чтоб не ходить далеко за примером – великому сипе они предложили вылечиться с помощью жертвоприношения. Провести специальный ритуал, оросить голову кровью из свежевырезанного сердца человека, имния или иного разумного… и все, живи дальше!

Сипа, надо отдать ему должное, поначалу колебался. Но бояре напомнили, что в темнице все равно дожидаются казни несколько преступников. Им так и так умирать – а тут будет польза.

И сипа согласился. Привели одного смертника, убили, умыли сипу кровью… и он выздоровел! Стал бодр и силен, словно вовсе ничем не болел! Даже вроде бы помолодел на десяток лет!

Целые сутки сипа радовался и праздновал… а потом вдруг все вернулось. Вернулась болезнь, вернулась старость. Возмущенный, он потребовал ответа от колдунов, но те лишь развели руками – мол, особо тяжелый случай. Единственное, что можно посоветовать – повторить ритуал.

И его повторили. Привели другого смертника, убили, умыли сипу кровью – и он снова выздоровел!

Но спустя еще сутки его состояние вновь стало прежним. И вот тогда сипа пошел вразнос. «Подсевший» на черный ритуал, он приказал доставить следующего смертника… и следующего… и следующего. Маги из Черной Корпорации давно покинули Алатус, в обмен на гору золота передав секрет жреческой коллегии – и теперь уже те каждый день повторяют ритуал, каждый день убивают все новых имниев.

– По одному в день, говоришь? – удивился Эйхгорн. – А зачем же нас тут так много?

– Было по одному в день, – ответил его собеседник. – Десять

лет назад. Но постепенно болезнь прогрессировала, а ритуал действовал все хуже. Сейчас на алтаре убивают по имнию каждые три часа. И, сам понимаешь, одних только преступников тут уже давно не хватает…

– И сколько же всего тут уже… полегло? – осведомился Эйхгорн.

– Восемь тысяч девятьсот шестьдесят два индивида, – без раздумий отчеканил имний.

– И откуда такая точность? – усомнился Эйхгорн.

– Так я счетовод… был счетоводом. В мои обязанности как раз и входило вести учет жертв…

– Ишь ты как… И как же ты здесь оказался?

– Посмотрел сипе в глаза.

– В глаза?.. – не понял Эйхгорн.

– Ну да. Подавал ежелунный отчет и нечаянно встретился с ним взглядом.

– Ясно… А в чем ты провинился-то?

– В этом и провинился.

– Не понял.

На лице имния отразилось сомнение. Он явно считал, что говорит о какой-то самоочевидной вещи. Но когда удостоверился, что Эйхгорн действительно не понимает, все же объяснил, что сипе нельзя смотреть в глаза. Нет большего прегрешения на Алатусе. Если нужно что-то преподнести владыке – стой на коленях. Разговаривая – опускай голову как можно ниже. Самое страшное наказание – если сипа пронзит виновника своим сокрушающим взглядом. Позор на всю жизнь… и продлится эта жизнь очень недолго.

Этот обычай тянется из глуби веков. Он освящен тысячелетиями. Но раньше великий сипа не злоупотреблял своим правом. Выходя к подданным, он порой даже надевал повязку, дабы не встретиться ни с кем случайно взглядом.

Но то было раньше. Сейчас… сейчас не так.

В отличие от соседа справа, сосед слева так и не произнес ни слова. Эйхгорн пытался расспросить и его – узнать, что делает на Алатусе другой человек. Кто он – волшебник, ковролетчик, путешественник иного рода?..

Но тот словно набрал в рот воды. Ни слова, ни звука.

Сипа тем временем занимался государственными делами. Это выражалось в том, что приближенные шептали ему на ухо, а он невнятно шамкал в ответ. Даже возрождающий ритуал уже мало помогал этому полутрупу.

Часы тянулись ужасно медленно. Вот сипа совсем уже заплохел, и жрецы взяли соседа Эйхгорна слева. Прямо на глазах

у остальных имний в высокой шапке надел нечто вроде рукавицы с когтями и… запихал ее прямо парню в грудь. Вытащив окровавленный комок, он пару секунд подержал его на весу, а потом выжал сипе на макушку.

Изуродованный труп тут же засунули в мешок, чтобы не пачкать пол, и куда-то уволокли. Еще один то ли жрец, то ли врач наклонился к сипе и прощупал у него пульс, старательно отводя лицо. Эйхгорн поерзал – стоять на коленях было жестко.

Еще три часа, значит. Три часа стоять на коленях, ожидать смерти, глядеть на эту гниющую развалину на троне. Имнии справа на нее не глядели – по привычке прятали глаза.

Хотя теперь-то им уж бояться нечего…

Голова сипы тряслась все сильнее. С каждым его хрипом сердце Эйхгорна екало – вот сейчас его зарежут. И накатывало облегчение, когда жрецы оставались недвижимы – нет, еще не сейчас.

Он прекрасно понимал, что перед смертью не надышишься. Лишние несколько минут ничего не изменят. Но объяснить это мозжечку не получалось – тот действовал на тупом зверином инстинкте.

Страх. Боль. Голод. И прочие примитивные эмоции.

Впрочем, уже совсем скоро Эйхгорн с ними расстанется. Хоть какой-то плюс.

Вот сипа издал совсем уж неприятный хрип… и жрецы направились к Эйхгорну.

– Твоя очередь, ползун, – равнодушно произнес один.

Эйхгорн неохотно поднялся. Он шарил глазами по залу, ища выход из безнадежного положения. Жрецы вооружены, стража вооружена – можно выхватить у кого-нибудь клинок, метнуться к подушечному трону, взять сипу в заложники… и какой-нибудь Брюс Уиллис наверняка именно так бы и поступил. Шансы же Эйхгорна успешно провернуть подобное колеблются где-то около нуля.

Тем не менее, микроскопическая вероятность успеха все же есть. Когда его подведут к алтарю, будет наиболее подходящий момент. Эйхгорн напрягся…

У него не получилось. Как и следовало ожидать. Стоило ему только дернуться, только трепыхнуться – и у подбородка возникло лезвие. Он явно не первая овца, попытавшаяся избегнуть заклания – и мясники среагировали привычно.

Эйхгорн все равно попытался вырваться. Он рассудил, что нет разницы, куда вонзится острая железка – в грудь или в горло. В горло пожалуй будет еще и полегче. Но сзади уже навалились имнии, Эйхгорна опрокинули на алтарь, главный жрец прогундел

какую-то белиберду и… вонзил нож ему в грудь.

Все тело пронзило резкой, нестерпимой болью – но длилось это совсем недолго. Уже через секунду сознание Эйхгорна стало затухать…

Последнее, что он увидел – свое все еще бьющееся сердце.

Глава 56

Темно. И его куда-то тащат. Волокут за ноги, постукивая головой об пол.

Очень-очень странно. Эйхгорн был абсолютно уверен, что его только что убили. Вырезали сердце живьем – и это было невероятно больно.

Но теперь он снова жив. Непонятно как, но жив. Ничего не болит. И сердце бьется по-прежнему.

Вероятно, с момента смерти прошло около минуты – он уже не на алтаре, его куда-то тащат. Засунули в мешок, как и предыдущую жертву.

Эйхгорн принял мгновенное решение. Он понятия не имел, какое чудо вернуло его к жизни, но был уверен, что если крылатые жрецы это обнаружат, то убьют снова. Значит, надо продолжать прикидываться мертвым и ждать, что будет дальше.

Он постарался максимально расслабиться. Не шевелиться, не дышать. Взять пример с Эдмона Дантеса, который схожим образом покинул замок Иф.

Интересно, что здесь делают с трупами? Вряд ли сжигают – Эйхгорн не видел, чтобы имнии разводили огонь иначе как в жаровнях, для готовки. Хоронят тоже вряд ли – земли нет, закапывать некуда. В людоедстве имнии замечены не были. На пиратском корабле мертвецов просто выбрасывали за борт… вспомнив это, Эйхгорн похолодел от ужаса.

И тут процессия неожиданно остановилась. Эйхгорна небрежно приподняли и толкнули ногами вперед куда-то… в какую-то трубу. Словно в мусоропровод.

Он не успел ничего сообразить, как полетел вниз.

Падая по трубе, Эйхгорн о многом успел передумать. Он понятия не имел, где закончится его путь. Труба шла спиралью, была наклонена под углом в шестьдесят градусов, и пока что скорость Эйхгорна не превышала той, что развивают на горках в аквапарке.

Однако вряд ли в конце его ожидает бассейн с теплой водой и девушками в купальниках. Куда вероятнее, что он вывалится из-под днища Авиума и полетит прямо к земле. Алатус расположен на высоте девяти километров – значит, Эйхгорн проживет еще несколько минут.

Если бы дело происходило на Земле, на такой высоте Эйхгорн первым делом потерял бы сознание из-за нехватки кислорода. Километра так на два. Потом он пришел бы в себя. Но на Парифате подобное не грозит, так что можно сосредоточиться

на вопросе приземления.

Если только Алатус как раз не пролетает над каким-нибудь островом, Эйхгорн шлепнется в океан. Но с девятикилометровой высоты. Конечная скорость падения человека – триста двадцать пять километров в час. Девяти километров более чем достаточно, чтобы ее развить. Упав с такой скоростью даже в воду, погибнешь почти стопроцентно.

Вода – это даже хуже, чем другие варианты. Стог сена предоставляет больше шансов уцелеть. Пышная лесная растительность тоже неплоха, если ни на что не напороться. Сугробы очень хороши, но на экваторе о них можно не думать. А самое лучшее – болото. Мягкая трясина, покрытая растительностью. Упав в болото даже с очень большой высоты, можно выжить.

Но двадцать против одного, что внизу сейчас океан. Вода. Она практически несжимаема, так что падать на нее с высокой скоростью категорически не рекомендуется. Результат будет мало отличаться от падения на асфальт.

Однако скорость можно немного уменьшить, раскинув руки и ноги в стороны, выгнув тело, запрокинув голову и слегка согнув колени. Эйхгорн имел некоторый опыт в скайдайвинге и знал, как это делается. А приводняясь, надо будет повернуться ногами вниз, полностью расслабиться и продолжать сгибать колени, чтобы войти «солдатиком». Ну и ягодицы напрячь изо всех сил.

Конечно, даже так шанс выжить остается исчезающе малым. Но исчезающе малый – это все-таки не нулевой. Даже один из миллиона – лучше, чем совсем ничего. Известны случаи, когда люди в подобных обстоятельствах…

…И тут труба закончилась так же неожиданно, как и началась. Она в последний раз изогнулась, и Эйхгорн плюхнулся на что-то мягкое и холодное. Ему пришлось потрудиться, чтобы не опорожнить желудок – вокруг царила страшная вонь.

Кое-как выбравшись из мешка, Эйхгорн пошарил по карманам. Нашел фонарик, включил его – и едва удержался от вскрика.

Он упал на кучу трупов. На огромную гору разлагающейся мертвечины. Сверху лежали совсем свежие, еще толком не окоченевшие, в самом низу – бесформенная гниль. Одни голые, другие – в мешках.

У всех у них в груди были рваные дыры.

Впрочем, Эйхгорн особо не присматривался – едва сообразив, куда попал, он скатился вниз, перемазавшись в мерзости, и припустил как можно быстрее.

Первое время он просто шел быстрым шагом, светя

фонариком. В воздухе стоял удушливый невыносимый смрад – и Эйхгорн спешил уйти от него подальше. Но понемногу вонь ослабевала, и вместе с этим замедлялись шаги.

В конце концов Эйхгорн остановился и прислонился к стене, пытаясь сообразить, куда попал.

Это все еще Авиум? По всей видимости, да – он катился по трубе не более двух минут, причем под углом в шестьдесят градусов, так что никак не мог пролететь его насквозь.

К тому же пол, стены и потолок выглядят все так же. Эйхгорн посветил фонариком туда и сюда – да, очень похоже. Видимо, подземные катакомбы. Судя по тому, что сюда сбрасывают трупы – какой-то отстойник.

Канализационная система? Но вокруг совсем сухо, труб не видно, журчания не слышно.

По крайней мере, здесь безопасно. Вполне вероятно, имнии даже не подозревают об этом месте. Судя по огромной горе трупов, они уже давно используют ту трубу в качестве братской могилы. Но вот куда именно она ведет… не факт, что жрецы об этом знают.

Правда, если здесь действительно никого и ничего нет, если это всего лишь забытый подвал, радоваться особо нечему. Эйхгорн просто променял быструю смерть на медленную, от голода.

Конечно, есть та гора трупов, а имнии – не люди, так что каннибализмом это не будет… однако эту мысль Эйхгорн решил забить поглубже. Пока что. Без еды он провел всего сутки, время еще терпит. Вначале нужно как следует изучить это странное место – быть может, здесь найдется другой выход или что-нибудь съестное…

Эйхгорн начал с того, что осмотрел самого себя. Проверил, чем располагает. Фонарик в наличии, вормолеграф тоже на руке… стрелка не движется… а что еще?

К счастью, жрецы не позарились на его жалкое имущество. Одежда порвана и перепачкана в крови, но не тронута. Очки уцелели, на шее по-прежнему висит агатовый талисман, утоляющий жажду, и… шнурок. Шнурок с бронзовой застежкой – а латунный диск исчез бесследно.

Странно. Куда мог деться этот неказистый талисман? Он все время был при Эйхгорне – и в Парибуле, и в Нбойлехе, и в Озирии, и на Кардегарте. Пираты его не тронули, жрецы не тронули – а теперь он как будто просто… рассыпался. Именно в тот момент, когда Эйхгорн погиб… а потом воскрес.

У Эйхгорна расширились глаза. Быть может, именно этот талисманчик поднял его из мертвых? Верится с трудом, но факт

налицо – эти два события произошли одновременно. И чем иначе объяснить это невозможное воскрешение, если не волшебством? В конце концов, именно волшебнику талисман и принадлежал… да и другой волшебник готов был пойти на убийство, только бы заполучить… как он там его назвал?..

Амулет Феникса!

Эйхгорн с содроганием вспомнил, что сначала хотел просто выбросить неказистую безделушку.

Жаль только, что талисман явно одноразовый.

Кстати, если он действительно воскрешающий – а это очень похоже на правду, – и мэтр Шторелли об этом знал, с его стороны было глупостью пытаться убить Эйхгорна. Если бы у него получилось, он бы добился только уничтожения амулета. И ничего бы на этом не выиграл.

Изучив состояние своего тела, Эйхгорн заключил, что амулет Феникса воскресил его как есть. Он явно не стал ни на год моложе, и зрение осталось таким же скверным. Исцелилась только смертельная рана. Сердце то ли переместилось обратно в грудную клетку, то ли выросло новое.

Как именно такое возможно, Эйхгорн решил даже не гадать. Магия.

Динамо-фонарик чуть слышно жужжал. В пятне света пока не появлялось ничего интересного – только стены серо-белого металла. Очень пыльно. Примерно так выглядят законсервированные бункеры много лет спустя – однажды Эйхгорну доводилось в такой спускаться.

Но вот луч выхватил на стене какой-то выступ. Маленький, непримечательный, но все же нарушающий типовую монотонность. Эйхгорн пристально его осмотрел, коснулся… и вокруг вспыхнул свет!

Его было не так уж много. Просто в случайных местах на потолке зажглось несколько тусклых квадратиков. Еще несколько лишь померцали какое-то время, а затем потухли. Видимо, когда-то этот потолок светился весь, но большая часть ламп давно перегорела.

Другой вопрос – откуда здесь взялись лампы? Да и лампы ли это вообще?

Свет загорелся только там, где находился Эйхгорн. Уже в полусотне метров все опять тонуло во мраке. Но стоило ему зашагать, как свет стал перемещаться вместе с ним. Лампы включались впереди и гасли позади. А это значит, что здесь присутствуют датчики движения… или снова магия? Эйхгорн решил пока не выносить скоропалительных суждений.

Вообще, эти нижние туннели почти ничем не отличаются от

верхних. Вот разве что… Эйхгорн повернул за угол и брезгливо прикрыл рот. Впереди опять высилась гора разлагающихся трупов, а над ней – отверстие.

Только вот на сей раз это были обычные имнии, умершие от естественных причин. Среди них виднелись и с различными увечьями, ранами, но с вырванными сердцами – нет. Видимо, жители центральных областей Авиума уже много лет используют его недра в качестве кладбища.

Но интересно, чем эти трубы были изначально. Вентиляция?.. Мусоропровод?.. Так или иначе, имнии этого проверить не могли. Возможно, Эйхгорн не первый попал сюда живым, но вот обратно явно не выбирался никто. Даже крылатое существо не сможет взлететь по этой трубе – слишком узкая.

Сам Эйхгорн на месте имниев непременно снарядил бы экспедицию. Просто спустился на длинной веревке. Но имнии то ли не проявляли интереса к своим недрам, то ли уже устраивали экспедиции и ничего интересного не нашли.

Так или иначе, сейчас эти помещения точно пустуют.

Преодолеть гору гнилой плоти оказалось непросто. Эйхгорн с большим удовольствием вернулся бы назад и поискал обход, если бы не знал точно, что его там нет. На протяжении всего маршрута от кучи трупов до кучи трупов путь был только один. Встречались два отводка, но тупиковые.

Поэтому пришлось перелезать. Эйхгорн постарался пробраться с краю, где между телами и стеной оставалось еще немного пространства. Слишком мало, правда, чтобы нормально пройти – под ногами хрустело… Эйхгорн решил не думать о том, что у него под ногами.

Все сильнее хотелось есть. И пить. Эйхгорн пока что утолял жажду агатовым амулетом, но это лишь обманка, долго так не протянешь. Он очень надеялся, что в этих заброшенных туннелях найдется что-нибудь… хоть что-нибудь полезное.

Через сотню метров после второй кучи трупов что-то действительно нашлось. Правда, пока что скорее любопытное, чем полезное.

Фреска. На стене красовалась фреска. Почти не выцветшая, нанесенная чем-то вроде акриловых красок. И изображены на ней были отнюдь не имнии.

То были какие-то странные существа. Четыре ноги и две руки, скрюченное L-образное тело, лысые головы с тремя фасеточными глазами и усиками-антеннами… этакая помесь кентавра с муравьем. Эйхгорн не помнил таких среди обитателей Парифата.

Хотя это еще ни о чем не говорит. На Парифате больше ста разумных видов, и Эйхгорн понятия не имеет, как выглядит

добрая их половина. Вполне возможно, что…

Сделав еще шаг, Эйхгорн запнулся в своих мыслях. Ибо он вступил в… помещение.

Он не мог подобрать для него названия. Комната, зал?.. слишком мелко. Здесь поместился бы целый стадион. Потолок терялся в недосягаемой выси, все заливал мягкий голубоватый свет, повсюду стояли и висели какие-то громады… несомненно, искусственного происхождения.

Это точно не магия. Даже на долю секунды Эйхгорн не усомнился. Перед ним – высокие технологии… причем, неземные.

– День Свинцового Вепря, тысяча пятьсот пятнадцатого года, – машинально произнес он в кулак. – Нахожусь в неустановленной точке Авиума. Обнаружил неопознанный летающий объект… коим является весь Авиум.

НЛО. Все-таки НЛО. Эйхгорн много лет мечтал встретить одно из них. Кто бы мог подумать, что он встретит его здесь – на волшебном летающем острове.

Хотя теперь очевидно, что никакой он не волшебный.

Глава 57

Никуда не торопясь, действуя с крайней осторожностью, Эйхгорн принялся обследовать находку. Он не имел представления о том, что перед ним, для чего предназначено, как этим управлять. Работают ли еще какие-то из этих агрегатов? Как давно их оставили? Кому они принадлежали?

Лампы по-прежнему включались рядом с ним и гасли в отдалении. Но здесь имелся и источник постоянного света – парящий под потолком синий шар. Искристый и переливающийся, он походил на… Эйхгорн решил пока не выдвигать гипотез.

Медленно шагая по залу, он касался отдельных выступов, участков стен. Тех, что слегка выделялись на общем фоне. Большей частью это ни к чему не приводило, но иногда рядом с пальцами вспыхивали пиктограммы. Кружочки, черточки, другие значки. Эйхгорн рассматривал каждый из них и запоминал.

Пока что большего он сделать не мог.

Проблема в том, что эти символы не имели ничего общего ни с парифатским языком, ни с наречием имниев. И у Эйхгорна не было никаких зацепок, ключей для их расшифровки.

Некоторые пиктограммы были не просто пиктограммами. Что-то происходило. Что-то менялось. Оживали какие-то агрегаты, слышались разные звуки. Эйхгорн от души надеялся, что ничего не испортит своими дилетантскими попытками.

Пока вроде обходилось. Хотя полезных результатов тоже не было – щелчки, огоньки. Эйхгорн чувствовал себя макакой, наугад тыкающей в кнопки.

Но вот один агрегат проявил несколько больший энтузиазм. Едва Эйхгорн даже не коснулся, а просто приблизился, как все вокруг пришло в движение, сверху выдвинулась длинная трубка, а Эйхгорна на миг ослепило зеленоватым светом.

– Их фып тушпу лих ктотта. Их фып тушпу лих ктотта, – заговорил мелодичный, но явно механический голос.

Часть стены с тихим шипением отошла в сторону. За ней обнаружилась ниша с углублением в форме ванны. Эйхгорн глянул на нее с большим подозрением и на всякий случай отступил назад.

– Их фып тушпу алехта оро, – произнес тот же голос. – Их фып тушпу алехта оро.

– Не понимаю, – на всякий случай ответил Эйхгорн.

Голос ненадолго замолчал, а потом терпеливо произнес:

– Эк лаа их фып орого дента. Эк лаа их фып орого дента.

На стене зажглись пять стрелочек. Все они указывали на нишу, явно предлагая Эйхгорну в нее лечь. Но тот все еще не был уверен, хочет ли это делать. Даже если предположить, что неведомые создатели этих приборов не желают ему ничего плохого, нет никакой гарантии, что их творения не сломались за столько лет.

Конечно, Авиум по-прежнему парит в воздухе. Из этого следует, что его силовая установка по-прежнему функционирует. Но вот работает ли что-нибудь, кроме двигателя… большой вопрос.

– Эк лаак их фып тушпу, – настойчиво повторил голос. – Эк лаак их фып тушпу.

– Ладно, ладно, – проворчал Эйхгорн, укладываясь в нишу.

Возможно, зря. Возможно, прямо сейчас его разберут на органы. Но если нельзя верить бесплотному механическому голосу на заброшенном корабле пришельцев… кому тогда вообще верить?

Едва Эйхгорн улегся, ощущая себя в высокотехнологичном гробу, как снова сверкнуло зеленым. Послышалось тихое гудение. Кожу как будто легонько защипало.

– Их фып орхо элкехер орро лихрар ктотта, – произнес механический голос. – Их онор элкехер орро таррак сетрар. Рокко тушпу?

В последней части явственно слышались вопросительные нотки. Но Эйхгорн понятия не имел, чего от него хотят и какого ответа ждут. Он дернулся было вылезти, но тут перед лицом вспыхнула голограмма. Нечто вроде голубоватого диска, испещренного символами – от него к зрачкам Эйхгорна потянулись лучи, и он словно погрузился в трехмерную системную оболочку.

Информационный прибор. Компьютер.

Конечно, Эйхгорн не понял ни одной буквы. Китайские иероглифы и то сказали бы ему больше. Однако роясь вслепую, осторожно нажимая то туда, то сюда, касаясь разных пиктограмм и ища закономерности, он в конце концов нашел способ переключить язык.

– Иалл-суу аххыи оу ихълсс оу и-иэ, – произнес механический голос.

Снова совершенно непонятная фраза – но это явно другое наречие. И судя по обилию пиктограмм в данном разделе, компьютер таких наречий знает несметное множество. Эйхгорн улегся поудобнее и принялся перебирать их одно за другим.

Его усилия не прошли даром. Спустя примерно час перебора Эйхгорн наконец услышал несколько знакомых звуков.

Имнийский язык – сильно измененный, явно архаичный, но все же понятный.

Однако язык имниев, как и большинство остальных языков в системе, был доступен только в голосовом режиме. По всей видимости, древние имнии не знали письменности, так что текст оставался прежним.

Тем не менее, это уже что-то, отсюда можно отталкиваться. Все речевые языки устроены по одному принципу. Сочетания фонем, обозначающие понятия. В первую очередь существительные – без них никак не обойтись. Дальше глаголы – менее важные, но тоже необходимые. Если знаешь современный русский, при должном усердии можно расшифровать и старославянский.

Тут явно та же ситуация.

Теперь механический голос заговорил на имнийском. Оказалось, что все это время он просил Эйхгорна занять место в… двух следующих слов в имнийском не оказалось, так что голос назвал это «целительной кроватью». Эйхгорн для себя обозначил нишу как медицинскую капсулу.

– Вы представитель вида ‘в словаре отсутствует’, – любезно произнес механический голос, закончив сканирование.

Эйхгорн задумался. Выходит, в архаичной версии имнийского языка нет слова «человек». Хотя в современной есть. Значит, эта система программировалась до того, как имнии узнали о существовании людей. Информация пока что бесполезная, но пусть отправляется в общую копилку фактов.

– Состояние вашего здоровья… хорошее, – вынес вердикт механический голос. – Глазные ‘в словаре отсутствует’ увеличены в длину, в силу чего зрение ‘в словаре отсутствует’. Возможна ‘в словаре отсутствует’. В остальном ваш ‘в словаре отсутствует’ в хорошем состоянии.

Эйхгорн невольно коснулся груди. Значит, амулет Феникса настолько хорошо его воскресил, что даже медицинский компьютер пришельцев ничего не обнаружил. И вообще из дефектов у него только сильная близорукость, но об этом он знал и без компьютера.

– Кроме того, обнаружено легкое истощение, – заметил механический голос. – Судя по состоянию желудка и кишечника, вы не принимали пищу уже более шести ‘в словаре отсутствует’. Для ‘в словаре отсутствует’ это вредно. Предлагаю вам поесть.

– Благодарю за ценный совет, – саркастично ответил Эйхгорн.

Агрегат издал тихое гудение. Механический голос некоторое время молчал, а потом попросил:

– Пожалуйста, пройдите к ‘в словаре отсутствует’ пищи.

Пожалуйста, пройдите к ‘в словаре отсутствует’ пищи.

Это предложение Эйхгорна заинтересовало. Он понятия не имел, что у инопланетного компьютера в меню, но собирался проверить.

Пищеблок оказался неподалеку. Механический голос вел Эйхгорна, словно GPS-навигатор, пока тот не уткнулся в нечто вроде кофейного автомата, только в несколько раз больше. При его появлении снова вспыхнула голограмма, ловящая зрачки пользователя.

К сожалению, тут не оказалось голосового интерфейса. Компьютер просто выдавал кучу символов и пиктограмм. Всплывали все новые меню, появлялись какие-то непонятные опции – и это при том, что операционная система даже отдаленно не походила ни на одну из земных.

Впрочем, количество команд было конечным. Пробуя все новые сочетания, Эйхгорн добился удовлетворительного результата, получив тубу с водой и чашку безвкусной, лишенной запаха, но довольно сытной каши.

Возможно, все это ожидало его здесь тысячи лет, но в этом Эйхгорн сомневался. Гораздо вероятнее, что кашу и воду (ну или только кашу) компьютер синтезировал прямо сейчас, персонально для него. Нечто вроде биопринтера.

Эйхгорн понятия не имел, из чего это сделано. Возможно, из трупов имниев. Или из их же дерьма. Но его это особо и не волновало. В качестве удобрений тоже используются довольно неаппетитные вещи – и растения перерабатывают их полезные вещества в свои клетки, а эти клетки потом попадают уже и в организм человека. Круговорот химических элементов, ничего особенного. Владельцы этого места просто научились сокращать путь.

Из отделения сверху выпала длинная ложка с треугольным держалом. Эйхгорн осмотрел ее, добавляя еще один факт в копилку – пришельцы сильно отличались от людей. Для пятипалой ладони примата подобная рукоятка крайне неудобна.

Утолив жажду и голод, Эйхгорн полностью погрузился в исследования. Час за часом он изучал приборы и агрегаты, внимал механическому голосу и рылся в компьютерах, ища закономерности.

Предназначения большей части приборов Эйхгорн попросту не понимал. Слишком сильно эти технологии опережают земные – сложно разобраться. Все равно что древнему римлянину… да нет, даже европейцу девятнадцатого века показать компьютерную мышь и спросить: что это? Черта с два же ответит.

Даже спустя несколько часов Эйхгорн не продвинулся дальше медицинской капсулы и синтезатора пищи. Накормив и проведя медосмотр, искусственный интеллект Авиума потерял всякий интерес к гостю. На все действия Эйхгорна он либо молчал, либо выдавал однотипные малополезные реплики.

Впрочем, Эйхгорн был почти уверен, что настоящего ИИ здесь нет. Просто обычный компьютер – мощный, высокоразвитый, со множеством функций, но не способный действовать самостоятельно. Создатели запрограммировали его реагировать на определенные ситуации так-то и так-то – он соответственно и реагирует.

Так прошли сутки. А за ними вторые. В этом подземелье Эйхгорн не мог отмерять время, так что ориентировался по личным ощущениям – как часто ему хотелось спать или есть. Питался он все той же пресной кашей с водой, спал в медицинской капсуле – та оказалась жесткой, но достаточно комфортной.

С утра до вечера и с вечера до утра Эйхгорн расшифровывал наречие пришельцев. Переключая раскладку туда-сюда и слушая одни и те же фразы на их языке и на имнийском, он постепенно начал понимать общий смысл. Пока что только устную речь, не письменность, но он запоминал все новые и новые слова.

Заняться все равно было больше нечем. Эйхгорн изучил всю доступную ему территорию, но за пределами главного зала ничего интересного не обнаружил. Нашел, правда, несколько запертых дверей… по крайней мере, он полагал, что это двери. Открыть их так и не удалось.

Так что Эйхгорн решил для начала овладеть языком и получить как можно больше информации. Благо торопиться ему некуда, а вероятность того, что именно в ближайшие дни имнии обнаружат этот «бункер», крайне мала.

Несмотря на то, что здесь явно никого не было уже целые века, если не тысячелетия, все сохранилось в безупречном состоянии. Воздух чистый и свежий, пыли не больше, чем в квартире после долгого отсутствия. Кем бы ни были создатели этой техники, дело свое они знали.

Спустя несколько дней Эйхгорн уже понимал язык пришельцев на слух. Его словарь по-прежнему зиял пробелами, но он был уверен – при необходимости он сможет объясниться с кем-то из создателей Авиума.

Вербально. С текстом дело обстояло похуже. Эйхгорну словно подкинули гигантскую шараду – куда более сложную, чем все, что ему доводилось решать раньше. И хотя ключей у него хватало, расшифровка все равно продвигалась небыстро.

Эйхгорн начал с чисел, как с самого простого, но они неожиданно оказались куда более сложными, чем язык. Хозяева корабля не использовали десятеричную систему. И двоичную тоже не использовали. Они вообще не использовали никакой позиционной системы.

Вместо этого они использовали систему факторизации.

Первое, что установил Эйхгорн – общее количество цифр. Сорок две. Каждая цифра обозначает простое число. 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19 и так далее, до 181. Кроме того, есть специальные значки для ноля и единицы. Составные же числа обозначаются перемножением. 6 – это [2x3], 10 – [2x5], 15 – [3x5] и так далее. Степени обозначаются чертами. Квадрат – горизонтальная черта снизу, куб – две горизонтальных сверху и снизу, четвертая степень – горизонтальная снизу и две вертикальных по бокам, пятая степень – со всех сторон. Шестая же степень – снова умножение, пятой степени на первую. Простые числа от 191 и выше получаются прибавлением к предыдущему числу единицы.

Расшифровав эту конструкцию, Эйхгорн поразился ее громоздкости и неудобности. Скажем, число 2015 придется написать как [5x13x31]. А 2016 будет выглядеть как [2x3x7]. 2017 (простое число) – [2x3x7+1]. И так далее.

Эйхгорн-то раскладывал на делители легко, почти не задумываясь, но обычному человеку придется повозиться…

В общем-то, на Земле тоже имеются похожие системы счисления, но они используются лишь в некоторых, достаточно специфических ситуациях. А использовать нечто подобное в повседневной жизни… хотя это должно неплохо развивать математические способности. Да и вообще логическое мышление.

Возможно, в этом есть определенный смысл.

Вслед за числами Эйхгорн расшифровал и письменность. На это ушло почти три недели, но в конце концов он расколол принцип. То, что поначалу казалось ему иероглифами, оказалось все-таки алфавитом – но алфавитом очень нестандартным.

Хозяева Авиума не писали буквы в словах друг за другом, как это делают в обычной алфавитной письменности. Каждое слово в их текстах представляло собой квадрат 5x5. А в их алфавите двадцать пять букв – для каждой предназначено собственное гнездо. Если буква встречается в слове один раз – в определенном гнезде ставится точка, если дважды – кружок, трижды – кружок с точкой. Потом эти точки и кружки соединяются линиями, и так получаются слова-пиктограммы.

Для Эйхгорна осталось загадкой, как они это читали. Ужасно неудобно, должно быть. Например, слова «лодка» и «кодла» будут выглядеть совершенно одинаково – порядок букв никак не

обозначается. Неужели они все это просто запоминали?

С другой стороны, у японцев письменность еще более неудобная – аж с четырьмя разными азбуками. Но справляются как-то.

В итоге Эйхгорн провел в недрах Авиума почти полтора месяца. Полтора месяца жил подземным робинзоном, копаясь в наследстве древних кого-то там. И с каждым днем узнавал о них все больше и больше.

Авиум действительно оказался космическим кораблем. В компьютере осталось нечто вроде бортового журнала – изрядная его часть вообще не открывалась для «гостевой учетной записи», а в прочтенном Эйхгорн понял от силы четверть. Но и этих крупиц хватило, чтобы собрать основные данные.

Авиум прибыл на Парифат четыре с половиной тысячи лет назад, и летело на нем два типа пассажиров. Представителей первого типа было всего три десятка – но именно они осуществляли управление. Представители второго типа были первобытными существами, в умственном развитии стоящими на уровне кроманьонцев. Судя по всему, развитые существа их куда-то переправляли – это была не то спасательная миссия, не то просто работорговля.

Скорее все-таки спасательная миссия. Или огромный эксперимент. Ведь все эти небесные джунгли, которые составляют Алатус, тоже были привезены с далекой родины имниев. Пришельцы переправили на другую планету не только популяцию разумных существ, но и сопутствующую им экосистему.

Так или иначе, спустя некоторое время хозяева корабля его покинули, зато их пассажиры остались, дали потомство и чрезвычайно размножились. Это и были предки нынешних имниев. А корабль под названием Авиум так и остался летать вокруг планеты, транспортируя бескрайние небесные джунгли.

Еще порывшись в бортовом журнале, Эйхгорн выяснил, что перед тем, как покинуть корабль, его хозяева законсервировали «машинное отделение» и зал управления – вот этот самый, в котором Эйхгорн находится. Их оставили в действующем состоянии, чтобы Авиум продолжал летать по заданной орбите на предельно малой скорости. Остальные же отсеки были полностью лишены оборудования и предоставлены имниям – кои, собственно, и проживают в них по сей день.

Что именно приводит Авиум в движение – неизвестно. В компьютерах содержалась и разного рода техническая информация, но почти вся она звучала для Эйхгорна белибердой. Другие термины, другие формулировки, да и просто несравнимо более высокий уровень. Даже самый умный первоклассник мало

что поймет в высшей математике.

Однако Эйхгорн выяснил, что ресурс Авиума конечен. На каком бы топливе этот корабль ни работал, вечно он летать вокруг Парифата не будет. Создатели запланировали ему срок в девять тысяч девятьсот девяносто девять местных лет – после этого он опустится на землю и перестанет функционировать.

Хороший повод понервничать. Когда Алатус приземлится, шороху точно будет немало – что здесь, что внизу. По счастью, времени впереди еще хоть отбавляй – на табло обратного отсчета стоит [5x11x101]. Пять тысяч пятьсот пятьдесят пять лет Алатус еще будет наворачивать круги. То есть прошло ровно четыре тысячи четыреста сорок четыре года с тех пор, как он появился над Парифатом.

Будь Эйхгорн хоть сколько-нибудь суеверен, он посчитал бы это каким-то знамением – как же, четыре четверки, четыре пятерки! Но он не был суеверен, поэтому для него это были просто числа – ничем не отличающиеся от любых других.

Главное, что можно не беспокоиться – прошло меньше половины срока, Алатус рухнет еще очень не скоро. А к тому времени, когда это произойдет… вряд ли вообще имеет смысл загадывать настолько далеко. Земля пять тысяч лет назад была населена дикарями, которые буквально вчера изобрели колесо. Что она будет представлять собой еще через пять тысяч лет, не может сказать никто, кроме гипотетического Кого-То-Там.

То же относится и к Парифату.

Когда Эйхгорн наконец прочел все, что сумел расшифровать, перед ним встал вопрос – что дальше? В жизни отшельника есть свои плюсы – никто не дергает, не отвлекает ерундой. Ни одного идиота поблизости.

Тем не менее, сидеть на брошенном корабле пришельцев до конца дней своих ему не улыбалось. Быт стал несколько однообразен, а пейзажи прискучили. Он даже толком не знал, сколько именно времени здесь провел.

Но Эйхгорн пока не нашел способа отсюда убраться.

Конечно, можно попробовать вылезти через одну из могильных труб. Эйхгорн несколько раз наведывался к ним, наблюдал, замерял среднюю частоту падения мертвецов. Часов у него по-прежнему не было, так что получалось приблизительно, но для его нужд – достаточно.

Та труба, что располагалась рядом с тронным залом, стабильно выдавала трупы раз в три часа. Если влезть сразу после падения очередного, будет целых три часа, чтобы подняться.

Проблема лишь в том, как именно по ней подниматься. Слишком уж гладкая, не за что зацепиться. А металл, из которого

состоит Авиум, отличается завидной прочностью, альпенштоком такой не возьмешь.

Даже если б у Эйхгорна был альпеншток.

Но в любом случае выбираться таким путем не очень разумно. На другой стороне имнии. Много имниев. Эйхгорн не переоценивал свои способности и не надеялся проскользнуть а-ля ниндзя. Почти наверняка его обнаружат очень быстро. Человек в Авиуме выделяется так же, как имний – на улице Москвы.

Одежду Эйхгорн более или менее отстирал. Древние механизмы пришельцев не предоставили ему никаких чистящих средств, но с водой они не жадничали. А в медицинской капсуле ему устроили что-то вроде обеззараживающей ванны. По всей видимости, ультразвуковой – Эйхгорн так и не сумел точно расшифровать обозначающий это термин.

Но даже в чистой, не заляпанной кровью одежде Эйхгорн все равно не замаскируется под имния. Разве что под очень уродливого и бескрылого. Значит, нужно искать какой-то иной путь. Способ покинуть весь Алатус или средство обезопасить себя.

Кстати, насчет этого. Возможно, что-нибудь все-таки найдется…

Глава 58

Даже спустя полтора месяца Эйхгорн по-прежнему умел не управлять инопланетными приборами, а только пользоваться некоторыми их функциями. Он оставался в положении хомяка в клетке, которому поставили автопоилку, активируемую толчком мордочки.

И однако такая возможность здесь несомненно есть. Где-то в операционной системе скрывается способ получить если не админские, то хотя бы полноценные пользовательские права. Запертые отсеки, запароленные участки сервера… получив полный доступ, Эйхгорн наверняка решит кучу проблем.

Вопрос в том, как его получить. Эйхгорн владел минимальными навыками программирования, но хакерством никогда не увлекался. А даже если б и увлекался – это принципиально иной компьютер с принципиально иной операционной системой.

Эйхгорн не был даже уверен, что там используется двоичный код.

Но он рассуждал так: этим компьютером пользовались все члены экипажа. А работали они среди имниев, первобытных существ, едва ли имеющих представление даже о абаке. Следовательно, принимать слишком уж драконовские методы защиты не требовалось. К тому же здесь предусмотрено обслуживание неавторизованных пользователей, а бортовой журнал вообще находится в открытом доступе.

Так что Эйхгорн рассчитывал все же найти какую-то лазейку. Человеческий фактор везде человеческий фактор. Разумным существам свойственно допускать неточности, погрешности и просто халтуру. Где угодно найдется разболтанный замок или прилепленный к монитору стикер с паролем.

Надо только обыскать все достаточно скрупулезно.

Если чем Эйхгорн и отличался, так это скрупулезностью. Он перелопатил все, к чему имел доступ, осмотрел каждый файл… хотя в данном случае слово «файл» неуместно, наверное. Эйхгорн не был уверен, как именно хранится здесь информация.

И в конце концов он кое-что нашел. Маленькую заметочку, приписку, оставленную кем-то из членов экипажа. Говорилось там буквально следующее: «Пароль прежний, моя дата рождения».

Больше ничего. Но Эйхгорну этого хватило.

Насколько Эйхгорн понял, основное информационное хранилище было общим. У каждого пользователя имелась еще и собственная «директория» – но в них Эйхгорну попасть не

светило, они открывались только для владельцев, авторизацией по некой «нейронной частоте». Эйхгорн понятия не имел, что это такое, но взлому оно явно не поддавалось.

Зато некоторые участки требовали только пароля. Несомненно, чистая формальность, просто на всякий случай. А в бортовом журнале содержались краткие досье на всех членов экипажа. Эйхгорну они не говорили ничего – бессмысленные имена, бессмысленные сведения. Большая часть – непонятно что означающие числа.

Но почти наверняка среди этих чисел есть даты рождения. Неважно, какую именно хронологию использовали пришельцы – главное, что она численная. Никаких «Золотых Ястребов».

Эйхгорн запомнил все сочетания цифр, что могли быть датами. И принялся последовательно вводить их везде, где компьютер запрашивал пароль. За ошибки здесь не наказывали, количество попыток не ограничивалось. Отсутствовали и логины.

И на сто восемьдесят второй попытке удача улыбнулась. Очередное сочетание цифр вызвало новый, ранее не виденный голографический рисунок.

Какое-то время Эйхгорн вообще не понимал, что это. А потом вдруг дошло – он просто смотрит под неправильным углом. Перед ним карта-схема Авиума. Чертеж внутреннего пространства этого гигантского корабля.

Примерно две трети его занимал город имниев. Всю верхнюю половину и периметр нижней. Все проходы туда запечатаны, кроме вентиляционных шахт – именно их имнии приспособили под мусоропроводы.

В днище располагалась… видимо, силовая установка. Принцип ее действия пока неясен, но точно не какой-либо из известных на Земле.

Ну а в самом центре – ядро. Зал управления, машинный отсек и подсобные помещения. То самое место, где находится Эйхгорн.

Однако, как он и предполагал, здесь оказались еще отсеки. Запертые. Эйхгорн осмотрел их со всех сторон, несколько раз перечитал технические описания и решил, что ему необходимо осмотреть все. Особенно вот это крупное, обозначенное как… Эйхгорн не совсем был уверен в термине «воклок», но подозревал, что это «ангар».

Сама по себе карта мало чем ему бы помогла. К счастью, здесь же находилась и панель управления, позволяющая открыть любую дверь. И вот это Эйхгорна несказанно обрадовало.

Хотя начал он не с ангара. Начал он с помещения, обозначавшегося явно составным словом, включающим в себя сочетания «кта» – ключ, и «верок» – комната. Ключ-комната. Что

бы там ни хранилось, оно наверняка важно.

Это оказалось совсем маленькое помещение, от силы на десять квадратных метров. Голые стены, полумрак, а в центре – парящий фиолетовый шар. Эйхгорн дважды обошел вокруг него, немного подумал и обошел в третий. Рядом с этим объектом стрелка вормолеграфа чуть заметно вздрагивала… что это может означать?

– Сур лимар оут фу лих фит аш ктотта, – прозвучал механический голос. – Система не распознает вас, пожалуйста, авторизуйтесь.

Вместо ответа Эйхгорн коснулся фиолетового шара. Тот чуть заметно вздрогнул, его поверхность пошла рябью. Палец Эйхгорна окутало искорками, и он слегка погрузился внутрь.

Странный предмет не был твердым, но не был и жидким. И уж точно это не голограмма. Он пульсировал, точно живой, но тем реакция и ограничивалась.

Эйхгорн попытался сдвинуть шар – тот не шелохнулся.

– Авторизация, – на пробу произнес он. – Ктотта ир.

– Нейронный код не распознан, – ответила система. – Являетесь ли вы Наблюдателем?

Эйхгорн на секунду задумался. Это что-то новое. Знать бы еще, какой тут правильный ответ…

– Да, – рискнул он. – Являюсь Наблюдателем.

– Система не распознает вас, – повторил механический голос. – Объясните причину.

– Нейронный банк устарел?.. – предположил Эйхгорн.

Система на какую-то долю секунды промедлила. Кажется, теперь уже она задумалась.

– Объяснение принято, – был ответ. – Обновлений действительно не было дольше максимально допустимого периода. Связь с Ядром отсутствует более трех тысяч стандарт-циклов. Вы подтверждаете свою принадлежность к Наблюдателям?

– Подтверждаю.

– Ваш ранг?

– Не помню.

В первый момент Эйхгорн хотел назвать случайное число. Но это показалось ему чересчур рискованным. Что если ранги обозначаются здесь не числами? Что если это цвета, буквы или вообще названия животных? Что если нужно ответить нечто вроде «Великий гигант» или «Бриллиантовый директор»? Мало ли как выпендриваются эти Наблюдатели.

– По какой причине вы не помните своего ранга? – терпеливо спросила система.

– Забыл, – нагло ответил Эйхгорн.

Система снова промедлила долю секунды. Человек на ее месте заподозрил бы неладное, но компьютер покорно принял слова Эйхгорна за чистую монету.

– Вы желаете пройти лоптрот икка? – предложил компьютер.

Последних двух слов Эйхгорн не знал. Он учил язык хозяев корабля с помощью древнего имнийского, а там отсутствовало огромное количество терминов. Часть их Эйхгорн перевел по смыслу, но далеко не все.

Итак, что такое «лоптрот икка»? Эйхгорн сказал, что забыл свой ранг, – и ему предлагают пройти эту… процедуру?.. Что это может быть? Восстановление логина и пароля? Исключено, компьютер его не распознает и связи с неким Ядром у него нет. В таких условиях он ничего не восстановит даже настоящему Наблюдателю, а не липовому.

Возможно, это какая-то процедура по восстановлению воспоминаний? Сеанс психоанализа? Нечто вроде гипнопедии?

– Нет, не желаю, – отказался Эйхгорн.

– По какой причине вы не желаете пройти лоптрот икка?

– Не хочу.

– У вас есть арта стук?

– Нету.

– Назовите в таком случае имя вашего ропрак, – сказал компьютер.

Его голос оставался все таким же механическим, лишенным эмоций, но Эйхгорну почудилось в нем недовольство.

– Я не помню имя моего ропрак, – продолжил он. – Забыл.

– Вы уверены, что вы Наблюдатель?

– Уверен.

На несколько долгих секунд компьютер смолк. Похоже, Эйхгорн его крепко озадачил.

– Подтвердите свою принадлежность к Наблюдателям, – попросил компьютер.

– Подтверждаю.

– Принято. Вы получаете пользовательский доступ в систему виманы.

Эйхгорн невольно расплылся в улыбке. Он все-таки пробился.

Ему повезло, что инопланетный компьютер оказался не слишком умным, но и не слишком тупым. Настоящий искусственный интеллект легко раскусил бы столь жалкую попытку обмана. А какой-нибудь земной компьютер просто упорно твердил бы: введите логин и пароль. Забыли? Восстановите предусмотренным системой способом. Не хотите или не можете? Ваши проблемы.

А этот хоть и неохотно, но согласился поверить Эйхгорну на слово. Удовлетворился тем фактом, что он говорит на их языке.

Видимо, его хозяева просто не предвидели подобной ситуации – чужак, выдающий себя за Наблюдателя.

Теперь Эйхгорн смог прочесть бортовой журнал целиком. И вообще ему раскрылось множество данных, которые раньше оставались невидимыми. Они поведали немало интересного о хозяевах корабля.

Оказалось, например, что Авиум – не космический корабль. Нет, в космосе он тоже способен летать, но его основная задача – перемещение между параллельными мирами. Подобные аппараты называются «виманами», а их хозяева именуют себя Наблюдателями.

Наблюдатели – это не один биологический вид, а несколько сотен разных. Это высокотехнологичная межмировая организация, незаметно изучающая десятки тысяч миров, а изредка и помогающая – как в случае с имниями. Собственного мира у них нет – они базируются на виманах. Этакие ученые-кочевники. Спасая какой-нибудь народ от вымирания, они перевозят большую его часть в другой мир, но некоторых, самых развитых особей оставляют у себя и постепенно ассимилируют.

Что собой представляет вышеупомянутое «Ядро» и где оно располагается, Эйхгорн точно не выяснил. Этот термин встречался в компьютере, но подавался как нечто само собой разумеющееся, без толкований.

Однако Эйхгорн предположил, что это нечто вроде центрального сервера. То и дело компьютер отказывался что-то сделать или предоставить какую-то информацию, извиняясь тем, что «нет связи с Ядром». Причем связи не было уже очень давно, поскольку виману явно бросили на произвол судьбы.

Последняя запись в бортовом журнале сообщила только, что экипаж покидает борт. Дальше ничего не было. Эйхгорн запросил сводку посещений – оказалось, что спустя четыре столетия Наблюдатели таки возвращались на Авиум, но пробыли здесь совсем недолго и никаких записей не оставили.

Видимо, просто проверяли, все ли еще он в рабочем состоянии.

А потом более трех тысяч лет – тишина. Никаких посетителей, пока не появился Эйхгорн. Если сюда и попадали какие-то имнии, до компьютера они не добирались. А если и добирались – включить его не сумели.

Хотя нет, не добирались. В отличие от внешних коридоров, превращенных в огромные могильники, в зале управления нет ничьих останков. Воздух здесь очень сухой – мумии или хотя бы

скелеты обязаны были сохраниться. Следовательно, здесь никогда никого и не было.

Теперь, получив доступ полноправного пользователя, Эйхгорн мог двигаться дальше. И прежде всего он двинулся в ангар. Ему давно хотелось взглянуть на здешний авиапарк.

Тот его не разочаровал. Когда Эйхгорн вошел, все озарилось голубоватым светом, и в нем проступили красивые плавные обводы. Тот самый до боли знакомый дизайн, что с такой надеждой высматривает в небе Извольский.

Летающая тарелка. Серебристо-белая, на трех тонких опорах, накрытая сверху прозрачным стекловидным куполом. Совсем маленькая, чуть более трех метров в диаметре.

Вероятно, это спасательная шлюпка или баркас для коротких перелетов. Внутри всего одно сидячее место. Причем предназначалось оно явно для существа мельче человека – Эйхгорну там было тесновато.

Но он вполне уместился. Пришлось немного скрючиться, чуть подогнуть колени, но в целом нормально. Сиденье оказалось чем-то вроде кресла-мешка – оно само изменило форму, идеально повторив контуры человека.

Эйхгорн позволил себе несколько минут просто посидеть в кабине летающей тарелки. Насладиться моментом. Ему подумалось, что Извольский бы отдал квартиру, дачу и жену за возможность оказаться на его месте.

Впрочем, жену он отдал бы даже за трамвайный билет.

Эйхгорн не был уверен, что ему удастся запустить находку. Здесь не было никаких стандартных средств управления – штурвала, педалей, кнопок, ручек… ничего. Только сиденье и голая панель перед лицом. Словно это не настоящий транспорт, а муляж.

Но потом он приблизил голову к панели – и из нее вынырнула голограмма. Уже привычно погрузившись в нее, Эйхгорн стал разбираться, что к чему.

Примерно через полчаса он понял основной принцип. Еще через час – рискнул завести двигатель. Тот работал абсолютно бесшумно, словно тарелка сама была голограммой.

Насколько Эйхгорн понял, эта шлюпка, да и весь Авиум работают на электромагнитном взаимодействии. Два параллельных проводника запитаны переменным током так, чтобы волна одного из них подходила к другому в тот момент, когда в нем максимум тока, а обратная доходила до первого, когда там тока уже нет. В результате в системе возникает нескомпенсированная сила Ампера и соответственно тяга. Правда, для создания большой тяги нужны высокочастотные

электромагнитные устройства – на Земле подобных пока нет, а вот Наблюдатели их уже изобрели.

Не исключено, что Эйхгорн не все понял правильно. Многие термины чужаков он по-прежнему переводил почти наугад. Но не так уж важно, как именно этот механизм работает – главное, что работает. И Эйхгорн может им управлять. А это дает ему огромный козырь.

Собственно, это решает почти все его проблемы.

Теперь, получив летающую тарелку, Эйхгорн мог просто покинуть Алатус. Неясно, насколько ей хватит горючего… и вообще вопрос с горючим туманен. Также неясно, какую она способна развивать скорость. Но уж долететь на ней до ближайшей земли Эйхгорн всяко сумеет.

Однако он пока не спешил покидать недра Авиума. Ему нет-нет, а вспоминался гниющий заживо великий сипа, которого каждые три часа орошают свежей кровью. Конечно, обычаи туземной культуры Эйхгорна никак не касались, но он почему-то не хотел, чтобы так продолжалось дальше.

Вопрос в том, сможет ли он на это как-то повлиять. Даже с помощью тарелки. Хоть и летающая, она всего одна – а у сипы тысячи имниев. Они вооружены всего лишь ножами и копьями, но Эйхгорн не вооружен ничем вообще… или вооружен?

Он снова закопался в настройки машины, ища информацию о дополнительных устройствах. Быть может, здесь есть какой-нибудь луч смерти, гиперболоид… должны же у Наблюдателей быть средства самообороны. Даже если они пацифисты, исключительно мирные ученые-исследователи, им наверняка приходится работать в том числе во враждебной среде.

Увы, ничего смертельного или способного причинить хотя бы умеренные повреждения Эйхгорн так и не обнаружил. Только мощный прожектор и притягивающий луч. Вероятно, с помощью последнего вимана брала образцы, пробы грунты или биоматериалы. Возможно, также это использовалось при стыковке.

В ангаре было не так уж много места. Эйхгорн только немного приподнял тарелку – та отзывалась очень легко, – повисел немного над полом и снова опустил. Он убедился, что при необходимости сможет ею управлять.

Хорошо бы, конечно, провести пробный вылет, но тогда не получится сюрприза. А эффект неожиданности занимал большое место в планах Эйхгорна.

Вообще, одолеть в одиночку целую державу – это жуткая авантюра. С другой стороны, у Кортеса и Писарро прокатило. Конечно, они действовали не в одиночку, но силы были настолько

неравны, что до сих пор удивительно, как легко у них все прошло.

Как раз о Кортесе Эйхгорн когда-то писал курсовую. Он тогда перечислил по пунктам все факторы, что позволили ему обрушить Ацтекскую империю. И Эйхгорн по сей день мог процитировать их почти дословно.

Первое. Религиозный дурман. Миф о виракочах, который очень удачно совпал с испанцами. Белокожие, с бородами, на огромных плавучих домах с крыльями… То ли отголосок когда-то посещавших Америку викингов, то ли пущенный заблаговременно самими же испанцами слух, то ли невероятное совпадение…

Второе. Плоды технического прогресса. Огнестрельное оружие и лошади. Лошади даже в большей степени – поначалу индейцы их ужасно боялись, а при виде всадников просто брякались на колени. Это уже потом они сами стали наездниками не хуже белых.

Третье. Помощь дружественных туземцев. Ацтекская империя была многонациональной, но вся власть там принадлежала одной-единственной нации – мешикатль. Не самой многочисленной, кстати. И другие народы эту нацию… не любили. Очень мягко говоря. При появлении Кортеса они стали записываться в его армию тысячами – лишь бы расквитаться с хозяевами.

Четвертое. Человеческий фактор. Фернан Кортес был выдающейся личностью и незаурядным полководцем. Тогдашний же касик, Мотекусома, был ничтожеством и рохлей.

Пятое. Эпидемии. Испанцы принесли на новую землю такую штуку, как оспа – и у индейцев к ней не оказалось иммунитета. Правда, болезнь вошла в силу, когда все было по большей части уже решено, но свой вклад она тоже внесла.

Но из всего этого списка Эйхгорн может рассчитывать только на второй и, хочется надеяться, четвертый пункты. За бога имнии его вряд ли примут, поднимать туземцев на восстание особо некогда, а эпидемии… когда-то Эйхгорн опасался, что станет для этого мира источником страшной заразы, но вроде бы обошлось. То ли в его крови не нашлось достаточно смертельных микробов, то ли иномиряне для земных вирусов неаппетитны.

Так или иначе, одной летающей тарелкой ему не обойтись. Нужно придумать что-нибудь еще. Какое-нибудь оружие. Бомбы. Мины. Ракеты. Что-нибудь, способное заставить сипу задрать лапки.

И ответ нашелся в мастерской. Еще одном помещении, в которое Эйхгорн теперь получил доступ. Точнее, была это не мастерская, а что-то вроде складского отсека. Большую часть хозяева виманы, разумеется, забрали с собой, но немножко

оставили – видимо, на крайний случай.

Здесь, например, стало ясно, откуда берется каша, которую Эйхгорн ел все это время. Из бака с дрожжами. Конечно, это были не дрожжи, но что-то очень на них похожее. Такое бесформенное желтое месиво, живущее в баке собственной жизнью. Кажется, оно даже слегка шевелилось.

Эйхгорн заподозрил, что его собственные испражнения поступают туда же. Все эти месяцы он справлял нужду в некую емкость, которая отдаленно, но все же напоминала унитаз. Там не было бумаги, зато имелось биде, и все утекало куда-то в пустоту… что еще это могло быть?

Впрочем, эти вопросы Эйхгорна особо не волновали. Конечно, интересно знать, как функционирует корабль пришельцев – называть Наблюдателей инопланетянами уже неправомерно, – но это можно оставить до лучших времен. Сейчас главное – обзавестись средствами ведения… нет, не войны, конечно, но чего-то в этом роде.

И Эйхгорн их тут нашел. Средства… не самообороны, но хотя бы психологической атаки. Немного пиротехники, немного инструментов, немного старых, невероятно пыльных приборов. Видимо, забытый скарб.

Возможно, списанный. Возможно, у него давно закончился срок годности. Даже почти наверняка закончился – прошло больше трех тысяч лет. Свои виманы Наблюдатели строили с фантастическим запасом прочности – что громадный Авиум, что маленькая летающая тарелка по-прежнему работают бесперебойно, – но вряд ли они делали так же надежно все без исключения. Скорее всего, находки в таком же состоянии, как вещи на балконе двоюродной бабушки Зины.

Если что-то удастся хотя бы запустить – это уже будет удачей.

И снова потекли дни. Час за часом Эйхгорн просиживал на складе, копаясь в древних обломках. Как он и предполагал, большая часть приборов давно вышла из строя. Ну или Эйхгорн просто не сумел понять, как они включаются. Собственно, даже предназначение львиной доли предметов оставалось для него загадкой.

Вот этот длинный фиолетовый стержень с тремя выступами на конце – для чего он? Инструмент? Оружие? Деталь от чего-то? Или просто чесалка для спины?

Чесать ей спину, кстати, оказалось удобно.

А что это за металлический прямоугольник, похожий на удлиненный спичечный коробок? Матово-белая загогулина, часть которой как будто растворяется в воздухе? Пакет шариков, странным образом не прикасающихся друг к другу? Нечто вроде

темных очков, но с тремя линзами и без дужек?

Однако кое-что из доставшихся ему вещиц Эйхгорн таки сумел приспособить к делу. Он все равно толком не разобрался в их предназначении и подозревал, что забивает гвозди микроскопом, но это лучше, чем ничего.

Например, штуковина, похожая на короткий пластиковый жезл с шаром на конце. Она светилась. Достаточно было коснуться стержня пальцами в определенной последовательности, чтобы она начинала излучать свет. Разные последовательности давали разную интенсивность и цвет световых волн.

Возможно, это просто фонарик. А возможно, какой-то сложный прибор, свечение которого – всего лишь побочный эффект. Смартфон тоже светится.

Но примочка полезная. Здорово похожая на волшебную палочку – жаль, в Парибуле у Эйхгорна такой не было. Прямо классический атрибут чародея.

Еще Эйхгорн нашел парные магнитные кольца. Разомкни контакты – и одно отлетает от другого ровно на три с половиной метра. После этого они словно соединяются невидимой палкой. Перемести одно – второе переместится следом.

Что это и для чего, Эйхгорн не понял. Но весили эти кольца не менее килограмма каждое, так что ими здорово можно кого-нибудь ударить. Холодное, но при этом дистанционное оружие.

Но лучшей находкой Эйхгорна оказался пространственный координатор. Вормолеграф при виде него сразу оживился, стрелка заходила из стороны в сторону. Эйхгорн некоторое время рассматривал прибор, похожий на футуристический пылесос, а потом рискнул нажать крайнюю из четырех кнопок…

Часть стены исчезла.

Просто исчезла. На какой-то миг там вспыхнуло что-то вроде черного пламени, а потом – пам!.. – и нету. Совершенно беззвучно.

Эйхгорн от души порадовался, что не держал прибор «дулом» к себе.

Три остальные кнопки Эйхгорн долгое время нажать не решался. Найти в компьютере инструкцию не удалось. Все, что там имелось – складская опись, сухой перечень имущества, оставленного на борту виманы. Этот прибор стоял там под номером 1025 и назывался «купитак лооту». Эйхгорн уже знал, что «лооту» – это «пространство».

Кроме кнопок на приборе было три тумблера и две шкалы – односторонняя и круговая. На односторонней был бегунок, на круговой – стрелка. Обозначения на них Эйхгорну ничего не говорили.

Ему ужасно хотелось разобрать устройство и посмотреть, что там внутри. Но он еще помнил случай с дальнозеркалом. Весьма велика вероятность, что после стороннего вмешательства прибор – очень ценный прибор! – перестанет работать.

Так что Эйхгорн ограничился экспериментами с интерфейсом. Он щелкал туда-сюда тумблерами, переставлял в разные положение бегунок и давил на все кнопки по очереди.

От души при этом надеясь, что не создаст черную дыру и не улетит за горизонт событий.

Глава 59

День, когда из-под Авиума вылетела летающая тарелка, запомнился имниям надолго. Они повидали немало летательных штуковин – от волшебных ковров до гигантских стрекоз, – но такого раньше не видели.

Опасения Эйхгорна не оправдались – вимана была в прекрасном состоянии и работала как часы. Она резала воздух удивительно плавно, мгновенно отзывалась на каждую команду. Эйхгорн пилотировал ее с такой легкостью, словно сызмальства посещал курсы пилотов НЛО.

Двигалась вимана абсолютно бесшумно, так что имнии не сразу ее заметили. Эйхгорн подозревал, что у нее есть и стелс-режим, но так и не сумел его включить. Вместо него он включил прожектора – под Алатусом царила кромешная мгла. Эйхгорну вспомнилось, как он однажды погружался в батискафе.

Он не торопился. Неспешно летел, рассматривая «подбрюшье» этого небесного материка. Погруженное в вечную тьму, оно оказалось покрыто толстым слоем мохообразной субстанции, усеяно сотнями домов-мазанок, похожих на ласточкины гнезда, и кишело имниями. Судя по их виду, тут жила самая беднота, люмпены Алатуса. Они провожали виману иногда удивленными, но чаще равнодушными взглядами.

Однако постепенно Эйхгорн вызывал все больше интереса. Еще не освоившись полностью, он шел на сверхмалой скорости – чуть быстрее летящего голубя. Жирного городского голубя, которому лень шевелить крыльями. И вокруг этой светящейся серебристой штуковины постепенно собирались любопытствующие.

Самого Эйхгорна они не видели. Накрывающий тарелку купол был абсолютно прозрачен изнутри, но зеркален снаружи. Имнии видели в нем только свои отражения.

Но они все равно слетались отовсюду. Галдели, щебетали, показывали пальцами и обменивались мнениями насчет загадочного объекта. Эйхгорн в кабине слышал их превосходно.

Большинство считало, что это волшебник-ползун. Какой-то новый, нестандартный. Два мальчугана уже пытались уцепиться за виману сверху, а какой-то агрессивный дед тыкал в нее косой.

Тогда Эйхгорн увеличил скорость. Имнии сразу осыпались с гладкой поверхности, а через пару минут просто отстали. Самые молодые и энергичные еще силились догнать этот островок света, но надолго их не хватило.

Вообще, здесь имниев было совсем немного. Это

непосредственно под ангаром, прямо на «люке» располагался оазис, островок тепла и растительности. Видимо, он немного нагревался изнутри, машинным отделением. Но чем больше Эйхгорн от него удалялся, тем холоднее и мертвее становился «потолок». Вскоре покрытые мхом трущобы закончились совсем и потянулся голый металл, дно гигантской виманы.

Дорога Эйхгорна ожидала неблизкая. Предстояло пролететь весь радиус Алатуса, потом подняться и проделать тот же путь в обратном направлении. Это громадная дистанция.

Поэтому Эйхгорн еще прибавил газу. И еще. Летающая тарелка мгновенно разгонялась с нуля до тысячи километров в час и так же мгновенно останавливалась. При этом она не издавала ни единого звука, не оставляла за собой трассы и свободно двигалась в любом направлении. Настоящий транспорт мечты.

Самолет. Воробей. Аэростат. Летающая тарелка Наблюдателей превзошла их всех.

Сюда бы еще луч смерти – и совсем хорошо.

Впрочем, об этом Эйхгорн размышлял не всерьез. На самом деле он никому не хотел причинять вреда. Только добраться до великого сипы.

Причем даже его он хотел не убить, а просто посмотреть в глаза. Спросить, как же он докатился до жизни такой. Почему так вышло, что великий некогда правитель превратился в паразитирующего кровососа.

Конечно, в политике подобное случается частенько, но тут уж совсем из ряда вон выходящий случай.

Постепенно становилось светлее. Далеко впереди… это выглядело как просвет в тучах. Эйхгорн погасил прожектора.

За проведенные в недрах Авиума месяцы он утратил чувство времени. Но судя по алым отблескам, сейчас поздний вечер.

Когда Эйхгорн достиг края Алатуса, солнце уже почти закатилось. Он остановил виману и пару минут просто взирал на сумеречный Парифат. Бескрайнее мо… нет, не море. От горизонта до горизонта внизу простиралась зелень. Алатус достиг какой-то суши, причем это либо материк, либо очень большой остров.

Эйхгорну даже захотелось плюнуть на сипу и просто рвануть куда глаза глядят. Теперь, когда у него есть летающая тарелка… грудь распирает от открывшихся возможностей! Необычайное удобство, громадная скорость… жаль, грузоподъемность ничтожна. Кроме пилота в кабину почти ничего и не помещается.

Но даже с учетом этого перспективы потрясающие.

И все же Эйхгорн не повернул. Как когда-то на воздушном

шаре, он поднялся над Алатусом и взял курс к центру. Над небесными джунглями, среди пузырь-древ и раковин-поплавков.

У него не было ни карты, ни компаса, ни ландыша севера, так что ориентироваться оказалось непросто. Солнце уже зашло, звездное небо практически незнакомо. Это внизу было легко – в какую сторону ни лети, рано или поздно достигнешь конца. А вот отыскать таким же образом центр…

Чтобы сориентироваться, Эйхгорн поднялся повыше. Туда, где стал отчетливо виден закругляющийся край Алатуса. Мысленно проведя радиус, Эйхгорн прибавил скорость.

Он не ошибся. За какой-то час с четвертью вимана достигла центра, достигла Авиума. Луч прожектора начал выхватывать ночных прохожих-имниев, их жилища, летучие корабли.

Авиум и без виманы оказался ярко освещен. Повсюду горели факелы и причудливого вида светильники, забранные слюдянистой оболочкой.

Эйхгорн задумался, знают ли уже здесь о нем. Нижний, трущобный Авиум должен соединяться с верхним какими-то проходами, туннелями. Сложно представить, что имнии обогнули весь Алатус, чтобы поселиться в вечной темноте, где не на что сесть и нечего съесть.

Значит, слухи о странном летательном объекте могли сюда уже добраться. Вопрос в том, насколько серьезно их воспримут. Имнии показались Эйхгорну довольно легкомысленными существами.

Но насколько бы легкомысленны они ни были, виману заметили быстро. И, как и внизу, налетели на нее со всех сторон. Снова поднялся галдеж, как в птичьей стае, снова тарелку облепили дети, подростки и вздорные старики. Разве что гуано на лобовое стекло не падало.

Эйхгорн по-прежнему игнорировал всю эту возню. Летательный аппарат Наблюдателей обладал недюжинным запасом прочности. Неизвестно, как он отреагирует на огнестрельное оружие или удары кувалдой, но имнии точно не могли его даже поцарапать.

Но бесконечно так продолжаться не будет. Вимана не пройдет во внутренний коридор. Значит, Эйхгорну нужно где-то приземлиться… и как-то пробиться сквозь имниев.

Он много дней обдумывал план действий. Постарался предусмотреть все возможные варианты событий. Но не мог не понимать, что всегда может произойти нечто совершенно непредсказуемое.

Начал Эйхгорн с психологической атаки. Подлетев как можно ближе к главному входу, врубил сирену. Омерзительный гудящий

звук – впервые услышав его сам, Эйхгорн едва не упал.

По счастью, сейчас он его не слышал – вместе с сиреной в кабине автоматически включалась звуконепроницаемость. Зато он видел его воздействие – имнии хватались за уши, теряли равновесие, истошно кричали.

Наведя панику, Эйхгорн приземлился на удобном пятачке и, пока имнии не опомнились, выбрался наружу. Он был облачен в еще одну находку со складов Авиума – светоотражающий костюм. Целиком состоящий из оптоволокна, он принимал световые лучи с одной стороны и отдавал с другой. В результате достигалась пусть и не полная, но невидимость.

При движении Эйхгорна еще можно было разглядеть – как текучий силуэт, дрожащий в воздухе мираж. Когда он замирал – исчезал почти бесследно. Особенно сейчас, в темноте.

Виману он просто оставил. Техника безопасности Наблюдателей не предусматривала никаких ключей и паролей – любой желающий мог просто сесть в кабину и полететь. Единственное, что для этого требовалось – дать устную команду.

На языке Наблюдателей.

Стражники-имнии получили по удару в висок раньше, чем успели что-либо сообразить. Эйхгорн даже не подходил к ним – просто разомкнул контакты на магнитных кольцах. Он превосходно натренировался владеть этим странным оружием… или не оружием. По-прежнему неизвестно, как Наблюдатели применяли подобное приспособление.

И вот Эйхгорн снова оказался во внутренней области Авиума. Снова те же стальные коридоры – только теперь уже знакомые, понятные и даже какие-то родные.

Даже ночью здесь кипела жизнь. Особенно сейчас. Имнии явно уже знали, что кто-то к ним вторгся – они тревожно гомонили и носились, как оглашенные. То и дело кто-нибудь инстинктивно пытался взлететь, тут же ударяясь о стену или потолок.

В слабом свете факелов Эйхгорна никто не замечал. Но натыкаться на него периодически натыкались – один раз даже налетели и сшибли с ног. Имний ошалело завертел головой, не понимая, что произошло.

Эйхгорна рядом уже не было. На открытом воздухе он не мог тягаться с этими летучими созданиями, но здесь, в тесном коридоре, имнии двигались скованно, неуклюже. К тому же большая их часть – изнеженные дворянчики, едва ли часто занимавшиеся физическими упражнениями.

Дорогу к тронному залу Эйхгорн запомнил хорошо. Он вообще редко что-либо забывал. По дороге ему встретились два

жреца – они деловито тащили к «мусоропроводу» очередной труп.

Эйхгорн их проигнорировал. Хотя лицо одного показалось знакомым… очень может быть, что это именно он вырвал Эйхгорну сердце.

А может, все-таки и не он. Эти имнии все похожи.

Так или иначе, Эйхгорн не тронул исполнителей, сосредоточившись на главном источнике проблем. Еще пара минут – и он оказался с ним лицом к лицу. Вновь предстал перед великим сипой.

Несмотря на позднее время, тот бодрствовал. Ему только что сделали очередную «инъекцию», так что выглядел он живеньким, дышал почти без хрипов и даже слабо улыбался. Обок, как обычно, стояли жрецы, перед троном, на коленях – следующие жертвы. На этот раз – только имнии, ни одного человека.

Времени Эйхгорн терять не стал. На его стороне эффект неожиданности, и движется он пока успешно – но нет гарантии, что у имниев не найдется какого-нибудь волшебства или иных козырей.

Так что он, оставаясь полуневидимым, просто поднял пространственный координатор и нажал на кнопку. Третью слева.

Эйхгорн экспериментировал с этим прибором очень долго. Он был на седьмом небе, получив такую замечательную игрушку. И теперь точно знал, что третья кнопка в буквальном смысле скручивает пространство на небольшом участке. Фактически это то же самое, что делал мэтр Шторелли, создавая минимы – свертывает объект или совокупность объектов до микросостоянии.

Эффект временный. Продолжительность устанавливается бегунком – от пары минут до… максимум установить не удалось. Все объекты, что Эйхгорн «свернул» на максимальный период, по-прежнему пребывали в облике четырехмерных черных клякс.

Именно в такие кляксы сейчас превратились жрецы и стражники. К сожалению, у Эйхгорна не было возможности испытать прибор на живых существах, так что он не знал, насколько это безопасно. Он планировал расспросить имниев о самочувствии, когда те вернутся в нормальное состояние.

Ну а если не вернутся… тоже результат. Эйхгорн будет знать, что на людях пространственный координатор применять не следует.

«Свернув» всех присутствующих, кроме ожидающих смерти рабов, Эйхгорн переключил координатор на второй режим. Вот его точно нельзя применять на людях – ибо он заставляет объекты… комкаться. Видимо, тоже сворачивает пространство, но иначе – предметы остаются сами собой, но резко меняют форму.

Их словно стискивают, скручивают невидимые силачи.

Именно это произошло с дверями. Проход расколбасило со страшной силой. Что-то вогнулось, что-то вдавилось, что-то просто пошло рябью. Металл частично оплавился, отдельные детали срослись, смешались друг с другом.

Эйхгорн облучал двери до тех пор, пока они окончательно не стали непроходимы. Чтобы теперь преодолеть этот завал, нужна бригада работяг с кирками.

Так Эйхгорн остался наедине с великим сипой. Рабов в расчет можно не принимать – те сидят в прежних позах, покорно опустив головы.

– Ты… кххххто?.. – прошамкал дряхлый имний, наконец сообразивший, что обычный протокол нарушен.

– Никто, – задумчиво ответил Эйхгорн. – Я никто. Обычный человек.

Подождал реакции. Сипа молчал и только глупо таращился. То ли на Алатусе о бороте не слыхали, то ли его царю было просто плевать.

– Ты… ты… – наконец пролепетал он. – Как ты… как ты смеешь смотреть мне в гххлаза?! Нечестивф-фец!.. Склонись!..

– Э-э… пожалуй, откажусь, – помотал головой Эйхгорн. – Но спасибо за предложение.

– Чего ты хочешь от меня?! – взвыл сипа.

– Да ничего особенного. Я просто хочу сказать тебе несколько слов. И все они матерные.

Эйхгорн повернулся к рабам. Те по-прежнему не проявляли никакой активности. Их взгляды были снулыми и безразличными.

Эйхгорн вздохнул. Ему почему-то хотелось, чтобы великий сипа осознал всю глубину своего морального падения. Так что он подробно, вдумчиво изложил перечень его преступлений перед обществом.

Сипа слушал, но явно не понимал, о чем ему говорят. А снаружи уже творилось черт знает что. За дверями сгрудилась уйма имниев – они орали, вопили и пытались вломиться в тронный зал.

– Уходи, – проскрежетал сипа. – Уходи прямо сейчас, и останешься жив.

Эйхгорн не стал отвечать на это очевидно невыполнимое предложение. У тронного зала всего один вход – он же и выход. Можно предположить, что существует потайная дверь – но отчего в таком случае ею уже не воспользовались слуги сипы? Отчего они продолжают ломиться через изуродованные прибором Наблюдателей ворота?

Конечно, на самом деле запасной выход у Эйхгорна есть.

Первый режим пространственного координатора. Самый простой и чрезвычайно эффективный. Нажатие этой кнопки вызывает аннигиляцию вещества – поистине страшное оружие.

Так что в случае крайней необходимости Эйхгорн просто проделает дыру в стене. Но сипа об этом понятия не имеет, так что в его словах нет логики.

Да и не собирался Эйхгорн пока что уходить. Он собирался подождать… ну, часа два. Может, чуть дольше.

– Ты… ты… ты убьешь меня?.. – прошамкал сипа.

– Я не убийца, – помотал головой Эйхгорн. – Никогда никого не убивал и не собираюсь начинать.

– Тогда… чего тебе надо?!

– Да ничего особенного. Когда там у тебя был крайний ритуал?

– Крайний?..

– Последний, – поправился Эйхгорн. – Да. Для тебя он последний…

Когда изуродованную дверь наконец-то снесли, Эйхгорн меланхолично восседал рядом с искаженным в агонии трупом. Смерть великого сипы была довольно неприглядной, но совершенно естественной.

После долгой болезни он наконец-то скончался…

При виде ворвавшихся в зал имниев Эйхгорн вскинул светящийся жезл. Те оторопели, попятились. В этом мире существует настоящее волшебство, так что оно не вызывает у туземцев суеверного ужаса. Они не бухаются перед чародеями на колени и не заглядывают им в рот только потому, что те умеют делать цветные огоньки.

Но в то же время все здесь знают, на что это самое волшебство способно. И волшебная палочка пугает людей, как на Земле пугает пистолет. Даже сильнее – ибо пистолет всегда стреляет одинаково, от него знаешь, чего ожидать. Волшебство же непредсказуемо.

Причем имнии уже убедились, что Эйхгорн кое-что умеет. Они видели исчезнувших жрецов и скомканные двери.

– Боги призвали сипу к себе, – ровным голосом произнес пришелец с Земли. – Пришло время выбрать нового.

Имнии молча глазели на своего бывшего повелителя. Эйхгорн немало бы заплатил, чтобы узнать, о чем они сейчас думают.

– Великий сипа умер, – наконец произнес один.

– Умер великий сипа, – согласился другой.

Какой-то жрец принялся развязывать рабов. Те безучастно смотрели в пол, явно не особо обрадовавшись избавлению. Хотя… может, их все равно принесут в жертву? Сожгут на погребальном

костре сипы или еще что-нибудь? Эйхгорн слабо разбирался в народных обычаях имниев.

Тут начали возвращаться к жизни жрецы и стражники, превращенные координатором в кляксы. Чувствовали они себя не очень хорошо, многих мутило, один лежал без сознания – но хотя бы никто не умер.

Одной проблемой меньше.

На Эйхгорна не попытались напасть. А судя по взглядам, что имнии бросали на мертвого сипу, они и сами испытывали немалое облегчение. Даже его приближенным порядком надоела эта кровавая круговерть, но никто не решался ее оборвать. Слишком глубоко проникло чувство страха.

И теперь, когда это сделал кто-то со стороны… ползун, не знающий правильных порядков… что ж, видно, и впрямь такова воля богов.

А потом один из жрецов еще и узнал Эйхгорна. Все-таки в Авиуме не так уж много людей. Несколько минут этот крылатый старикашка вглядывался Эйхгорну в лицо… рассматривал очки, лысину… а потом истошно завопил.

Он поведал присутствующим, что две луны назад – точно-точно! – он самолично отправил этого ползуна в Шиасс, дабы продлить еще немного существование сипы. Он хорошо его запомнил!

После этого никто уже и не помышлял причинить Эйхгорну вред. При виде него все только шушукались и отводили взгляды.

Пользуясь своей новой репутацией, Эйхгорн провел несколько дней среди имниев. Уже не как раб или пленник, а просто. Его кормили, предоставили жилье, выказывали всяческое почтение. А новый великий сипа, которого выбрали уже на следующий день, даже предложил ползуну место при дворе.

Какое-то время Эйхгорн это обдумывал. Уж очень роскошные озвучили ему условия. Собственная пещера в три имнийских роста, две самых красивых жены, еды вдвое больше, чем сможешь съесть, и право невозбранно смотреть сипе в глаза.

Кто бы не соблазнился?

Но Эйхгорн уже немного подустал от Алатуса. Ему хотелось сменить обстановку. И теперь у него была собственная летающая тарелка, способная за шесть суток облететь Парифат по экватору.

Так что он отказался. Вежливо попросил крылатых людей не обижаться, но ему с ними не по пути. Его ждут дела в другом месте… хотя Эйхгорн пока не решил, в каком.

Впрочем, он не собирался улетать навсегда. Авиум, этот гигантский аппарат пришельцев, еще многое может открыть. Но потом.

А сейчас… сейчас Эйхгорн стоял на берегу Алатуса, рядом со своим личным НЛО, и смотрел вниз. На бескрайнее море зелени. И группу строений – совсем крошечную с такой высоты, однако все же видную. Значит, город довольно большой.

Стрелка вормолеграфа чуть заметно подрагивала. И указывала она не на Авиум, не на силовую установку Наблюдателей, а именно туда, на город. Где-то там притаилась очередная аномалия – причем на редкость мощная.

– Что там? – спросил Эйхгорн.

Рядом сидел на корточках имний. Случайный охотник на небесных спрутов, которого Эйхгорн встретил пару минут назад. Он даже не знал его имени – да и не стремился узнать.

– Мерлимор, – степенно ответил имний. – Это Мерлимор, ползун.

– Мерлимор – это что? Страна?.. Континент?..

– Лес. Громадный лес. Больше всего Алатуса. Там никто не живет.

– Никто не живет?.. – усомнился Эйхгорн. – А вон то – разве не город?

– Наверное, один из затерянных городов Мерлимора. Говорят, их там хватает… Но в них очень опасно.

– Затерянных, говоришь?.. – прищурился Эйхгорн.

Стрелка вормолеграфа дернулась чуть сильнее.